

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

ЭТНОСОЦИУМ

и межнациональная культура

№ 8 (74)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Москва
Этносоциум 2014

Содержание:

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Рябова Е.Л., Бормотова Т.М. Адаптационные проблемы межнациональной миграции (на примере Российской Федерации).....	9
Галяпина В.Н. Сохранение этнокультурных норм в контексте адаптации вынужденных мигрантов.....	15
Галаганова С.Г. Русский национализм и имперское сознание.....	26

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Пономарева Е.Г., Ананченкова П.И., Левашова М.А., Кузнецов М.Ю. Гендерное неравенство в социально-трудовой сфере (опыт социологического исследования федерации независимых профсоюзов России).....	34
Ивакин Г.А. Стратегия и тактика черносотенных союзов и организаций на выборах в III государственную думу.....	49
Ткаченко Е.Н. Профессиональная культура специалиста: определение, структура, факторы формирования.....	57
Тюкин О. А. Институционализация социального обслуживания пожилых людей на дому.....	63
Пищик В.И. Кросс-культурные особенности конспиративистской ментальности.....	69
Грязнова В.Н., Петрухина Н.Б. Инновационный подход к регулированию отношений в системе здравоохранения.....	77
Терновая Л.О. Город для студентов vs студенческий городок: взаимовлияние места и качества обучения.....	83
Кондрашкин В.А. Должностной рост государственных гражданских служащих как форма их социальной мобильности.....	91
Кокорева М.Е. Социокультурные аспекты реабилитации инвалидов в России.....	96

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Беляев М. А. Социально-политический мониторинг восприятия и профилактики экстремизма органами молодёжной политики (на пр. республики Башкортостан).....	102
Аминов И.Р. Место и роль России в этнополитическом конфликте Украины.....	111
Осипенко Н.И. Совершенствование механизма обеспечения востребованности кадрового потенциала региона.....	118
Дидигова И.Б. Противоречия в терминологической системе теории текста...	126
Маклашова Е.Г., Осипова О.В. Место и роль этнической идентичности у молодежи (на примере арктических территорий Якутии).....	132

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Славина Л.Р., Маклакова Е.М., Мустафина Л.Р. Обзор состояния двуязычного образования в западноевропейских и северо-американских странах (Из истории билингвального образования).....	143
Калинина О.В. Роль природных образов в романе А. Макина «Реквием по Востоку».....	148
Еременко К.С. Модели национальной идентичности в общественном дискурсе Канады: от прошлого к настоящему.....	156
Ерохин И.Ю. К вопросу типологии казачьих войск: этнические казачьи войска с кантонной системой управления.....	163
Мартыненко С.Е. Спорт как фактор дипломатического диалога.....	170
Галандаров Нурлан Общественно-политическая стабильность в Азербайджане в контексте религиозной безопасности.....	177
Аннотации	185
Авторы	191
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	193

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА

Смирнов А. А., генерал-майор, кандидат исторических наук.

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ

Озеров В. А., председатель Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти Хабаровского края, кандидат юридических наук.

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Михайлов В. А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Калинина К. В., доктор исторических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Турчинов А. И., доктор социологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, декан факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Нечипоренко В. С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б. Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Иларионова Т. С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Игнатов И. С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Бахарев В. В., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного университета.

Бормотова Т. М., Федеральная миграционная служба Министерства Внутренних Дел России, кандидат социологических наук.

Данакин Н. С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Дубровин Ю. Д., эксперт, доктор юридических наук, Государственный советник РФ 2 класса.

Никонов А. В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Белов В.Г., доктор экономических наук, профессор, Вольное экономическое общество.

Ремарчук В.Н., декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Хитарова И. Ю., доктор философских наук, старший научный сотрудник Государственного учреждения культуры Государственном музее-памятнике «Исаакиевский собор», член Санкт-Петербургского философского общества.

Туманян Т. Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

* * *

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Добров П.В., доктор исторических наук, профессор, академик и член президиума Украинской академии исторических наук, декан исторического факультета Донецкого национального университета, Заслуженный работник образования Украины.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Лана Виллебранд, кандидат социологических наук, г. Стокгольм, Швеция.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт, Великобритания.

EDITORIAL BOARD

THE ADMINISTRATION OF THE PRESIDENT

Smirnov A. A., major - general, candidate of historical Sciences.

COUNCIL OF FEDERATION

Ozerov V.A., Chairman of the Federation Council Committee on defense and security, representative of the legislative (representative) authority of the Khabarovsk region, candidate of legal Sciences.

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Mikhailov V.A., doctor of historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of national and Federative relations of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kalinina K.V., doctor historical Sciences, Professor of the Department of national and Federative relations of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Turchynov A. I., doctor of sociological Sciences, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Dean of the faculty of «The Institute of state service and personnel management» of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Nechiporenko V.S., doctor of historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B. T., honoured worker of higher education, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., doctor of philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Ignatov I.S., candidate of political Sciences, the senior adviser of justice.

Bakharev V.V., the doctor of sociological Sciences, Professor of The Belgorod state University.

Bormotova T. M., The Federal migration service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of social Sciences.

Danakin N. S., doctor of sociological Sciences, Professor of The Belgorod state technological University.

Dubrovin U. D., expert, doctor of legal Sciences, State Advisor of the 2nd class.

Nikonov A.V., doctor of historical Sciences, Professor, State Councillor 1st class, The Lomonosov Moscow State University.

Belov V.G., doctor of economic Sciences, Professor, The Free economic society.

Remarchuk V.N., dean of the faculty of Social and humanitarian Sciences», The Bauman University, doctor of philosophical Sciences, Professor.

Hitarova I. U., doctor of philosophical Sciences, senior researcher employee of the State institution of culture the Museum Complex The State Museum St Isaac's Cathedral, a member of Saint-Petersburg philosophical society.

Tumanyan T.G., the doctor of philosophical Sciences, Professor, head of chair of philosophy and culture of the East.

* * *

Don Anselmo Santos, doctor of political Sciences, Professor, Madrid.

Dobrov P.V., doctor of historical Sciences, Professor, academician, member of the Presidium of the Ukrainian Academy of historical Sciences, Dean of the historical faculty of Donetsk national University, Honored worker of education of Ukraine.

Maurizio Negri, President of the Union of folklorists Italy, a member of the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO).

Horhe Marti Martinez, Ambassador Extraordinary Plenipotentiary Ambassador.

Lana Villebrand, candidate of sociological Sciences, Stockholm, Sweden.

Graeme Stowers, political scientist, expert, UK.

**СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ**

Продолжаем публиковать отобранные лучшие материалы для Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации. В этом номере мы начинаем печатать статьи по миграции, в том числе планируем продолжать тему миграции в содружестве с Европейскими коллегами в следующих номерах. И в этом контексте приводим так же весьма спорные материалы по формированию российской политической (гражданской) нации, и (в перспективе) восстановлению модели межэтнического общежития народов России.

Михайлов В.А.

Заседание Совета по межнациональным отношениям.

Зорин В.Ю.

Рябова Е.Л.,

*доктор политических наук, профессор,
главный редактор Издательского центра «Этносоциум»*

Бормотова Т.М.,

*Федеральная миграционная служба Министерства
Внутренних Дел России, кандидат социологических наук.*

Адаптационные проблемы межнациональной миграции

(на примере Российской Федерации)

Важную роль в общественных изменениях, которые происходят в мире, играет такое явление, как миграция.

Благодаря миграции происходит обмен трудовыми навыками и производственным опытом, развивается человечество, материальные, социальные и духовные потребности, происходит взаимовлияние национальных культур. Интеграционные процессы между народами изменяют людей, их поведение, расширяет кругозор в различных областях жизни. Мигранты находят возможность получать образование и работу. Под воздействием миграции происходит регулирование течений, идущих в социуме. Миграция зачастую позволяет человеку найти свое место в жизни.

Сегодня Россия по численности мигрантов, прибывающих в страну, вышла на второе место в мире после США, на третьем месте позиция Германии. Народонаселение как никогда пестро и разнообразно, так же, как его менталитет, культура и жизнедеятельность. Сегодня руководством Российской Федерации принимаются необходимые экстренные меры, которые должны привести к улучшению демографической ситуации, к возрождению культуры и национальных традиций народов, к стабилизации положения и развитию образованности как основы взаимоотношений людей. Иначе нам грозит хаос и конфликты. Пример тому ситуация в Западных странах Европы (Франции, Германия и пр.)

Однако, на сегодняшний день по данным Центрального банка данных по учету иностранных граждан ГИСМУ ФМС России за 5 месяцев 2014 года на территорию Российской Федерации въехало свыше 6,9 млн. иностранных граждан, что на 10,2% меньше, чем за аналогичный период 2013 года (8,4 млн. человек). Данные свидетельствуют об уменьшении из года в год количества прибывающих в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства.

Необходимо отметить, что в связи с сегодняшними событиями на Украине миграционный поток граждан Украины, культура и язык которых нам близки по форме и содержанию, на нашу территорию возрос в десятки, сотни раз. По сравнению с предыдущими годами, украинские

граждане стали чаще интересоваться возможностью приобретения российского гражданства в упрощенном порядке, а также, что было раньше им не свойственно, получением убежища на территории Российской Федерации. И общее количество обратившихся в территориальные органы ФМС России по различным вопросам действительно более 150 тысяч человек.

Так, рост обращений в приграничные территориальные органы ежедневно увеличивается в полтора раза. Анализ статистических данных, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, говорит о том, что граждане Украины используют все возможности, предоставляемые миграционным законодательством. Так, если в прошлом году в УФМС России по г. Москве обратились за патентами 1343 человека, то в текущем году эта цифра увеличилась в десять раз - 14 843. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области этот показатель увеличился более чем в 30 раз. Сегодня Украина стала основным источником лиц, ищущих убежища в нашей стране, значительно опередив Сирию и Афганистан. Ежедневно в территориальные органы ФМС России в разных регионах страны с ходатайствами о признании беженцами или с заявлениями о предоставлении временного убежища обращаются более сотни выходцев из Украины. В этой связи следует пояснить, что статус беженца в соответствии с законодательством Российской Федерации предоставляется иностранным гражданам, которые были вынуждены покинуть свою страну в результате преследований по политическим мотивам, в том числе по признаку национальности, гражданства, вероисповедания. Временное убежище на территории Российской Федерации предоставляется по гуманитарным основаниям иностранным гражданам, которые не могут вернуться в свою страну в результате гуманитарных кризисов, вооруженных конфликтов, угрозы насилия и жестокого обращения и т.п.

Миграция населения меняет этнокультурный облик регионов России и создает напряженность в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений.

Для регулирования национального развития в Российской Федерации в сфере миграции, предусмотрев решение вопросов адаптации иностранных граждан в российское этнокультурное и религиозное пространство, необходимо также рассмотреть вопрос о внесении изменений в нормативные законодательные акты Российской Федерации, для профилактики напряженности в отношениях между мигрантами и коренными народами России.

Изменения российского общества в конце минувшего столетия привели к тому, что вопросы социально-демографического развития, и, в частности, миграции - его основной компоненты, приобрели для России новую геополитическую окраску. К этому времени миграция стала одним из ведущих факторов динамики общей численности населения во всех регионах страны.

Так на сегодняшний день состояние современного гражданского общества России формируется под воздействием миграционного фактора и носит постоянный характер. Чаще обращается внимание на этноконфессиональную и межнациональную составляющую миграции. Большой людской поток идет из Средней Азии, Украины, Молдавии и это зачастую не только квалифицированные специалисты и простые рабочие без специальности, но и люди с православными и исламскими культурными традициями. Для оценки роли подобной миграции и влияния на ситуацию в стране требуется комплексный анализ. Из этого следует, что мигранты – это новое лицо этносов и это вполне применимо к современной российской действительности.

Миграция всегда вызывала значительный интерес исследователей в таких аспектах, как наркотрафик, экономические и социальные факторы, формирующие миграционные потоки в странах-донорах и регионах-реципиентах мигрантов, их социализация, структура занятости, половозрастные характеристики мигрантских сообществ, их интравертность и экстравертность.

В тоже время проявляется и незаконная миграция, сведения о которой порой противоречивы. Так, например, если по оценкам ФМС России рынок товаров и услуг, предоставляемых незаконными мигрантами, ежегодно составляет более 2 млн. человек, то по экспертным оценкам – от 5 до 15 млн. человек. И как отмечалось в рекомендациях парламентских слушаний еще в апреле 2008 г., этот теневой рынок практически не контролируется.

Анализ статистических данных МВД России свидетельствует, что иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации за 2013 год совершено 47 тыс. преступлений, что на 10,2% больше, чем за 2012 года, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 40,4 тыс. преступлений (+8,1%), их удельный вес составил 85,8%. Рост преступлений данной категории отмечен более чем в половине (59) субъектов Российской Федерации). При этом в каждом четвертом регионе он составил в среднем более трети.

Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства возросло на 6,2% и составило 13,2 тыс. преступлений.

Заметим, что положительная динамика преступности иностранных граждан и лиц без гражданства наблюдается почти во всех субъектах Российской Федерации.

Особо следует подчеркнуть средний темп прироста рассматриваемой преступности с начала 2013 года в столичном регионе, который составил 36,2 %.

Более 82% преступлений в столице совершается мигрантами. Большинство преступлений, которые совершают иностранцы, - имущественного характера, тяжких преступлений гораздо меньше.

Значительное скопление некоренных жителей отрицательно влияют на социальные связи, культуру, и политику регионов. Почему-то сегодня редко принимается во внимание тот факт, что культура – это важнейшая часть духовной жизни народа и государства. Без этого бытие превращается в существование. Привитие безобразного лишает народ и страну жизнестойкости. Культура – это то, что делает человека человеком, а государство государством. В духовно ослабленной стране происходят необратимые политические изменения, приходит хаос.

Наиболее проблемными регионами в этом отношении являются развитые промышленные регионы России, Дальнего Востока и районы Арктики, Крайнего Севера. Приток иммигрантов из соседних стран происходит параллельно с нарастающим оттоком из промышленных регионов, регионов Дальнего Востока и районов Арктики, Крайнего Севера постоянного населения — иными словами, происходит весьма неадекватное замещение населения по этническому и религиозному признаку.

Необходимо отметить острую проблему сохранения или восстановления традиционной социальной организации коренных народов Севера, вне которой ни один из них не может выжить в качестве носителя самобытной культуры и обречен на превращение в «этнографический материал». В ряде документов ООН и МОТ отмечается, что закрепление и защита прав коренных народов Земли являются важнейшими сторонами борьбы за соблюдение прав человека и серьезными основаниями для особой обеспокоенности международного сообщества. В 1985 г. Рабочая группа названных организаций приняла решение о разработке проекта «Декларации прав коренного населения», включающих сохранение и развитие этнокультурных признаков и самобытности, защиту от этноцида и геноцида; права, связанные с религией, языком и учебными заведениями, с собственностью коренных народов на землю и природные ресурсы, на сохранение своих традиционных социально-экономических структур и образа жизни, включая охоту, промысел рыбы, собирательство, скотоводство, заготовку леса и обработку земли; охрану окружающей среды; участие в экономической, социальной и политической жизни соответствующих (полиэтнических) государств; право на самоуправление и автономию при решении их внутренних вопросов; право на традиционные контакты и сотрудничество с этнически и духовно близкими народами других государств. Декларация ООН о правах коренных народов, принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13.09.2007 г.

Решающим средством и способом выживания коренных народов является создание действенного механизма самоуправления и хозяйствования. Следует учитывать, что в общей численности населения коренные жители не образуют большинства. Даже в границах национальных образований их доля составляет немногим более 10%. Коренное население, фактически выступая в каче-

стве национального меньшинства, должно иметь реальные возможности для всестороннего удовлетворения своих потребностей и защиты интересов. При разработке механизма социально-экономического развития малочисленных народов Севера первоочередное значение имеет создание и принятие законодательных актов, которые четко определили бы правовой статус национально-территориальных образований, роль и место народных сходов, ассоциаций, советов старейшин, других общественных организаций, особый характер представительства этих народов в Советах всех уровней. Для обеспечения нормальной среды жизнедеятельности всех северян, и в первую очередь коренных жителей, необходимо проводить разумную политику хозяйствования с целью сохранения природной среды их обитания.

Сегодня в крупных городах Центральной России в институтах, школах, детских садах учатся и играют дети разных национальностей. По сравнению с тем, что было тридцать лет назад: только корейцев стало больше в два с лишним раза, армян, грузин и арабов – в три раза, азербайджанцев и молдаван – в пять раз, ингушей в шесть раз, чеченцев – в семь раз, таджиков и кыргызов в двенадцать раз. Больше всего прибывает вьетнамцев и китайцев, их численность выросла соответственно в четырнадцать и тридцать пять раз. А вот белорусов, украинцев, евреев, чехов и поляков в Центральном регионе прибыло намного меньше.

Миграция способствует увеличению количества мусульман в нашей стране, а соответственно, по мнению ряда наблюдателей, может привести к укреплению позиций, увеличению роли и политического веса ислама и мусульманских организаций в России.

По этноконфессиональному составу прибывающих в Россию трудовых мигрантов можно сделать вывод, что по преимуществу это выходцы из стран с традиционно мусульманским населением. Около 80% всех трудовых мигрантов из стран СНГ – жители Центральной Азии и Закавказья. На сегодняшний день лидирует по числу трудовых мигрантов Таджикистан, далее идут: Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан и замыкает пятерку лидеров Азербайджан. Из мусульманских стран с визовым режимом въезда, еще работников дает Турция.

Этнический состав приходов мечетей татаро-башкирского населения центральной части России постепенно на протяжении 20 лет начал меняться за счет выходцев из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Казахстана, а также Чечни, Дагестана и Азербайджана, которые несут несвойственные элементы религиозных практик. Довольно часто проявляются факторы конфликтности мигрантов и коренного мусульманского населения в промышленных регионах России, что осложняет их общение и интеграцию.

Разобщенное во многих вопросах мусульманское сообщество, которое не может решить и свои внутриконфессиональные проблемы, столкнулось с новой, глобальной проблемой в виде миграции, решить которую не

может даже государство. По деструктивному влиянию мигрантов на ряд мусульманских общин, а также то, что коренное население уже судит об исламе по мигрантам, складывается стереотип, что это религия «приезжих» со всеми проблемами неграмотности, неустроенности, нищеты, криминала и пр. Данные тенденции всегда приводят к социальной напряженности, антимигрантским настроениям, и, как следствие, экстремистским проявлениям со стороны озлобленного и определенными кругами подстрекаемого молодого поколения русскоязычного населения. Теперь уже стали обыденными преступления, связанные с расовыми и религиозными предрассудками.

Тенденция же к усилению межэтнической напряженности препятствует формированию стратегий поликультурности, определяющих перспективы развития России.

В советское время работала программа воспитания у подрастающего поколения понятия «Дружбы народов», дружественного отношения к представителям других национальностей. Официально национальных проблем не существовало, да и в неофициальной, бытовой сфере удавалось направить конфликты в наднациональный вектор. Советский опыт во многом достоин не только изучения, но и научного осмысления с последующим внедрением в просветительские, культурные и образовательные Программы современного социума. Этот опыт прошлого и умелое использование его применительно к современному социуму, важен не только для Российской Федерации. Но, может быть даже более важен для Объединенной Европы.

Сегодня Европейское сообщество в миграционно-межнациональном вопросе не показывает единой стратегии или даже единых векторов развития, не приносит ничего нового, конструктивного. Политика мультикультурализма провалена, что официально признано как Германией, так и Великобританией, что влечет за собой и общеевропейское признание провала данной политической линии. Общественность и СМИ тоже не имеют четкой позиции, убеждая весь мир, что приезжие такие же, как и коренное население. Только вот второе поколение мигрантов об этом не желает слышать, конфликты назревают, становятся неуправляемыми и приносят немало вреда. На этом этапе крайне важна конструктивная позиция диалога ученых, политических деятелей и общественности внутри Христианской Миссии, внутри Христианства как единоначалия в большинстве развитых стран. На страницах нашего журнала (который имеет несколько названий, в том числе и «Миссия конфессий») мы поднимаем проблему диалога Православия, Католичества и всех прогрессивных межконфессионалов перед лицом глобальных угроз, которые становятся очевидны при неуправляемости миграционных течений в культурном, политическом и социальном процессах.

Галяпина В.Н.

Старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований ФГАОУ ВПО НИУ «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент

Сохранение этнокультурных норм в контексте адаптации вынужденных мигрантов

Введение В современном мире процессы миграции, в том числе и вынужденной, имеют глобальные масштабы, охватывают все континенты планеты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция оказывает влияние на состояние хозяйства, на социальные отношения, культуру, национальную политику и международные отношения.

Конец 80-х - начало 90-х годов характеризовались не только распадом СССР, но и обострением межэтнических противоречий. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась на Южном Кавказе.

Осетино-грузинский вооруженный конфликт августа 2008 года явился продолжением неразрешенных противоречий 1989-1992 гг. В результате военных действий большое количество жителей Южной Осетии были вынуждены покинуть места своего проживания и переселиться на территорию Российской Федерации, что повлекло за собой проблему интеграции мигрантов в новое социокультурное пространство.

В многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях доказывается, что проблема адаптации вынужденных мигрантов является одной из самых сложных и теоретически многозначных¹.

В литературе выделяется психологическая и социокультурная адаптация. Общие обзоры этого процесса и его специфические особенности отражены в работах J. Berry (1990), J. Berry и D. Sam (1997), D. Birman (1994), K. Liebkind (2000), C. Ward (1996).

Фактором, который влияет на успешность как психологической, так и социокультурной адаптации, является выбор межкультурной стратегии. Одним из подходов, объясняющим выбор той или иной стратегии, является подход на основе культурной идентичности. Опираясь на теорию Н.Тajfel (1978) и С.Самиллери² (1990) ученые анализировали стратегии аккультурации с позиции значимости двух аспектов идентичности: идентичность с собственной этнической группой и идентичность с доминирующим обществом. Эти аспекты культурной самобытности по-разному относятся к этнической и гражданской идентичности³ идентичности наследия и

1. Koser K., & Laczko F. World Migration Report 2010: The future of migration: Building capacities for change. IOM International Organization for Migration, France by: Imprimerie Courand et Associes. 2010

2. Searle W. & Ward C. Prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. International Journal of Intercultural Relations. 1990. 14. P.449-464

3. Aboud F. Ethnic self-identity. In R.C. Gardner and R. R. Kalin 9Eds.0, A Canadian social psychology of ethnic relations. 1981. P. 37-56; Liebkind K. Vietnamese refugees in Finland: Changing cultural identity // In G. Breakwell, E. Lyons (Eds.), Changing European identities. London: Butterworth-Heinemann, 1996. P. 227-240;

национальной идентичности¹. Когда доминируют обе идентичности, это близко к стратегии интеграции, когда не доминирует ни та, ни другая – это стратегия маргинализации, когда одна сильно преобладает над другой, то стратегии похожи на стратегию ассимиляции или сепарации.

Во многих исследованиях утверждается, что «вынужденные» мигранты, в отличие от «добровольных» часто ориентированы на поддержку культуры происхождения². В исследовании А. Portes³ было установлено, что молодые иммигранты после обучения в колледже, имеющие более высокий уровень образования, ассимилируются в принимающем обществе лучше, при этом, сохраняя связи с их этнической культурой. Их родители же крепко держатся за культурные нормы и ценности и имеют больше трудностей в адаптации к новой культуре и изучению новых языков⁴.

В ряде исследований психологического благополучия и преодоления стресса, связанного с миграцией, отмечается, что обращение мигранта к своему культурному наследию, связь с соотечественниками, социальная поддержка с их стороны влияет на снижение стресса.

Все вышеизложенное доказывает, что для вынужденных мигрантов большое значение имеет сохранение культурного наследия, которое поддерживается этнической идентичностью. Одним из способов сохранения культурного наследия является сохранение этнокультурных норм. Они включают в себя нравы, традиции, обычаи, табу. Под этнокультурными нормами мы будем понимать стандарты, образцы поведения, действий, поступков, которые предписываются этнической группой. Этнокультурные нормы являются целесообразными и обязательными с точки зрения этнической группы, и выступают критерием оценки. Они являются коллективным ожиданием надлежащего поведения личности, семьи, рода, как члена определенной этнической группы.

По мнению антропологов, этнокультурные нормы являются самыми первыми социальными нормами. Так, в своих работах L.Nader⁵ приводит примеры, когда традиционные нормы входят в конфликт с нормами закона, при этом законы государства воспринимаются как нереалистичные или противоречащие традициям.

Этнокультурные нормы, закрепленные в ритуалах, традициях, обычаях, складываются в ходе исторического развития этноса, форм деятельности и поведения, Они

26. Phinney J. Identity formation across cultures: The interaction of personal, societal and historical change // Human Development. 2000. Vol. 43. P. 27–31

1. Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison. In H. Tajfel Differentiation between social groups. London: Academic, 1978, P. 61-76

2. Camilleri C. Introduction. In C. Clanet (Ed.). L'interculturalité: Introduction aux approches interculturelles en éducation et en sciences humaines. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail. 1990

3. Kalin R. & Berry J.W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys. Canadian Ethnic Studies, 1995, No 27, P. 1-15

4. Salazar J.M. & Salazar M.A., Permanence and modification in national identities. In J. Adair, D. Belanger, K. Dion (Eds.) Advances in psychological science. Vol. 1 Social, personal and cultural aspects. Hove, UK: Psychology Press. 1998P. 247-270

5. Udashemuka M., Pernice R. Does Motivation to Migrate Matter? Voluntary and Forced African Migrants and Their Acculturation Preferences in New Zealand// Journal of Pacific Rim psychology; 2010, 4, 1, P.44-52

накапливаются в практике жизни и деятельности этноса, отражая положительный опыт всех предшествующих поколений и служат опорой для восприятия собственного поведения, поведения других людей, ощущения собственной значимости, определенности и смысла своей жизни.

В контексте нашего исследования важной теорией, объясняющей этнокультурные нормы, является теория социальной идентичности, исходя из которой, нормы, в том числе и этнокультурные, во многом зависят от определенного социального контекста, от сети межличностных отношений, сложившихся в группе¹. Представители данной теории рассматривают социальную идентичность как ключевой мотивирующий фактор нормативного поведения. Этот подход очень популярен среди антропологов. Например, F. Cancian², исследовала нормативные убеждения, у индейцев Зинакантеко, и как эти убеждения коррелируют с поведением. Согласно данной теории люди соответствуют нормам, чтобы утвердить их идентичность как члена группы.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что вынужденные мигранты в ходе адаптации ориентированы на сохранение своего культурного наследия, этнокультурных норм. Мы предполагаем, что такая стратегия является одним из защитных механизмов, который создает смысл, определенность, поддерживает позитивность этнокультурной идентичности и в целом способствует успешной психологической и социокультурной адаптации, особенно в первые годы миграции.

В данном исследовании мы пытались определить значение этнокультурных норм в социокультурной и психологической адаптации вынужденных мигрантов. Гипотеза исследования состоит в том, что установки на сохранение этнокультурных норм и их соблюдение в ситуации вынужденной миграции способствуют повышению удовлетворенности жизнью и собой и снижают трудности социокультурной адаптации.

Методика.

Выборка включала вынужденных мигрантов – «южных осетин», покинувших свою родину в ходе осетино-грузинского конфликта 1989-2008 гг. и переселившихся на территорию Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации (N=400, mean 36 years, мужчины – 176, женщины -224).

«Южные осетины» - это жители Грузии, которые являются этническими осетинами, но сами себя называют «кударцы» или «кудайраг», отличают себя от осетин, выходцев из Северной Осетии – Алании Российской Федерации. Вероятность того, что эти отличия существуют не только благодаря Кавказскому хребту (долгие годы он считался одной из основных причин невозможности объединения осетин), очень велика. Различия в политическом, экономическом, социокультурном развитии Южной Осетии, которая являлась частью Грузии и Северной Осетии, которая входит в Российскую Федерацию, оказали большое влияние на развитие разделенного этноса – осетины.

1. Portes A., Rumbaut R.G. Immigrant America: A Portrait. (3rd ed). Berkeley, CA: University of California Press, 2006

2. Portes A. & Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants. Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1993. 530, P.74-96

Методы. Социально-демографическая информация. Участникам были заданы вопросы об их личных характеристиках (пол, возраст, образовательный уровень, профессия и характеристиках семьи (структура семьи, количество детей), религиозная принадлежность.

Ценности измерялись с помощью русской версии опросника ценностей Ш. Шварца (культурный уровень)¹. Для изучения социальных контактов, их частоты, уровня социокультурной дезадаптации, уровня депрессии, тревожности использовались шкалы MIRIPS Д.Берри². Для измерения выраженности и позитивности этнической, региональной и национальной идентичностей использовался опросник Н.М. Лебедевой и А.Н.Татарко³.

Для изучения установок на сохранение этнокультурных норм использовался модифицированный опросник, включающий 10 вопросов и позволяющий определить установки респондентов на сохранение или нарушение этнокультурных норм⁴. Респонденту необходимо было определить отношение к нарушению/сохранению описанной нормы с помощью шкалы Лайкерта («полностью согласен» - 5 баллов; «не согласен» - 1 балл). Например, «Допустим, подавляющее большинство людей в Южной Осетии захотели изменить существующее правило проведения похорон - записывать размер оказания материальной помощи семье умершего. Согласились бы Вы на это?», «Я считаю правильным, что на современные свадьбы не приглашают большое количество родственников, соседей, сослуживцев, знакомых». Согласованность внутри шкал по α Кромбаха колеблется от 0.67 до 0.84

Соблюдение этнокультурных норм, традиций в семье изучалось с помощью шкалы «В нашей семье соблюдаются этнические нормы, традиции, обычаи» («полностью согласен» - 5 баллов; «не согласен» - 1 балл).

В качестве статистических процедур использовался регрессионный анализ.

Данное исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

Результаты.

Важным вопросом в данном исследовании было выявление этнической, регио-

1. Vega W., Kolody B., Valle R., Weir J., Social networks, social support, and their relationship to depression among immigrant Mexican women. *Human Organization*, 1991. 50, P.154-162; Ward C., Kennedy A. Where's the culture in cross-cultural transition? *Comparative studies of sojourner adjustment. Journal of Cross-cultural Psychology*, 1993.24.P. 221-249

2. Nader L. *The Life of the Law. Anthropological Projects* - University of California Press, Ltd.London, England, 2002

3. Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness // *The American Journal of Sociology*, 1985. 91(3). P. 681-510

4. Cancian F. *What are norms? A Study of beliefs and action in a Maya community*, Cambridge: Cambridge University Press. 1975

нальной и российской идентичности южных осетин-мигрантов. Результаты свидетельствуют о том, что у осетин, выходцев из Южной Осетии, наиболее выражена этно-региональная идентичность (средний балл 4,02), она значимо выше, чем этническая (средний балл 3,92) и российская идентичности (средний балл 3,6) (значимость различий $p < 0,05$). То есть, осетины в большей степени ощущают себя представителями своего региона – «южными осетинами».

Значимых различий между позитивностью этнической (средний балл 4,13) и этно-региональной (средний балл 4,03) идентичностями выявлено не было, однако установлено, что и этническая и этно-региональная идентичности более позитивны, чем российская (средний балл 3,93) (соответственно $p < 0,01$ и $p < 0,05$).

В целом, можно сказать, что осетины, вынужденные мигранты из Южной Осетии, проживающие в России, ощущают себя, прежде всего, «южными осетинами», гражданами Южной Осетии. Эта принадлежность, а также принадлежность к осетинскому этносу вызывает у них наиболее позитивные чувства; российская идентичность менее значима и менее позитивна.

При изучении взаимосвязей между переменными, отражающими ориентацию вынужденных мигрантов на сохранение этнокультурных норм были получены следующие результаты. Установки на сохранение этнокультурных норм влияют на соблюдение этнокультурных норм и традиций в семье и количество друзей – представителей своего этноса (соответственно: $\beta = 0.178^{**}$, $R^2 = 0.03$; $\beta = 0.227^{***}$, $R^2 = 0.05$). Чем выше установки, тем чаще соблюдаются нормы и традиции в семье и тем больше друзей «южных осетин».

Соблюдение этнокультурных норм и традиций в семье способствует увеличению частоты контактов вынужденных мигрантов с друзьями-соотечественниками ($\beta = 0.18^{***}$, $R^2 = 0.03$).

Показатели «владение языком общества прибытия» и «частота его использования» в рамках данного исследования были не актуальны, поскольку до 1991 года Южная Осетия входила в состав СССР, государственным был русский язык. Также с 1991 года по настоящее время обучение в образовательных учреждениях ведется на русском языке, русский язык, наряду с осетинским, является государственным языком.

Исходя из теории идентичности, мы предположили, что предикторами ориентации вынужденных мигрантов – южных осетин на сохранение этнокультурных норм может выступать этническая, этно-региональная и национальная идентичности. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1- Регрессионный анализ связи идентичностей вынужденных мигрантов из Южной Осетии с показателями, отражающими сохранение этнокультурных норм (N=400)

Зависимые переменные	Предикторы – этническая, региональная, гражданская (российская) идентичности						R ²
	Выраженность этнической идентичности	Позитивность этнической идентичности	Выраженность этнорегиональной идентичности	Позитивность этнорегиональной идентичности	Выраженность российской идентичности	Позитивность российской идентичности	
	β	β	β	β	β	β	
Установки на сохранение этнокультурных норм	0.16**	-0.06	0.217**	0.078	0.074	-0.007	0.12
Соблюдение норм и традиций в семье	0.19**	0.09	-0.009	-0.13	-0.04	0.11	0.06
Количество друзей-представителей своего этноса	-0.02	-0.014	0.89***	-0.089	-0.1*	0.001	0.08
Частота контактов с друзьями-представителями своего этноса	0.25***	0.11*	0.029	-0.03	0.128*	-0.02	0.09

Примечание: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$

Данные, представленные в таблице, показывают, что установки на сохранение этнокультурных норм у вынужденных мигрантов из Южной Осетии определяются выраженностью региональной юго-осетинской идентичностью и этнической осетинской идентичностью. Чем больше выраженность этих идентичностей, тем сильнее установки на сохранение этнокультурных норм.

Соблюдение этнокультурных норм, традиций в семье зависит от выраженности этнической идентичности. Чем более значимым для вынужденного мигранта является принадлежность к осетинскому этносу, тем чаще в семье соблюдаются этнокультурные нормы, традиции.

На количество друзей – представителей своего этноса влияет региональная юго-осетинская идентичность и российская идентичность. Чем более выражена региональная юго-осетинская идентичность и менее выражена российская идентичность, тем больше друзей – представителей своего этноса.

Частота контактов с друзьями – представителями своего этноса у мигрантов зависит от выраженности этнической идентичности и ее позитивности, а также от выраженности российской идентичности. Чем выше выраженность этнической идентичности и ее позитивность, а также чем выше выраженность российской идентичности, тем чаще вынужденные мигранты общаются с друзьями – представителями своего этноса.

Также, исходя из гипотезы исследования, мы проанализировали влияние ориентации на сохранение этнокультурных норм на психологическую и социокультурную адаптацию вынужденных мигрантов из Южной Осетии. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2- Регрессионный анализ связи ориентации вынужденных мигрантов из Южной Осетии на сохранение этнокультурных норм с показателями их психологической и социокультурной адаптации (N=400)

Зависимые переменные	Предикторы – ориентация на сохранение этнокультурных норм				
	Установки на сохранение этнокультурных норм	Соблюдение норм и традиций в семье	Количество друзей - представителями своего этноса	Частота контактов с друзьями-представителями своего этноса	
	β	β	β	β	R²
Удовлетворенность жизнью	0.139*	-0.061	-0.173*	0.216**	0.07
Удовлетворенность собой	0.124*	0.09	0.153*	0.082	0.05
Заводить друзей	-0.06	0.07	-0.02	-0.16*	0.03
Любимая еда	-0.15*	0.09	0.02	-0.04	0.02
Пользоваться транспортом	0.01	0.07	-0.01	-0.19**	0.04
Взаимодействовать с чиновниками	-0.05	- 0.02	-0.04	-0.16*	0.04
Добиваться понимания	-0.09	-0.05	0.02	-0.24***	0.07
Делать покупки	-0.08	-0.003	-0.01	-0.198**	0.05
Находить жилье	-0.08	0.09	0.04	-0.16*	0.03
Находиться в общественных местах	-0.06	-0.04	0.009	-0.15*	0.03
Понимать различия в этнических культурах	-0.16*	0.04	0.03	0.03	0.03
Строить взаимоотношения с противоположным полом	-0.09	0.08	-0.04	-0.23***	0.07
Взаимоотношения в семье	-0.13*	0.07	-0.02	-0.14*	0.04
Темп жизни	0.06	0.02	-0.03	-0.15*	0.03

Примечание: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$

Исследование показало, что установки на сохранение этнокультурных норм, количество друзей – южных осетин и частые контакты с ними увеличивают удовлетворенность жизнью у вынужденных мигрантов «южных осетин». Установки на сохранение этнокультурных норм и количество друзей – южных осетин повышают удовлетворенность собой.

Исследование показало, что напрямую установки на сохранение этнокультурных норм, соблюдение этнокультурных норм и традиций в семье, количество друзей «южных осетин» и частота контактов с ними не влияет на уровень депрессии, тревожности и общий уровень социокультурной дезадаптации. Однако исследование выявило влияние установок на сохранение этнокультурных норм и частоты контактов с друзьями-соотечественниками на социокультурную дезадаптацию в ряде сфер жизнедеятельности.

Результаты, приведенные в таблице 2, показывают, что установки на сохранение этнокультурных норм снижают уровень социокультурной дезадаптации в сфере «любимая еда», «понимать различия в этнических культурах», «взаимоотношения в семье». Частые контакты с друзьями-соотечественниками способствуют снижению трудностей в сферах «заводить друзей», «пользоваться транспортом», «взаимодействовать с чиновниками», «добиваться понимания», «делать покупки», «находить жилье», «находиться в общественных местах», «строить взаимоотношения с противоположным полом», «взаимоотношения в семье», «темп жизни».

Обсуждение и выводы.

Полученные результаты показывают, что для мигрантов – южных осетин в большей степени характерна выраженность и позитивность своей региональной идентичности («южный осетин»). То есть, осетины в большей степени ощущают себя представителями своего региона – «южными осетинами», нежели просто осетинами или гражданами России. На это также указывают ответы на вопрос: «Кто Я?». 9% опрошенных респондентов указывали «кударец», «южный осетин», «гражданин Южной Осетии» и только 2% опрошенных указали «осетин», «гражданин России».

Несмотря на то, что социальная дистанция с «северными осетинами» была минимальной (1,7 баллов, при макс. значении 7 баллов), и осетинами, выходцами из внутренних районов Грузии (3,6 балла), была небольшая и эмоциональное отношение к представителям этих групп положительное (к осетинам, выходцам из Северной Осетии - Алании, 85,4; к осетинам, выходцам из внутренних районов Грузии – 60,3 по шкале 100), респонденты указывали на различия между осетинами всех этих групп. Например, при описании качеств, присущих представителям этнических групп, респонденты отмечали, что «южные осетины» «...терпеливые, дружелюбные, щедрые, трудолюбивые»; «северные осетины», «...гордые, подозрительные, гостеприимные, аккуратные, интеллигентные»; осетины - выходцы из Грузии, «...нагловатые, мудрые, предприимчивые».

Таким образом, осетины, вынужденные мигранты из Южной Осетии, проживающие в России, ощущают себя, прежде всего, «южными осетинами», гражданами Южной Осетии. Эта принадлежность, а также принадлежность к осетинскому этносу вызывает у них наиболее позитивные чувства; российская идентичность менее значима и менее позитивна.

В ходе исследования была подтверждена гипотеза о том, что сохранение этнокультурных норм (на установочном и поведенческом уровнях) обусловлено выраженностью этнической и этно-региональной идентичностями. Такие установки и поведение способствуют тому, что вынужденные мигранты ориентированы в большой степени на друзей-соотечественников и стремятся часто с ними встречаться. Это, на наш взгляд, закономерный процесс, поскольку у «южных осетин» большинство этнокультурных норм и традиций связаны с коллективными формами поведения, приглашением большого количества родственников, друзей, соседей.

Как показало исследование, поддержание и сохранение вынужденными мигрантами из Южной Осетии этнокультурных норм, традиций, контакты с соотечественниками повышают удовлетворенности своей жизнью и собой, что в целом способствует их более успешной психологической адаптации.

Исследование также показало, что установки на сохранение вынужденными мигрантами этнокультурных норм и частые контакты с друзьями-соотечественниками снижают уровень социокультурной дезадаптации в определенных сферах. Стремление к сохранению этнокультурных норм приводит к тому, что в семье вынужденные мигранты стараются следовать национальным традициям. Соблюдение этнических традиций влечет за собой частое общение с соотечественниками (на национальные праздники обычно приглашают большое количество друзей, родственников). Такое общение позволяет вынужденным мигрантам обмениваться опытом, делиться информацией, поддерживать друг друга, и в целом повышать свой социальный капитал, который способствует снижению трудностей в их социокультурной адаптации. Это согласуется с ранее проведенными исследованиями¹, в которых доказывалось, что для вынужденных мигрантов большое значение (особенно на начальном этапе адаптации) играет сохранение этнокультурного наследия, следование этнокультурным нормам, традициям. Обращение к собственной этнической культуре является защитным механизмом, в котором мигранты ищут смыслы и определенность. Это помогает им повысить удовлетворенность собственной жизнью, легче адаптироваться в иной культуре, понять традиции и обычаи, найти взаимопонимание в отношениях с противоположным полом.

1. Vega W., Kolody B., Valle R., Weir J., Social networks, social support, and their relationship to depression among immigrant Mexican women. *Human Organization*, 1991. 50, P.154-162; Ward C., Kennedy A. Where's the culture in cross-cultural transition? *Comparative studies of sojourner adjustment. Journal of Cross-cultural Psychology*, 1993.24.P. 221-249

Можно сказать, что позитивная и выраженная этно-региональная идентичность (при выраженности и позитивности российской идентичности, но в меньшей степени), установки на сохранение и собственно сохранение этнокультурных норм, наличие друзей своей этнической группы и частые контакты с ними формируют у вынужденных мигрантов – южных осетин этнопсихологическое благополучие.

Таким образом, этнокультурные нормы в ходе адаптации вынужденных мигрантов играют роль некоего интегратора, который позволяет сохранять внутренний этнопсихологический комфорт, создают психологическую связь со своей культурой, формируют чувство защищенности, порядка, что в целом сказывается на удовлетворенности жизнью. Данные выводы подтверждаются проведенными ранее исследованиями.

Анализ проведенных интервью показал, что этнокультурные нормы занимают компромиссную позицию относительно полярности «традиционность культуры выбытия – современность культуры прибытия». Этнокультурные нормы в ходе адаптации вынужденных мигрантов не уходят, они вовлекаются в симбиотическую связь с современной ситуацией, но в данной ситуации акцент переносится из публичной сферы в семейную.

Данные результаты могут быть использованы в решении проблемы эффективной интеграции вынужденных мигрантов не только из Южной Осетии в российское общество. Особенно актуально это в контексте современной ситуации увеличения количества вынужденных мигрантов в Россию из Украины. Это будет способствовать снижению социальной напряженности в территориях, где они проживают, эффективному использованию потенциала вынужденных мигрантов в развитии общества, а также психологическому комфорту людей, находящихся в кризисной ситуации.

Список литературы

1. Витковская Г.С. Портрет вынужденной миграции в статистике и с жизни. // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. Материалы конференции. / Г.Витковская, Ж.Зайончковская. Товарищество «АдамантЪ». М., 2001. С.239-249.
2. Гриценко, В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002
3. Дулаев, И. Этнические стереотипы беженцев // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. – Мн., 2004. С.258-269
4. Лебедева, Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. – М., 2007. – С. 461-481
5. Павловец, Г. Этопсихологические особенности беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. – Мн., 2004. С.245-258
6. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998
7. Шлягина, Е.И., Бардина, И.В., Шайгерова, Л.А., Щербакова, А.Б. Возможности этнопсихологии личности в решении проблем вынужденной миграции // Этническая психология и общество. – М.: «Старый сад», 1997
8. Aboud F. Ethnic self-identity. In R.C. Gardner and R. R. Kalin 9Eds.0, A Canadian social psychology of ethnic relations. 1981. P. 37-56
9. Berry J. W. Psychology of acculturation. In R. W. Brislin (Ed.), Applied cross-cultural psychology Newbury Park, CA: Sage. 1990. P. 232-253
10. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation. Applied Psychology: An International Review. 1997. 46. P. 5-34.

11. Berry J. W. A Psychology of Immigration. *Journal of Social Issues*, 2001. 57(3). P. 615-631
12. Berry J.W. Stress perspectives on acculturation // In D.L. Sam, J.W. Berry (Eds.), *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 43–57
13. Berry J., & Sam D. Acculturation and adaptation. In J. Berry, M. Segall, & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Social behavior and applications*. Boston: Allyn & Bacon, 1997. Vol. 1, P. 291-326.
14. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segal M.N., Dasen P.R., *Cross-cultural psychology: Research and Applications*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002
15. Birman D. Acculturation and human diversity in a multicultural society. In E. J. Trickett, R. J. Watts, & D. Birman (Eds.), *Human diversity: Perspective on people in context*. San Francisco: Jossey-Bass, 1994. P. 261-284
16. Camilleri C. Introduction. In C. Clanet (Ed.) *L'interculturalité: Introduction aux approches interculturelles en éducation et en sciences humaines*. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 1990
17. Cancian F. *What are norms? A Study of beliefs and action in a Maya community*, Cambridge: Cambridge University Press, 1975
18. Dere J., Ryder A. G., & Kirmayer L. J. Bidimensional Measurement of Acculturation in a Multiethnic Community Sample of First-Generation Immigrants, *Canadian Journal of Behavioral Science*, 2010. 42(2). P.134-138.
19. Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness // *The American Journal of Sociology*, 1985. 91(3). P. 681–510.
20. Kagan J., Lamb S. *The Emergence of Morality in Young Children*. Chicago, Ill: University of Chicago Press; 1987
21. Kalin R. & Berry J.W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys. *Canadians Ethnic Studies*, 1995, No 27, P. 1-15.
22. Koser K., & Laczko F. *World Migration Report 2010: The future of migration: Building capacities for change*. IOM International Organization for Migration, France by: Imprimerie Courand et Associes, 2010
23. Liebkind K. Vietnamese refugees in Finland: Changing cultural identity // In G. Breakwell, E. Lyons (Eds.), *Changing European identities*. London: Butterworth-Heinemann, 1996. P. 227–240
24. Liebkind K., Jasinskaja-Lahti I. The influence of experiences of discrimination on psychological stress: A comparison of seven immigrant groups // *Journal of Community and Applied Social Psychology* 2000.10. P. 1-16
25. Nader L. *The Life of the Law. Anthropological Projects - University of California Press, Ltd.* London, England, 2002
26. Phinney J. Identity formation across cultures: The interaction of personal, societal and historical change // *Human Development*. 2000. Vol. 43. P. 27–31.
27. Phinney J. S., Ong A., & Madden T. Cultural values and intergenerational value discrepancies in immigrant and non-immigrant families. *Child Development*. 2000. 71. P. 528-539.
28. Portes A., Rumbaut R.G. *Immigrant America: A Portrait*. (3rd ed). Berkeley, CA: University of California Press, 2006.
29. Portes A. & Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1993. 530, P.74-96.
30. Salazar J.M. & Salazar M.A. Permanence and modification in national identities. In J. Adair, D. Belanger, K. Dion (Eds.) *Advances in psychological science. Vol. 1 Social, personal and cultural aspects*. Hove, UK: Psychology Press. 1998. P. 247-270.
31. Schwartz S. Mapping and interpreting cultural differences around the world / H. Vinken, J Soeters & P. Ester (eds.) // *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*. Brill, 2004
32. Searle W. & Ward C. Prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations*. 1990. 14. P.449-464
33. Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison. In H. Tajfel *Differentiation between social groups*. London: Academic, 1978, P. 61-76.
34. Udahemuka M., Pernice R. Does Motivation to Migrate Matter? Voluntary and Forced African Migrants and Their Acculturation Preferences in New Zealand // *Journal of Pacific Rim Psychology*; 2010, 4, 1, P.44-52
35. Ward C. Acculturation. In D. Landis & R. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training* Thousand Oaks, CA: Sage. 1996. P. 124-147
36. Ward C., Kennedy A. Where's the culture in cross-cultural transition? Comparative studies of sojourner adjustment. *Journal of Cross-cultural Psychology*, 1993.24. P.221-249
37. Vega W., Kolody B., Valle R., Weir J., Social networks, social support, and their relationship to depression among immigrant Mexican women. *Human Organization*, 1991. 50, P.154-162
38. Vitkovskaya G. Adaptation and Integration of Forced Migrants in Russia. // *Russian Views of the Transition in the Rural Sector: Structures, Policy Outcomes and Adaptive Responses.* / L. Alexander Norsworthy. The World Bank. Washington, DC, 2000. P.167-188.

Галаганова С.Г.

*К.филос.н., доцент кафедры «Политология»
МГТУ имени Н.Э. Баумана*

Русский национализм и имперское сознание

Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизменённое только в приёмах распространение космополитической демократизации.

Константин Леонтьев

Русский национализм – самый странный (на фоне тысячелетней истории России и её духовной традиции) и самый трагичный (по своим реальным и потенциальным последствиям) из всех этнических национализмов, возникших в постсоветском пространстве. Как и все его аналоги, он возник не в народе, а в среде относительно немногочисленных представителей национального культурного слоя (интеллигенции), озаботившимися «нерусскостью» советской власти, якобы подавляющей «русский дух». Сегодня эти, уже ставшие историей, события и процессы рассматриваются исследователями в основном в рамках темы «Политические технологии» – как одна из блестяще проведённых «спецопераций» по демонтажу «красной империи» и имперского сознания её многонационального народа.¹ Для нашей темы важна лишь запущенная в 90-е годы прошлого века идея: советское не есть русское (как и татарское, грузинское, еврейское и т.д.); став советскими, народы нашей страны утратили свою этническую идентичность, восстановить которую возможно лишь в условиях «национальных» (этнических) государств.

С той поры идеал «русского национального государства» стал неотъемлемой частью идеологии русского национализма, привычно позиционирующего себя в качестве антипода западничества и непримиримого противника либеральной демократии. Представители последней более двадцати лет исправно поддерживали своё космополитическое реноме, не смея обмолвиться о своей изначальной породнённости с национал-патриотами на почве антисоветизма. Для полного камуфляжа был изобретён эпитет «красно-коричневые», смешавший «в одном флаконе» просоветских охранителей-государственников с антисоветчиками-националистами (нисколько не обеспокоенными перспективой уничтожения советского государства).

1. См., напр., Сергей Кара-Мурза. Угрозы России. – М.: Алгоритм, 2012, гл. 5.

Однако в начале нового века либеральный идеологический противник русских националистов повёл себя несколько неожиданно, разом переключившись с апологии буржуазной демократии на обоснование необходимости создания в России... того самого «русского национального государства». За «первой ласточкой» – конференцией «Новый политический национализм», инспирированной директором Института национальной стратегии Станиславом Белковским (8.06.2008), последовали выступления Дмитрия Фурмана (ныне покойного ведущего научного сотрудника Института США и Канады), Игоря Яковенко (заведующего кафедрой истории и теории культуры РГГУ), Шломо Занда (профессора Тель-Авивского университета и парижской Высшей школы социальных наук) и, наконец, Михаила Ходорковского, передавшего из заключения «Новой газете» свою программную статью. Во всех них речь идёт о возможности формирования российской политической нации (по типу западно-европейских), а слово «русское» (применительно к «национальному государству») означает то же, что «американское», «французское» или «немецкое».¹ В этом смысле многолетняя конфронтация либералов с русскими националистами вполне справедливо названа «идеологическим недоразумением», которое необходимо преодолеть ради совместных национально-государственных трудов.²

Возмущённая реакция русских националистов в концентрированном виде представлена в прошлогодней статье лидера Национально-державной партии России Александра Севастьянова.³ Продемонстрировав читателю «подлинное», буржуазно-либеральное «лицо» вышеназванных исследователей (которое никто из них и не пытался скрывать), автор формулирует две главные идеи: 1/ русское национальное государство, о котором помышляют либералы, «неправильное», ибо на поверку оказывается недостаточно русским и недостаточно «державным»; 2/ все либеральные проекты русского национального государства («настоящего», то есть этнического) «противоестественны», поскольку либерализм и национализм в принципе противоположны («истинно, онтологически»)⁴.

На эти, весьма спорные, выводы мы и обратим внимание.

Этнический национализм, как и его антипод – национализм

1. См. подробнее: Ольга Власова. Будем ли мы строить нацию? Историческое окно возможностей для построения национального государства в России ещё не закрыто // Эксперт, № 21, 2013.

2. Михаил Ходорковский. Между империей и национальным государством // Новая газета, № 65, 15.06.2012.

3. Александр Севастьянов. Полюбил либерал националиста... // Наш современник, № 9, 2013.

4. Александр Севастьянов. Указ. соч., с. 229.

полиэтнический, гражданский – дитя буржуазных революций и порождённого ими капиталистического уклада. Он явился на свет как защитная реакция народов, попавших под «каток» буржуазной экономической эксплуатации, социального бесправия и культурной ассимиляции. С тех пор его идейной «пищей» являются образы этнического врага, коллективная память о причинённом (и причиняемом) зле и призывы к объединению на основе «почвы и крови» (а следовательно, отделения от «чужих»). Что касается национализма гражданского, то он стал мировоззренческой основой формирования nation-states – независимых буржуазных государств, объединивших на своих территориях различные народы (один из которых, как правило, играл роль этнического ядра) в новые – большие, полиэтнические – нации (последние также стали именовать «политическими» или «гражданскими»). Гражданский национализм всегда конструктивен и оттого «центростремителен»: он объединяет этносы на основе общей перспективной идеи, будь то «Великая Британия», «Прекрасная Франция» или американская «свободная земля свободных людей».

В русской социально-философской мысли проблема «двух национализмов» была впервые глубоко проанализирована К.Н. Леонтьевым. Задолго до эпохи глобализации он увидел в буржуазном «всесмешении» этносов угрозу «цветущей сложности» культуры и социума. Но ещё более прозорливым оказалось проникновение русского мыслителя в сущность этнических национализмов как низшей, наиболее примитивной формы проявления самосознания народа, не доросшего до уровня развитой национальной культуры.¹ Неспособный к выдвиганию Национальной Идеи (конструктивного общенародного проекта), «племенной» национализм обычно прикрывает свою духовную и культурную ущербность агрессивной риторикой об «униженном великом народе» и призывами к «национальному возрождению» (не выходящему за рамки «фольклорного» устройства быта). Творцам «нового мирового порядка» такие национализмы не опасны; напротив, в соответствии с классическим принципом «разделяй и властвуй», они целенаправленно провоцируются сегодня в рамках изощрённых политических технологий (что мы наблюдали в процессе разрушения СССР и продолжаем наблюдать сегодня).

Не будет представлять опасности для всемирного правящего класса и его «полномочных представителей» в России и «русское

1. См., напр., «Византизм и славянство», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», «Национальная политика как орудие всемирной революции», «Культурный идеал и племенная политика» и другие статьи Леонтьева в кн.: К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. – М.: Республика, 1996.

национальное государство» (как и любое другое этническое государственное образование). С этим сегодня согласны все ведущие геополитики, от Алена де Бенуа до Александра Дугина, считающие, что сохранить реальную независимость, в том числе и культурную, в эпоху глобализации могут лишь «новые империи» – импероподобные общности народов, объединённых на регионально-цивилизационной основе.¹ В этом смысле более чем странно звучит категоричное утверждение Александра Севастьянова: «Логика истории подсказывает, ... что нам (русскому этносу. – С. Г.) суждено развиваться в сторону национального государства».² В чём же проявилась эта логика? Оказывается, в создании национальных государств на месте бывших советских республик. Но ведь это всего лишь технология – та самая технология демонтажа крупных социальных субъектов при помощи этнических национализмов. Такой же бездоказательный приговор Севастьянов выносит и империи, которая якобы будет неизбежно заменена национальным государством³.

Между тем Леонтьев считал имперскую стадию высшим уровнем развития этноса и высшей (наиболее сложной и развитой) формой его самоидентификации. Понятие империи, разумеется, употреблялось им не как синоним государства-метрополиисколониальными владениями, а в качестве названия одной из форм унитарного национально-государственного устройства, объединяющей многочисленные гетерогенные этносоциальные и административно-территориальные образования на обширном («имперском») пространстве. В отличие от «плавильных котлов» буржуазной ассимиляции, империя предполагает относительно компактное проживание различных этносов на своих исторических территориях и сохранение ими своей этнической самобытности. Правда, в отличие от современных геополитиков, Леонтьев смотрел не «вперёд», а «назад», в сторону православной Византийской Империи. Отсюда его понятие «византизм», употребляемое как синоним имперского духа, имперского «формата» национального развития. «Имперское» не значит «внеэтническое»; это значит «сверхэтническое»: все этносы (и совсем малочисленные, и имперообразующие), в полной мере сохраняя свою биоэтническую самобытность, в то же время поднимаются над ней, выходя на новый, более высокий уровень национального бытия.

Однако и сами империи не возникают на пустом месте: они создаются нациями, достигшими духовной зрелости («величия»),

1. См.: Александр Дугин. Четвёртая политическая теория. – М.: Арктос Медиа, 2014.

2. Александр Севастьянов. Указ. соч., с.228.

3. Александр Севастьянов. Указ. соч., с. 233.

способными предложить народам высокую Национальную Идею – источник для утоления «духовной жажды» всеми этносами (причём не только данной страны). У Московской Руси такой идеей было православие как единственно истинная вера – не «наша русская, национальная», а всемирная, вселенская, открывающая возможность духовного преображения (спасения) для всех людей на планете. Христианство – религия имперская: оно родилось в империи (Римской), сохранялось и развивалось в империи (Византийской). Московская Русь тоже интуитивно шла к имперскому государственному устройению как наиболее органичной форме земного воплощения своего планетарного христианского духа. Да она по сути и была империей – со времён Ивана Грозного, ещё не ведая о Петре Великом. Синонимом Святой Руси стало и родившееся в монастырской келье понятие «Третий Рим», не имевшее никакого иного значения, кроме вселенской миссии сохранения и укрепления православной веры, организации жизни «всех племён» на основе евангельских заповедей.

Другими словами, величие пространства и величие национального духа взаимообусловлены. В уютном «русском национальном государстве» не могли бы появиться ни Пушкин, ни Лев Толстой, ни Первый концерт Чайковского. Ибо всё это явления имперской культуры, преодолевшей свою этническую ограниченность. Однако можно ли назвать её «нерусской»? И найдётся ли хоть один другой этнос, для которого она была бы органически чуждой, неинтересной, непонятной? И поймёт ли «русский националист», что имел в виду татарский поэт Муса Джалиль, сказавший «я – русский» в ответ на вопрос фашистов о его национальности?

Многонациональная российская империя, восстановленная в 1930-е годы в форме СССР, стала первым и единственным в истории государством, где все этносы были не только сохранены как самобытные социально-культурные общности, но и целенаправленно подняты до уровня имперообразующего этноса посредством продуманной и щедро оплаченной государственной политики. В результате преодоления острейших социально-экономических антагонизмов был объединён в единую нацию и сам русский народ (абсолютное большинство которого, будучи неграмотным, было полностью отчуждено от классической национальной культуры, а культурное меньшинство говорило по-русски с французским акцентом). Формирование социально-однородной и этнически-многообразной имперской нации стало возможно через изменение самой модели социального жизнеустройства и вектора экономического развития.

Русские в СССР, как и все другие народы, не испытывали комплекса национальной неполноценности и поэтому не демонстрировали свою этническую принадлежность с помощью бород, сарафанов и самоваров. Русский этнос стал ядром новой, исторически беспрецедентной общности под названием «советский народ» – имперской, полиэтнической, равноправной, продемонстрировавшей всему миру реальную возможность планетарного осуществления своей Национальной Идеи – создания справедливого (праведного) общества.

Как феномен сугубо буржуазный, этнический национализм объективно противостоит социализму, «перекрывающему» (хоть и не уничтожающему) кровно-племенные солидарные связи отношениями социально-экономического равенства (позволяющими вовлекать большие массы людей в коллективную реализацию общенациональных проектов). И наоборот: племенная гиперэтничность, неспособная подняться до подлинной державности, комфортно чувствует себя в социально-расколоте буржуазно-либеральном «обществе-рынке». Не потому ли все русские националисты рано или поздно встают на позиции антисоветизма? И так ли уж «противоестественно» освоение российскими либералами «обаятельной идейки» (вспомним лексику героя «Бесов» Достоевского) «русского национального государства» (в которой они вместе с национал-патриотами хоронят державную, имперскую национальную идею)? Общая задача разрушения русского имперского сознания путём разжигания русского этнического национализма «истинно», «онтологически» объединяет либералов и националистов независимо от их взаимных обвинений и личных антипатий.

В 1917 году, когда социальная пропасть между «братьями и сёстрами» стала восприниматься как национальный позор, русские националисты так и не смогли предложить никакого национально-самобытного религиозно-государственного проекта, способного легитимировать тогда ещё живую монархию. Они оказались всего лишь идеологами застоя, тщетно мечтавшими «остановить прекрасное мгновенье». Тем более прискорбно, что казённая уваровская формула «православие, самодержавие, народность», торжественно вручённая нам в начале «перестройки» миссионерами русской эмиграции (вполне буржуазной и либерально-демократической по своему образу жизни), была воспринята нашим национально-патриотическим движением как последнее слово социально-философской мысли. Если в начале минувшего века эта безыдейность обернулась трагедией, то на его исходе она предстала

как фарс – в виде экзотических «костюмированных» шествий под лозунгом «Встань за веру, Русская Земля!» Тем самым внимание дезориентированного народа умело отвлекалось от уничтожения на его глазах общенародной модели жизнеустройства (соответствующей общинным христианским принципам) и спешного утверждения принципов всеобщей конкуренции и купли-продажи (буржуазно-либеральных, с христианством несовместимых). Впрочем, фарс продолжился трагедией: кровь, пролитая в те годы в Нагорном Карабахе и Приднестровье, Прибалтике и Чечне, Абхазии и Осетии, а сегодня проливаемая на Украине, стала той ценой, которую заплатила ещё недавно единая страна за разрушение своего имперского сознания.

Сумеют ли русские люди (усиленно провоцируемые реальными национальными обидами) отринуть соблазн этнического национализма и выдвинуть новую, современную Национальную Идею? От этого, на наш взгляд, зависит и формирование российской политической (гражданской) нации, и (в перспективе) восстановление имперской модели межэтнического общежития народов России.

Литература

1. Власова О. Будем ли мы строить нацию? Историческое окно возможностей для построения национального государства в России ещё не закрыто // Эксперт, № 21, 2013;
2. Дугин А. Четвёртая политическая теория. – М.: Арктос Медиа, 2014;
3. Кара-Мурза С. Угрозы России. Точка невозврата. – М.: Алгоритм, 2012;
4. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. – М.: Республика, 1996;
5. Севастьянов А. Полюбил либерал националиста... // Наш современник, № 9, 2013;
6. Ходорковский М. Между империей и национальным государством. Национализм и социальный либерализм // Новая газета, № 65, 15. 06. 2012.

A

**КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

МАДИ,
АТСО

Е.Г. Пономарева,

профессор АТиСО, кандидат экономических наук;

П.И. Ананченкова,

профессор АТиСО, кандидат экономических наук;

М.А. Левашова,

старший преподаватель АТиСО;

М.Ю. Кузнецов,

старший преподаватель АТиСО

Гендерное неравенство в социально-трудовой сфере (опыт социологического исследования федерации независимых профсоюзов России)

Термин «гендер» вошел в научный оборот в конце 60-х годов прошлого столетия и стал использоваться для анализа социально-экономических отношений, в том числе и трудовых, специфическую особенность которых составляют биологические различия мужчин и женщин. Гендерный анализ социально-экономических отношений позволяет обнаружить и выявить разнообразные, в том числе самые утонченные и скрытые формы половой дискриминации, проявляющиеся в сферах труда, производства, карьерного роста и др. Благодаря ему в 1975 году мировое сообщество впервые признало наличие неравенства социально-экономических прав и положения женщин и мужчин; при этом в подавляющем большинстве случаев в худшем положении оказываются женщины.

Фиксируемое многочисленными исследованиями гендерное неравенство – это ситуация, при которой различные социальные группы – мужчины и женщины – обладают устойчивыми социально-закрепленными различиями и, как следствие, неравными возможностями в обществе. Как отмечает отечественный исследователь проблемы И.Н. Мысляева: «Гендер – это не только социально-закрепленное разделение ролей на мужские и женские, но и система взаимоотношений, возникающая между полами в процессе выполнения ими этих ролей. Эта система взаимоотношений может быть такой, когда в обществе главными признаются мужские роли, а женские считаются второстепенными. Это, в свою очередь, например, находит проявление в делении видов деятельности на престижные и непрестижные. Так, военная служба, управление страной считаются мужскими и одновременно престижными видами деятельности. Именно они более высоко оплачиваются, чем труд женщин, работающих в школах, детсадах и т.п. Именно социально-закрепленное разделение ролей на мужские и женские очень часто является основой неравного положения мужчин и женщин».

Можно назвать ряд традиционных причин, которые приводят к гендерному неравенству и выступают фактором его стабильности. К ним относятся:

- структура рабочего и свободного времени, в соответствии с которой мужчины традиционно больше заняты трудовой и потому более оплачиваемой деятельностью, а женщины значительную часть времени отдают домашнему хозяйству;

- различия в уровне образования: мужчины имеют больше возможностей повышать свой образовательный и профессиональный уровень, в то время, как женщина ограничена в них, так как зачастую занята домашним хозяйством, и не может выделить время на свое образование;

- гендерные стереотипы, которые рассматривают женщину как рабочую силу более низкого качества, с меньшими способностями по сравнению с мужчиной и т.д.

В результате гендерное неравенство в современном российском обществе, несмотря на серьезные демократические реформы в экономической и общественной сферах, остается явлением не только распространенным, но и достаточно устойчивым. Правда, положительным можно считать уже тот факт, что общество осознает его наличие и предпринимает попытки сокращения (а в перспективе – и искоренения). Осуществляется это посредством проведения так называемой эгалитарной государственной политики. В соответствии с ней государство гарантирует не только равные права мужчинам и женщинам, но и равные возможности в труде, образовании, общественной деятельности и т.д. за счет:

- предоставления женщинам равных с мужчинами возможностей участия во всех сферах профессиональной деятельности;

- предоставления льгот, компенсаций и различных видов вспомоществования при уходе за детьми;

- обеспечения равного доступа мужчин и женщин к образованию;

- осуществление информационной и просветительской работы, касающейся проблем гендерного равенства и пр.

Эффективность проводимой государством гендерной политики, ее результаты, а также динамика общественного сознания в области гендерного равенства фиксируют результаты многочисленных исследований, которые проводятся как в региональном срезе, так и в масштабе всей страны. За последние 25 лет наибольшую известность получили исследования, проводимые при участии или под руководством таких ученых, как Е.В. Кочкина, Л.Н. Федорова, А.И. Посадская, О.А. Воронина, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, Н.Л. Пушкарева, Н.М. Римашевская, И.А. Жеребкина и др. Потребность в гендерных исследованиях до сих пор достаточно высока. Однако государство в последние годы практически устранилось от заказов

на их проведения, обращаясь к экспертам в случае необходимости оценки (гендерной экспертизы) тех или иных инициатив в образовании, здравоохранении, социальной политике и т.д. Как правило, гендерные исследования используются только отдельными государственными деятелями, политиками, чиновниками. Активно используют их материалы такие международные организации, как ПРООН, МОТ, ЮНИСЕФ, Всемирный банк и пр., которые зачастую их и финансируют. Кроме того, отдельные результаты, относящиеся к гендерной тематике, можно получить в масштабных опросах Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), группы «РОМИР-мониторинг», Левада-центра и других исследовательских структур.

Активно проводят гендерные исследования и используют их материалы профессиональные союзы – региональные, отраслевые, исследовательские центры Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). В частности по инициативе ФНПР в 2012 году было проведено масштабное исследование «Гендерное равенство в современном российском обществе: региональный аспект». В опросе методом анкетирования приняли участие 4890 человек в возрасте 25–55 лет; из них 51 процент мужчин и 49 – женщин. Анкетирование проводилось в городских и сельских населенных пунктах следующих областей и краев России: г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Тверская область, Савропольский край, Республика Дагестан, Республика Кабардино-Баркария, Республика Северная Осетия – Алания, Краснодарский край, Тульская область, Хабаровский край, Республика Башкортостан, Республика Чувашия.

В рамках настоящей работы авторы намерены проанализировать результаты проведенного при их участии профсоюзного исследования, конкретизированные и прокомментированные участниками фокус-групп, после обработки анкет. Они соотносятся с данными других общероссийских исследований (в частности, ФОМ). Это, с одной стороны, позволяет сделать независимое сравнение и оценку полученных нами данных, а, с другой – отследить на протяжении нескольких лет динамику общественного мнения по тем или иным вопросам, касающимся гендерного неравенства в российском обществе.

Безусловно, позиции мужчин и женщин в профессиональной, социально-экономической и общественной жизни России во многом различны. Один из признаков гендерного неравенства в социально-трудовой сфере – это деление профессий на «мужские» и «женские», при том, что «мужские», как правило, более высокооплачиваемые, а «женские» – менее. Результаты исследования ФНПР показали, что для большинства респондентов, как мужчин, так и женщин, из общего набора трудовых прав приоритетными являются: «право на справедливую оплату труда», «право на профессиональное и должностное продвижение» и «право на свободный труд».

Следует отметить, что повышение квалификации и мастерства как одно из трудовых прав, имеет крайне низкое значение для мужчин (8%), что адекватно итогам многочисленных исследований, которые утверждают, что женщины гораздо чаще мужчин повышают свою квалификацию, ходят на различные тренинги, получают второе образование и т.д. При этом респонденты обоих полов наиболее важным считают право на справедливую оплату труда.

Ниже предлагаются ответы на наиболее волнующие наемных работников вопросы, предложенные им в ходе анкетирования.

**Какие из трудовых прав наиболее важны лично для Вас?
(Выберите не более 3-х вариантов)**

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	Право на свободный труд	15	20
2	Право на справедливую оплату труда	33	32
3	Право на выбор профессии	11	11
4	Право на профессиональное и должностное продвижение	19	16
5	Право на повышение квалификации и мастерства	11	8
6	Право на участие в управлении	11	13

Источник: данные опроса методом анкетирования, проведенного в 2012 году ФНПР при участии ученых АТиСО.

Как отметили участники фокус-групп, проблема адекватной оплаты труда характерна не только для женщин (Ж), но и для мужчин (М). Вот мнения некоторых из них:

Ж, 24 года: «Всегда кажется, что платят меньше, чем обещали, меньше, чем ты рассчитывала, меньше, чем ожидала, меньше, чем реально стоишь и т.д.».

Ж, 34 года: «Нам всегда платят меньше, чем мужчинам, даже если должность и круг обязанностей одинаковые, потому что, как правило, начальник – мужчина, и он всегда на стороне мужчины. И продвигать в должности он будет скорее мужчину, чем женщину, потому что с ними он быстрее найдет общий язык, а с нами – вроде как сложнее».

Ж, 37 лет: «Я бы очень хотела, чтобы при оплате труда меня не рассматривали как женщину, а моего коллегу – как мужчину. Мы – абсолютно одинаковые служащие, у нас равная должностная инструкция, мы одинаково отдаем себя делу. Именно это должно рассматриваться при начислении зарплаты, а не то, что я хожу в юбке, а он – в брюках!».

М, 36 лет: «В моем представлении справедливая оплата труда связана не

с тем, кому ее платят – мужчине или женщине, а в адекватности усилиям, которые мы затрачиваем на выполнение работ, качеству, условиям работы и т.д. Я с удовольствием хожу на работу, так как с детства мечтал этим заниматься. У нас отличный коллектив, но в последнее время подумываю: не сменить ли мне место работы. А то пашешь, пашешь, а в итоге – все равно копейки получаешь!».

М, 29 лет: «У каждого должна быть возможность делать карьеру у себя в компании. Если ты не растешь, то неизбежно откатываешься назад. Руководство должно это понимать и стимулировать стремление двигаться вперед. А повышение в должности влечет за собой и увеличение зарплаты, поэтому понятно, почему все нормальные работники хотят повышаться в должности».

В российских законах дискриминация запрещена.

А в жизни?

(Выберите одно из утверждений)

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	Дискриминация по признаку пола широко распространена	26	16
2	Дискриминация по признаку пола еще встречается	48	45
3	Проявления дискриминации по признаку пола - редкость	8	11
4	Женщины давно равны в правах с мужчинами, дискриминации нет	8	14
5	Женщины имеют больше прав, чем мужчины, впору говорить о дискриминации мужчин	2	6
6	Не понимаю, о чем идет речь	8	8

Источник: там же

Подавляющее большинство всех респондентов считают, что в жизни «дискриминация по признаку пола еще встречается» и даже «широко распространена». При этом участники опроса давали приведенные ниже комментарии:

Ж, 35 лет: «Наивно думать, что если в Конституции прописана норма о равенстве, то она незыблема в реальной жизни! Конечно же, в реальной жизни все совсем не так, как предусмотрено законом!».

Ж, 51 год: «Да, к сожалению, дискриминация по признаку пола в реальной жизни встречается достаточно часто. Не могу сказать, что меня так уж прямо задискриминировали, но бывали в общем-то неприятные ситуации. Да и на примере своих знакомых можно увидеть, что дискриминация все-таки существует».

М, 29 лет: «Об этом много говорят и в реальной жизни, и со страниц СМИ. Если бы этого явления не было, то и разговоров на эту тему было бы меньше».

М, 42 года: «Не могу сказать, что в нашей повседневной жизни существует дискриминация. Все-таки это какое-то суровое слово, слишком категоричное, но неравенство, конечно же, есть».

Где неравенство между женщинами и мужчинами проявляется, на Ваш взгляд, наиболее отчетливо?

(Выберите не более трех вариантов)

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	В трудовой сфере (прием на работу, оплата труда, карьерный рост и т.д.)...	29	31
2	В политике	29	23
3	В семье	11	13
4	В бытовой сфере	7	9
5	В использовании свободного времени	14	14
6	В личном потреблении	3	3
7	В общественной жизни	7	7

Источник: там же

Практически по единогласному мнению респондентов, к сферам, в которых в наибольшей степени проявляется неравенство между мужчинами и женщинами, относятся «трудовая сфера (прием на работу, оплата труда, карьерный рост и т.д.)», «политика» и «использование свободного времени».

Участники фокус-групп прокомментировали это следующим образом:

Ж, 36 лет: «Преимущество мужского пола лучше всего ощущается в трудовой сфере именно потому, что и зарплаты у них выше, и карьера круче. Об этом часто пишут в газетах, и то же подтверждают опросы общественного мнения».

Ж, 20 лет: «В нашей политической среде мужчин в тысячу раз больше, чем женщин. Женщинам туда сложнее пробиться, так как все места изначально распределяются между мужчинами».

Ж, 47 лет: «Какое у женщины может быть свободное время? Семья, семья и еще раз семья. Ни рыбалки, ни футбола, ни в баню с друзьями... Все свободное время мы практически полностью отдаем семье, детям».

М, 54 года: «Я согласен с тем, что в трудовой сфере существует самое большое неравенство между мужчинами и женщинами. У нас разные физические возможности, мы не можем быть одинаковыми, так что ничего удивительного в этом неравенстве нет».

М, 32 года: «Женщин – известных политиков не так много. А среди них действительно толковых – и того меньше. Вот и нечего женщинам идти туда. Политика – это мужское дело».

Многочисленные интервью, опросы, судебные иски ярко демонстрируют проблему ущемления трудовых прав работников. В основном это касается женщин, хотя иногда «потерпевшей стороной» оказывается и мужчина.

Какие трудовые права чаще всего нарушаются по признаку пола, и значит ли это, что женщины и мужчины имеют разные возможности их реализовать?

(Выберите не более трех вариантов)

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	Право на свободный труд	6	9
2	Право на справедливую оплату труда	23	25
3	Право на выбор профессии	11	15
4	Право на профессиональное и должностное продвижение	25	20
5	Право на повышение квалификации и мастерства	5	3
6	Право на участие в управлении	23	17
7	Никакой дискриминации нет	7	11

Источник: там же

По мнению участников опроса, чаще всего нарушаются именно трудовые права, которые имеют для работающих россиян наибольшее значение. Это – «право на справедливую оплату труда», «право на профессиональное и должностное продвижение» и достаточно неожиданный вариант – «право на участие в управлении». Как выяснилось по итогам работы фокус-групп, многие работники хотели бы участвовать в управлении предприятием, владеть его акциями, входить в состав правления и т.д. Невозможность осуществления этих желаний расценивается респондентами как нарушение их трудовых прав.

Комментарии участников фокус-групп:

Ж, 36 лет: «Что касается должностного продвижения, то мужчина делает карьеру гораздо стремительнее женщины. Мужчины не любят видеть на одной ступеньке с собой представительницу «слабого» пола. Им кажется, что мы покушаемся на их достижения, их способности и т.д. Мы для них реальная конкуренция, поэтому нас «тормозят» на

каждом очередном должностном уровне. Я пришла в эту компанию одновременно с моим университетским одноклассником. Начинали с одной и той же позиции, но он сейчас – член Совета директоров, а я всего лишь – руководитель департамента. Хотя не могу сказать, что он отличился какими-то выдающимися управленческими способностями. Он – мужчина, и этим все сказано».

Ж, 41 год: «У нас могут быть одинаковые должности, но мужчины чаще получают премии, бонусы и прочие надбавки, что в конечном счете в сумме гораздо больше, чем доход женщины. Начальство объясняет это тем, что мужчины, якобы, больше работали, чаще задерживались на работе, их вклад в результат существеннее. Я бы тоже задерживалась после работы, но у меня муж и сын, им надо приготовить ужин, накормить, проверить уроки и т.д. Меня же никто от этого не освобождает...»

М, 32 года: «Я согласен, что мы иногда по деньгам получаем больше, чем женщины. Но зато они гораздо чаще пораньше отпрашиваются с работы, то им надо к зубному, то родительское собрание у ребенка в школе, то пятое, то десятое. А мы и после работы остаемся, и все авральные проблемы в основном решаем без них. Поэтому ничего удивительного нет, что зарплата у нас больше».

М, 44 год: «Очень часто «высокое руководство» настолько далеко от реальных ежедневных проблем простых работяг, что хочется зайти к нему (руководителю – авт.) и не стесняясь особо в выражениях рассказать, что и как у нас в цехе. Я могу практически абсолютно точно спрогнозировать, какие последствия с точки зрения простого работяги будут иметь те или иные решения руководства. Если бы нас, простых рабочих, приглашали на важные заседания, то управление в целом было бы гораздо эффективней».

Когда речь заходит о трудовых правах женщин и мужчин и их равенстве, камнем преткновения, зачастую, становятся профессии или виды трудовой деятельности, которые ограничивают участие в них женщин.

Трудовой кодекс РФ содержит нормы, ограничивающие применение труда женщин.

Ваше мнение: насколько они нужны?

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	Эту норму необходимо сохранить, чтобы защитить женщин от принуждения к работе в тяжелых и вредных условиях	58	66
2	Норму можно отменить; женщины сами не пойдут работать на эти рабочие места	5	6
3	Рабочие места должны быть безопасными и для женщин и для мужчин, а ограничительных норм не должно быть	26	23
4	Норма себя изжила; женщины должны иметь такое же право выбора профессии и места работы, как и мужчины	11	5

Источник: там же

Большинство респондентов решительно настаивают на том, что нормы, ограничивающие использование женского труда на отдельных видах работ необходимо сохранить.

Комментарии участников фокус-групп выглядели так:

Ж, 34 года: «Если мужчины отказываются работать в тяжелых условиях, и работодатель не имеет возможности набрать персонал мужского пола, то у него появляется соблазн нанять женщин, менее притязательных по оплате и готовых работать *в и на* любых условиях, лишь бы прокормить семью. Этого быть не должно! Пусть лучше мужчинам за такую работу платят больше».

Ж, 41 год: «Условия работы должны быть одинаковыми для всех, безопасными, хорошо освещенными, вентилируемыми и т.д. Всем должно быть комфортно на рабочем месте. Не надо никого ограничивать, все произойдет естественным образом, так, как это нужно самому работнику».

М, 51 год: «Женщины иногда сами не понимают, куда они идут: то ли им романтика в профессии нужна, то ли сами себе хотят доказать, что они такие «крутые». Но закон должен быть на стороне здравого смысла. Есть работы, где женщине не место, вот и не надо ее туда пускать».

М, 34 года: «А есть ли список видов работ, на которые мужчину не пустят? Сомневаюсь. Пусть у всех будут равные возможности и условия труда. Пусть они будут на самом высоком уровне, и не надо никого ограничивать».

Как Вы оцениваете изменения в положении работающих мужчин и женщин, произошедшие за годы реформ?

(Ответы просим разместить как в графе «мужчины», так и в графе «женщины»)

Женщины				
Оценочные позиции	№	Мужчины	№	Женщины
Изменение в лучшую сторону	1	20	1	16
Изменение в худшую сторону	2	11	2	15
Положение не изменилось	3	20	3	17
Затрудняюсь ответить	4	49	4	52

Источник: там же

Женщины, как видим, не готовы дать какую-либо конкретную оценку произошедшим за годы реформ изменениям в положении работающих мужчин и женщин. Практически половина ответивших затруднились с ответом. Тем не менее, пятая часть респонденток положительные изменения относят к положению мужчин, оценивая свою «долю» гораздо ниже. Точно такая же часть респонденток считает, что положение мужчин «не изменилось», впрочем, положение женщин тоже.

Комментарии:

Ж, 44 года: «Мужчинам стало жить лучше, чем женщинам. Мы не стали жить хуже, нет, но у нас все равно значительно хуже положение, чем у мужчин. У них и прав (реальных) больше, и доходы выше, и перспективы. У нас все гораздо скромнее».

Ж, 27 лет: «Я не думаю, что за годы реформ что-то существенно поменялось. Мне кажется, что для того, чтобы произошли какие-то серьезные перемены в нашем обществе, должно пройти не одно столетие. Даже двадцати лет реформ мало, чтобы делать какие-то выводы по поводу изменения положения работающих мужчин или женщин».

Мужчины				
Оценочные позиции	№	Мужчины	№	Женщины
Изменение в лучшую сторону	1	21	1	14
Изменение в худшую сторону	2	16	2	15
Положение не изменилось	3	20	3	14
Затрудняюсь ответить	4	43	4	57

Источник: там же

Как видим, мужчины в большинстве своем тоже не готовы давать какие-то оценки. Половина из них вообще затруднились с ответом. И также, как и женщины, они в равной степени считают, что за время реформ положение работающих мужчин и женщин либо «изменилось в лучшую сторону» (причем, у мужчин перемены гораздо заметнее, чем у женщин), либо «не изменилось» (у женщин перемен гораздо меньше, чем у мужчин).

Участники фокус-групп прокомментировали ситуацию таким образом:

М, 43 года: «Единственное положительное изменение, которое я точно могу зафиксировать – это улучшение финансового вопроса. Зарплаты не

уравнены, а дифференцированы: хорошо поработал – хорошо получил. А если бездельничал весь месяц, значит, и получишь три копейки. Заработок не зависит ни от каких условий, кроме как от твоего трудолюбия».

М, 57 лет: «Стало намного страшнее потерять работу. Прежде чем поругаться с начальством или не выполнить какое-то, даже самое бредовое задание, тысячу раз подумаешь, а не выгонят ли с работы. Все-таки – возраст. Начальство любит молодых. А куда я пойду? Так что – стало гораздо хуже».

Оценивая участие женщин в управлении предприятием, а также в топ-менеджменте в целом, подавляющее большинство респондентов отметили, что ситуация здесь никак не изменилась. И только треть из них посчитала, что «наблюдается улучшение ситуации», подразумевая под этим увеличение количества женщин на руководящих должностях.

Как изменилась ситуация с участием женщин в управлении на Вашем предприятии (организации, учреждении)?

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	Наблюдается улучшение ситуации	31	26
2	Ничего не изменилось	57	63
3	Ситуации ухудшилась	8	6
4	Затрудняюсь ответить	4	5

Источник: там же

Участники фокус-групп прокомментировали полученные ответы так:

Ж, 49 лет: «А как она (ситуация – *авт.*) могла измениться? Женщины сменяют мужчин? Ну, что вы! Разве такое возможно!»

Ж, 31 год: «На моем предприятии сейчас достаточно женщин-руководителей, но все они – менеджеры среднего звена. В самом главном «генералитете» у нас исключительно мужчины».

М, 55 лет: «Женщин стало больше. То ли модно сейчас так, то ли действительно они такие умные, но частенько можно встретить женщин-начальниц. У нас на комбинате тоже есть такие и не только в бухгалтерии».

М, 27 лет: «Женщин явно стало больше. Некоторые мои однокурсницы по институту уже занимают вполне приличные должности и с оптимизмом прогнозируют дальнейшее свое продвижение».

Особую значимость в социально-трудовой сфере приобрели проблемы, которые касаются нарушения прав лиц с семейными обязанностями. Чаще всего они наиболее актуальны для женщин. Именно они испытывают давление со стороны работодателя, начальника при уходе в декрет, когда берут больничный по уходу за ребенком, выбирают время для отпуска, удобное для семьи, а не для работодателя и т.д. Действующий Трудовой кодекс РФ

содержит большое количество норм, защищающих лиц с семейными обязанностями. Многие работодатели стали более лояльными и даже реализуют мероприятия по поддержке семейных сотрудников в рамках политики корпоративной социальной ответственности. Современное положение дел в этой сфере интересовало и профсоюзы и ученых.

Как изменилась ситуация с соблюдением и защитой прав женщин и лиц с семейными обязанностями на Вашем предприятии (организации, учреждении)?

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	Наблюдается улучшение ситуации	23	22
2	Ситуация явно ухудшилась	10	6
3	Изменений не заметно	57	60
4	Меня это не интересует	10	12

Источник: там же

К сожалению, респонденты не отметили особых изменений в области соблюдения и защиты прав женщин и лиц с семейными обязанностями на своих предприятиях. Большинство ответивших на позиции этой анкеты склонялись к тому, что «изменений не заметно». И только пятая часть их увидела некоторое улучшение ситуации.

Комментарии участников фокус-групп:

Ж, 34 года: «Работодатели не любят сотрудников с детьми и с престарелыми родителями, потому что те отпрашиваются пораньше с работы, чтобы забрать ребенка из детского сада или съездить в больницу к больным родителям, часто берут больничный лист. Кому нужны такие работники? Поэтому каких-то улучшений в этой сфере я не наблюдаю. Скорее, наоборот, стало еще хуже».

Ж, 26 лет: «Мне кажется, что сейчас стало значительно хуже, чем было раньше. У начальства под рукой всегда есть юрист, который, опираясь на закон, может уволить, понизить в должности, срезать зарплату или премию и т.д. Женщинам вообще тяжело, беременность – сплошной стресс, ребенок родился – тоже стресс. Все думаешь, то ли с ребенком три года посидеть, то ли на работу вернуться, иначе уволят...».

М, 32 года: «Я думаю, что если и есть какие-то изменения, то они мужчин особо не касаются, потому что в основном семейные обязанности ложатся на плечи женщин, а наша функция – деньги зарабатывать. Так что нам не приходится смешивать работу и семейные обязанности».

М, 29 лет: «Насколько я знаю, сейчас муж тоже может взять отпуск по уходу за ребенком. Это явно улучшает ситуацию, так как для многих семей – это представляет возможность мужчине и работу не потерять, и в то же время зарабатывать деньги, сидя дома с ребенком»

Данные проведенного исследования показывают, что гендерное неравенство достаточно ярко проявляется в трудовой сфере, касаясь таких ее элементов, как отдельные профессии и виды работ, оплата труда, карьерный и профессиональный рост, других.

Гендерное равенство – престижная цель общественно-политического развития современных демократических государств. От ее достижения выигрывают сферы экономики и культуры, а также общество в целом. Такую возможность в современной России участвовавшие в исследовании ФНПР респонденты оценивают следующим образом.

Как Вы считаете, возможно ли вообще достижение гендерного равенства между женщинами и мужчинами в России?

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	Оно уже есть	13	26
2	Возможно, и скоро	29	24
3	Не при нашей жизни	35	26
4	Невозможно	8	7
5	В этом нет смысла	4	7
6	Никогда об этом не думал(а)	11	10

Источник: там же

Как ни странно, достаточно большое количество участников опроса продемонстрировали радикально противоположные мнения – от «не при нашей жизни» до «оно уже есть».

Участники фокус-групп дали следующие комментарии:

Ж, 36 лет: «Сколько бы ни говорили о демократии в нашей стране, реально ее нет, у мужчин больше прав, больше возможностей, больше перспектив и т.д. Конечно, многое меняется, и может быть наши дети или внуки будут жить в более демократичном государстве, чем мы».

Ж, 22 года: «Я думаю, что социальное равенство если пока и не существует, то практически приблизилось. Мы равны с мужчинами в возможностях реализовывать свои планы и строить свою жизнь так, как хотим. Если у кого-то такое не получается, то виноват в этом не пол, а умственные или

финансовые возможности, помощь родителей или ее отсутствие, амбиции, честолюбие, лень или упорство...».

М, 41 год: «А в чем мы не равны? Хочет женщина иметь бизнес – пожалуйста, хочет быть депутатом – пожалуйста. Она вполне в состоянии занимать то же положение, что и мужчина. Только не все могут или хотят. Именно поэтому успешных мужчин в бизнесе или во власти гораздо больше, чем женщин».

М, 38 лет: «Во многом у женщины гораздо больше прав, чем у мужчины. И наши успехи в предпринимательстве, которым женщины может быть завидуют, компенсируются тем, что мы служим в армии, работаем на вредных и опасных работах, да и живем мы меньше, чем они. Еще вопрос, кто кому должен завидовать, и где оно, это неравенство».

Кто, на Ваш взгляд, больше выиграет, если общество достигнет социального равенства женщин и мужчин?

(Выберите не более трех вариантов)

№	Оценочные позиции	Пол	
		Жен.	Муж.
1	Общество в целом	29	29
2	Государство	14	12
3	Семья	20	20
4	Мужчины	6	5
5	Женщины	11	13
6	Дети	11	12
7	Бизнес	3	2
8	Никто не выиграет	6	7

Источник: там же

Респонденты единодушно отдали приоритет двум позициям: «общество в целом» и «семья».

Комментарии участников фокус-групп:

Ж, 30 лет: «Наверное, в обществе, где все равны, меньше преступности, меньше нестабильности, нет ненужной конкуренции и соревновательности между мужчинами и женщинами, в целом, поспокойнее. Не спроста же практически все страны, даже мусульманские, пересматривают свои законы и традиции в направлении социального равенства».

Ж, 29 лет: «Семья безусловно выиграет, так как не будет глупых шуток, анекдотов, разговоров на тему того, где чье место и что «все бабы – дуры». Женщина сможет больше отдыхать и станет менее сварливой. Мужчина будет более справедливо относиться к своей жене, даже если она домохозяйка. Дети получают нормальный пример разумных семейных отношений».

М, 51 год: «Общество будет состоять из очень неконфликтных членов. Любое равенство – это, наверное, неплохо».

М, 32 года: «Мне кажется, что если будет достигнуто гендерное равенство, то у каждого члена семьи пропадет психологический гнет на тему своего места, своих обязанностей по отношению к членам семьи и т.д. В такой ситуации семейная жизнь, на мой взгляд, будет более спокойной, ровной».

Для достижения реального гендерного равенства в России необходимо, по мнению участников опроса, совершенствовать законодательную базу, а также последовательно проводить государственную политику, направленную на реальное его достижение, а также формировать общественное мнение в защиту социального равенства. Важную роль в решении этого вопроса респонденты отводят и профсоюзным организациям.

Приведенные в данной статье результаты исследования показывают, что, несмотря на демократические перемены, происходящие практически во всех сферах жизнедеятельности россиян, проблема равенства полов в социально-трудовой сфере остается нерешенной до конца.

Список литературы:

1. Мысляева И.Н. Создание женских комиссий в профсоюзах: первый российский опыт // Трудовая демократия. Вып.38. – М., 2011.
2. А также:
3. Ricardo Hausmann, Laura D. Tyson, Saadia Zahidi. The Global Gender Gap Report 2012. World Economic Forum, 2012.
4. Smith, James P., and Michael Ward. 2009. «Women in the Labor Market and in the Family». Journal of Economic Perspectives 3 (1).
5. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выразить свои интересы / пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2011.
6. Женщины и мужчины России. 2010 г. / стат.сб. – М. : Росстат, 2010.
7. Пашко Т.Ю. Гендерный аудит как метод анализа социально-экономических отношений на предприятии // Труд и социальные отношения. – М., 2009. – № 7(61).
8. Сакевич В. Есть ли в мире страны, преодолевшие гендерное неравенство? – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/reprod01.php>

Ивакин Г.А.

доцент кафедры истории российской государственности Факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Стратегия и тактика черносотенных союзов и организаций на выборах в III государственную думу.

Участие черносотенцев в избирательных кампаниях и работе парламентских учреждений Российской империи стало проверкой на реалистичность их идеологических принципов и в целом, консервативной доктрины власти. При этом, необходимо иметь ввиду, что политический конфликт в России начала XX века принял острые и деструктивные формы во многом из-за того образа мыслей, который был продиктован религиозно-политическим мифом о традиционной для России самодержавной власти. Этот миф подталкивал власть и черносотенные организации к политике, направленной на восстановление погрязших самодержавных полномочий и отказу от компромиссов. Кратковременная деятельность первой и второй Государственной думы со всей очевидностью показала глубину раскола в российском обществе. В период подготовки к выборам в третью Государственную думу правомонархисты попытались вновь обратиться к императору с целью изменения роли и статуса Государственной думы в системе органов государственной власти Российской империи.

В 1912 г. видный правомонархист, почетный член Русского монархического союза, член Русского собрания К.Н. Пасхалов преподнес при личной встрече императору Николаю II брошюру, в которой излагались взгляды самого К.Н. Пасхалова на Государственную думу и Государственный Совет¹. На этот шаг К.Н. Пасхалова подвигло то, что по его мнению, «с думской трибуны поносятся повеления Царя как незаконные, и это остается без протеста с председательского кресла»². Согласно замыслу К.Н. Пасхалова, законосовещательный орган, (сам К.Н. Пасхалов называл его Государственным учреждением), должен был выглядеть следующим образом: народные избранники должны были являться представителями русской светской и духовной общественности³.

Так, К.Н. Пасхалов писал: «Действующее положение о Думе, может быть, было бы пригодно, если бы в избранники попали действительно лучшие,

1. Стогова Д. Предисловие // Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 15.

2. Пасхалов К.Н. Усовершенствованный способ решения государственных вопросов // Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 236.

3. Стогова Д. Предисловие // Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 15.

доверием народа обремененные, люди. Но ведь этого нет и быть никогда не может. Надо помнить, что выборы по большей части являются результатом интриги, подкупов, обмана, стремления к удовлетворению личных интересов, честолюбия, корыстолюбия, и только в исключительных случаях выдвигают действительно лучшего из выбирающей среды»¹. При этом, К.Н. Пасхалов утверждал, что «для того, чтобы выборы достойнейшего были сознательны, необходимо, чтобы они производились от той или другой постоянной коллегии, в которой все участвующие были бы известны друг другу по их деловой и нравственной ценности»².

Крайне интересно, что по мысли этого видного черносотенца, депутаты Государственной думы не должны были содержаться за счет государства, а могли лишь денежные средства от тех общественных групп, которые их избрали. Отменял К.Н. Пасхалов и иные привилегии депутатского корпуса, например, депутатскую неприкосновенность.

Правительство делало все возможное, чтобы обеспечить «удобный» состав депутатского корпуса еще на этапе избирательной кампании. При этом в условиях нарастания революционных настроений в стране в 1910-1912 гг., не бездействовали радикальные политические силы. Так, в это время были разработаны большевистской партией программные установки в отношении религии и церкви в трудах В.И. Ленина. «Не должно быть никакой «господствующей» веры или церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом. Священникам разных вер могут давать содержание теми, которые принадлежат к их верам, а государство из казенных денег не должно поддерживать ни одной веры, не должно давать содержание никаким священникам, ни православным, ни раскольничьим, ни сектантским, никаким другим». Программные установки большевиков находили живой отклик в народе³.

Крестьяне вначале возлагали определенную надежду на Государственную думу, как на орган специально созданный «батюшкой – царем» для решения их проблем. К выборам в III Государственную думу ситуация кардинально изменилась: «Отовсюду идут известия, что настроение у крестьян упало, что интерес к выборам почти исчез... Выборы прошли незаметно, а многие даже не знали о них..., а долго мы еще будем в эти Думы выбирать?»⁴.

Губернаторы предлагали «усилить предвыборную агитацию, разъясняющую значение правительственных реформ и избобличающую обманные обещания левых партий»⁵.

1. Пасхалов К.Н. Усовершенствованный способ решения государственных вопросов // Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 234-235.

2. Пасхалов К.Н. Итоги реформы государственной власти 1905 – 1909 гг. // Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 502.

3. Русское Православие. Вехи истории / Под ред. А.И. Клибанова. М., 1989. С. 435–436.

4. Старый Владимирец, 25 сентября 1907 г.

5. ГАРФ. Ф.102. Д.828. Ч. 13. Л. 3.

Черносотенные организации сразу же приступили к планированию проведения избирательной агитации.

В своем воззвании Союз Русского Народа обращался к русскому народу: «... Не проси своего счастья, Русский народ, не дай себя снова одурачить инородцам и «благодетелям» - крамольникам, которые на словах тебе золотые горы сулят. ... Сплачивайтесь, Русские люди... Встанем все как один человек, на защиту Царя и Родины нашей от крамолы! ... За Богом правда, а за Царем служба не пропадают ... Довольно смуты, разбоя, и грабежей! ... Возьмемся за труд, поддержим закон и порядок! ... Да здравствует Царь и да расточатся враги его!»¹.

Предвыборная риторика черносотенцев вновь базировалась на тех же старозаветных лозунгах первых двух кампаний. Положительно было то, что призывы были более настойчивыми. Ведь именно правомонархисты добивались дискредитации первых Дум, основным лейтмотивом был несовершенный избирательный закон, изменениями в котором крайне правые партии до конца не были довольны.

Необходимо было действовать более активно, привлекая на свою сторону все большее количество народных масс, чтобы занять как можно больше мест в нижней палате.

В связи с этим активно прорабатывались вопросы, связанные с тактикой движения во время проведения кампании. Черносотенные организации, как и в первые кампании, объединились «... для деловой разработки и обсуждения законодательных предположений и делового надзора за действиями исполнительной власти...»², организовав единый фронт кампании, признавая «... своим долгом содействовать выбору в (III – Г.И.) Государственную думу благонадежных русских людей, искренне преданных св. православной вере и самодержавной царской власти...»³.

Прорабатывались, как и в предыдущих двух кампаниях, различные политические союзные отношения и коалиции. На основе анализа материалов фонда 116 ГАРФ можно сделать вывод о том, что с самого начала Союз Русского Народа положительно рассматривал возможность идти блоком на выборы с Русским собранием, «не только выработать соглашения, но и утвердить их скрепив их своими подписями...»⁴.

В рядах движения правоконсерваторов были и те, кто осуждал новый избирательный закон. Так, Кишиневский отдел Союза Русского Народа констатировал: «Тенденциозность закона, сквозящая в каждой строчке, желание выдвинуть и поставить в привилегированное положение имущие классы, вопиющее неравенство в распределении выборщиков, широкая возможность

1. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д.2. Л. 1.

2. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

3. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

4. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 37. Л. 19-21.

искусственного подбора и давления на выборах, все это вместе взятое роняет смысл народного представительства...»¹.

Как верно, на наш взгляд, замечает исследователь С.А. Степанов в своем труде «Черная сотня. Что они сделали для величия России», в постановлении проявился совершенно не характерный для крайне правых демократический взгляд и состав организаций. В дальнейшем разница между интересами руководителей Союза Русского Народа и рядовой массы проявлялась более отчетливо².

Из доклада члена Киевского отдела В.М. Ломакина в Главный Совет Союза Русского Народа об отношениях монархических партий с партиями «17 октября» и «Правовой порядок» следует, что этот отдел отказывался от совместных действий с октябристами: «... Решено выборную кампанию вести самостоятельно, не входя в блок ни с какими партиями, стремящимися ограничить Царскую Власть...»³.

В.М. Ломакин видел не просто тактически неверный шаг, но и идеологическую угрозу совместного ведения избирательной кампании консерваторов в блоке с конституционно-демократическими силами, «...которые стремятся пролезть в члены Совета и Союза Русского народа с целью, если не разрушить отдел могущественной организации; то настолько членов его напичкать конституционными взглядами, чтобы он был в руках их слепым орудием...»⁴. Он призывал усилить «контрольное наблюдение за Советами в исполнении устава и распоряжений Главного Совета»⁵.

При этом на региональном уровне в период проведения избирательной кампании в III Государственную думу ситуация выглядела довольно печально. Из доклада председателя Вятской народно-монархической партии видна следующая картина: «Земские деятели ...дошли до того, что в губернской управе позволили митинги и сняли икону и портрет Государя Императора... Средств нет, есть долг..., нуждаемся в местном органе и ораторах и организаторах...»⁶; Ялтинский отдел Союза Русского Народа сообщал: «... Выборным деломпроизводством опять ведает тоже революционная городская управа, и полный подтасовки и фальсификации с бюллетенями не избежать..., правые будут затерты... Губернаторы и все гражданские власти сочувствуют кадетам... - тоже выходит сильная баррикада...»⁷.

Не только черносотенные организации, но и их отдельные члены, анализируя ситуацию, обращались к руководству отделов и съездов представителей Союза Русского Народа с предложениями, как наиболее эффективнее организовать избирательную капанию. Так, протоиерей Федор Васютинский – «черносотенный

1. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013. С. 269.

2. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013. С. 269-270.

3. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 184. Л. 20 об.

4. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 184. Л. 21 об.

5. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 184. Л. 22.

6. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 7. Л. 12 -12 об.

7. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 7. Л. 2об -3.

представитель», писал, что необходимо «...составить список книг, брошюр и газет патриотического характера..., предоставить отделам и подотделам право перепечатывать из газет и других изданий..., какие будут признаны для дела полезными...»¹.

Слабая подготовка ораторов и самодеятельные выступления многих из них на общих собраниях отделов и съездах вызывали недоумение со стороны преданных правомонархизму людей, отмечалась слабая организационная подготовка. В документах этого периода часто звучали высказывания подобные следующему: «...Программа ...собрания заблаговременно не была объявлена, поэтому председатель говорил, о чем сам хотел...»².

Все это характеризует Союз Русского Народа того периода как идеологически неоднородное движение. В движении отсутствовала партийная дисциплина, присутствовало идейное вольнодумство в отношении трактовок основополагающих постулатов движения. Подобная разношерстная деятельность партийных ячеек движения в разных уголках Империи формировала неблагоприятное впечатление у избирателя. «... Некоторые из крестьян непочтительно относятся к Союзу русского народа...»³, - сообщалось в секретном донесении начальника Киевского жандармского управления.

Все это на фоне принятия объединенной программы Союза Русских Людей и Монархической партии на 1907-1908 гг., в основных положениях которой, в частности, указывалось на необходимость принимать «...самое деятельное участие в избирательной борьбе...», и отводилось «...выдающееся значение существованию или не существованию Государственной думы..., вопросам партийности... и партийной дисциплине...»⁴.

В программе Союза Русских Людей и Монархической партии совсем исчезает религиозная составляющая, в ряде документов упоминания православия отсутствуют, хотя присутствуют другие элементы уваровской триады. Происходит своеобразная секуляризация программных установок: «Монархическая партия и Союз Русских людей признают оба начала и их неразрывность: Царского Самодержавия и Русской Народности, но Монархическая партия ставит своим исходным положением, что для существования Русской Народности необходима сильная и твердая Верховная власть, Союз же Русских людей полагает, что для того чтобы Верховная власть была бы сильна и тверда необходимо мощное развитие Русской Народности...»⁵.

Теперь программные установки приобрели более прагматический характер:

1. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 7. Л. 14-14 об.
2. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.
3. ГАРФ. Ф.102. Оп. 1911. Д. 244.. Л. 34 об.
4. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 39.. Л. 1.
5. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 39.. Л. 2.

«... Союз Русских людей должен иметь в виду, не столько решение самих вопросов современной жизни, сколько указание способов их разрешения...»¹. Также предполагалась более конструктивная деятельность с правительством и парламентским учреждением, демократизация бюрократических учреждений: «...Правительство должно быть Русским, Народным, а Дума должна быть выбрана из людей, имеющих ввиду действительно государственную пользу...»².

Избирательная программа же объединившейся партии - Русское собрание, Союза Русского Народа и их единомышленников по-прежнему в избирательной риторике использовала идеологические клише: «выбирайте в новую Думу истинно Русских людей, верующих в Бога, преданных Царю нашему и Святой Руси...»³, но включала в себя более широкий спектр вопросов, которыми правомонархисты должны были руководствоваться в законодательной деятельности⁴.

Помимо разногласий по методам ведения избирательной кампании, создания политических блоков и других организационных вопросов, так и не получивших централизованного решения, сохранились и противопоставление движения правительству и царской бюрократии в целом. Старая схема продолжала активно применяться в предвыборной риторике, на страницах периодических и книжных изданий правомонархистов.

В частности, отмечалось: «... В действиях нашего правительства замечается новое... Правительство бесстрашно накладывает на нас (правых - Г.И.) свою всеокрушающую длань, которую боится наложить на революционеров... (Мы правые - Г.И.) сделали то, что правительство никогда не могло сделать, несмотря на все свои арсеналы, - образовать могущественную партию, имеющую одну цель - возродить Россию...», «...наша сила это - вера в Бога, вера в исконные русские начала, надежда на милосердие Божие, сила безграничной преданности идее Самодержавного Царя, сила любви и преданности народу русскому...», «... бюрократия... отлично понимает, что старый порядок уже не вернется, но и не тужит об этом. Она понимает, что при конституционном строе (будь то монархический или республиканский его вид), она получит еще большие права, большую силу, чем раньше, и потому не боится ни конституции, ни революции...»⁵.

Следует отметить, что правомонархистами нередко предпринимались попытки «... объединения правой русской печати на пространстве всей России... как могучего орудия при укреплении в жизни нашего Отечества национальных, созидательных начал...», образования «...союзного денежного

1. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 39.. Л. 2.

2. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 39.. Л. 4 об.

3. ГАРФ. Ф.102. Оп. 1907. Д. 219. Л. 66.

4. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 - 8 об.

5. ГАРФ. Ф.102. Оп. 1910. Д. 48 ч. 2. Л. 138-140.

фонда взаимопомощи..., учреждения центральных пунктов для торговли газетами и изданиями правой русской печати...»¹.

В целом, программа черносотенцев включала более 10 наиболее важных направлений, требующих законодательного оформления с учетом развития политических свобод в обществе и государстве. Это говорит, прежде всего, о том, что движение очень чутко реагировало на настроения людей, используя их исключительно в своих электоральных интересах, и параллельно эксплуатировало имеющийся в обществе запрос на социальную справедливость и восстановление законности.

Тем не менее, избирательная кампания не привела к феноменальному успеху, на который рассчитывали монархисты и императорская власть.

Общеизвестно, что партийный состав III Государственной думы оказался следующим – 51 правый, 26 националистов, 70 умеренно-правых, 154 Союз 17 октября, 7 Польско-литовская группа, 11 Польское коло, 8 Мусульманская фракция, 28 прогрессисты, 54 Народной свободы, 14 трудовая группа, 19 социал-демократическая партия. Как мы видим, бесспорными лидерами были октябристы.

Монархия пыталась использовать свои символические ресурсы, религию, риторику и искусство, чтобы присвоить себе понятие «народ» и объявить этот термин неприложимым к образованным классам и профессиональным работникам, которые могли образовать гражданское общество². Активное участие черносотенцев в избирательных кампаниях в Думу было направлено на получение большинства мест в парламенте, но черносотенное движение уже вступило в период раскола, что не позволило черносотенцам выступить единым политическим фронтом. Как представляется, именно в этом заключается специфика участия правомонархических организаций в политической жизни России начала XX века. Первоначальная неопределенность в отношении к народному представительству и последующая разделенность привели к невозможности полноценной консолидации всех правых сил, и как следствие – к упущению возможности их полномасштабного представительства в стенах Государственной Думы.

1. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 об. - 3.

2. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. С.707.

Список литературы:

1. ГАРФ. Ф.102. Д.828. Ч. 13. Л. 3.
2. ГАРФ. Ф.102. Оп. 1907. Д. 219. Л. 66.
3. ГАРФ. Ф.102. Оп. 1910. Д. 48 ч. 2. Л. 138-140.
4. ГАРФ. Ф.102. Оп. 1911. Д. 244.. Л. 34 об.
5. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 184. Л. 20 об.
6. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 184. Л. 21 об.
7. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 184. Л. 22.
8. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 37. Л. 19-21.
9. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
10. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
11. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 об. - 3.
12. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.
13. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 7. Л. 12 -12 об.
14. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 7. Л. 14-14 об.
15. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 7. Л. 2об -3.
16. ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 - 8 об.
17. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 39.. Л. 1.
18. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 39.. Л. 2.
19. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 39.. Л. 2.
20. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 39.. Л. 4 об.
21. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д.2. Л. 1.
22. Пасхалов К.Н. Итоги реформы государственной власти 1905 – 1909 гг. // Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: «Алгоритм», 2008
23. Пасхалов К.Н. Усовершенствованный способ решения государственных вопросов // Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: «Алгоритм», 2008.
24. Русское Православие. Вехи истории / Под.ред. А.И. Клибанова. М., 1989.
25. Старый Владимирец, 25 сентября 1907 г.
26. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013.
27. Стогова Д. Предисловие // Пасхалов К.Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: «Алгоритм», 2008.
28. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004.

Ткаченко Е.Н.

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.*

Профессиональная культура специалиста: определение, структура, факторы формирования

Понятие «профессиональной культуры» было введено в научный оборот В.Г.Подмарковым и получило широкое распространение, прежде всего, в отечественной педагогике в 80-х годах прошлого столетия. Советскими учеными профессиональная культура рассматривалась как базовая, системообразующая основа становления будущего специалиста. Значение профессиональной культуры в непосредственной трудовой деятельности индивида не уменьшается и в современных условиях ведения бизнеса.

В научной литературе встречается целый ряд определений понятия «профессиональная культура». Так, например, И.Модель определяет профессиональную культуру как категорию, «характеризующую степень овладения профессиональной группой, ее представителями специфическим видом трудовой деятельности в любой сфере общественного производства. В этом своем качестве профессиональная культура служит мерой и способом формирования и реализации социальных сил субъекта деятельности»¹.

В своем диссертационном исследовании Батурой П. выделены конкретные элементы профессиональной культуры, такие как общее образование, специальные знания, умения, навыки, производственный опыт, способ профессиональной деятельности, отношения работника к труду, деловитость, инициативность, дисциплина труда, культура речи, общения, поведения, чувства долга, чести, правдивости и личностные качества работника (пунктуальность, аккуратность, опрятность, организованность и т.д.)².

По нашему мнению, основными элементами профессиональной культуры специалиста можно считать такие ее структурные элементы, как:

- профессиональная грамотность;
- сформированности профессиональной лексики и умение пользоваться ею;
- профессиональная этика;
- профессиональный этикет;
- сформированность норм профессионального поведения и их соблюдение.

Рассмотрим данные элементы более подробно.

- Профессиональная грамотность – это показатель высокого уровня образования и воспитания гражданина. Для специалиста, работника соответствующей отрасли

1. Модель И. Профессиональная культура политика (методологические проблемы)// автореф. дис. ...д-ра полит. н. – Екатеринбург: Рос.акад.наук, Уральск. отделение, Ин-т философии и права, 1994. С.10.

2. Батура П. Профессиональная культура молодежи села: проблемы и перспективы// автореф. дис. ...к.филос. н. – Минск: Белорус.гос.ун-т., 1990. С.11.

профессиональная устная и письменная грамотность – это умение пользоваться специальными терминами и профессионализмами в своей работе, говорить и писать правильно с точки зрения орфографии, синтаксиса и построения предложений и т.д. Очень часто в повседневной жизни мы слышим хорошо известные слова, произносимые с неправильным ударением, но если для неспециалиста это прощительно (условно), то для человека, находящегося на рабочем месте, это недопустимо. Поэтому, элементом профессиональной культуры, который очень наглядно проявляется в речи, можно считать правильное произношение профессиональных слов, например:

- договОр - а не дОговор;
- договОры – а не договорА;
- каталОг - а не катАлог;
- срЕдства (основные, финансовые и пр.) – а не средствА;
- и т.д.

Деловая письменная грамотность, по нашему мнению, предполагает, в первую очередь, умение составлять деловую письменную документацию, писать письма, отчеты, предложения, презентации и т.д., вести деловую переписку по электронной почте и т.д.

- Профессиональная лексика. **Лексика** – это словарный состав языка, какого-либо его стиля, сферы, соответственно, профессиональная лексика – это набор специальных узко употребительных слов, характерных для профессиональной деятельности и соответствующего профессионального сообщества. Понятие «деловая лексика» относится к двум категориям слов: **термины и профессионализмы**. **Термин** - слово или устойчивое словосочетание, которому приписано определённое понятие, употребляемое в науке, технике, искусстве и других областях специальной деятельности. Употребление терминов в строго фиксированном значении обеспечивает однозначность понимания текста, что очень важно в деловом общении.

При употреблении терминов в деловой документации необходимо следить за тем, чтобы термин был понятен как автору, так и адресату. Например, даже такие термины, как «договор», «контракт», «соглашение», которые можно отнести к полным синонимам, различаются практикой своего употребления: в трудовом законодательстве речь идет о трудовом договоре (контракте); в гражданском законодательстве двусторонние и многосторонние сделки называются договорами; во внешнеторговых сделках уместно употреблять термин «контракт»; а договорённости в ряде областей фиксируются в соглашениях («тарифное соглашение», «соглашение о научно-техническом сотрудничестве» и др.). А если говорить о более сложных терминах, то для обычных граждан их значение, либо весьма туманно, либо вовсе неизвестно.

В связи с этим, профессиональная культура специалиста формируется на основе знаний и умений использовать в своей повседневной работе профессиональные

слова, а также уметь объяснить их значение клиентам, потребителям, а по возможности заменить на более понятные.

- Профессиональная этика. Этика (от греч. *ethos* – обычай, нрав) – учение о морали, нравственности. «Этика» в обобщенном понимании – это наука, раздел философии, изучающий мораль как форму общественного сознания, социальный институт, регулирующий поведение человека¹. Профессиональная этика рассматривается как комплекс поведенческих норм, обеспечивающий нравственный характер тех взаимоотношений между людьми, которые возникают в процессе их профессиональной деятельности.

Н.Г.Денисова отмечает: «В XX веке понятие «деловая этика» напрямую связывается с развитием социологии управления. Изменение объективных условий, характерные для XX века, внесли новые направления, взгляды и научные концепции, изучающие закономерности и сущность субъект-объектных отношений сквозь призму мотивации участников процесса производственной деятельности»².

И далее утверждает: «Рассматривая влияние деловой этики на механизмы управления необходимо отметить, что в настоящее время понятие «деловая этика» в традиционном, чисто этическом понимании очень близко понятию «деловая культура». Понимая «деловую культуру» как деловое взаимодействие социальных субъектов, построенное на основе общих ценностей и правил поведения, разделяемых всеми участниками взаимодействия, а «деловую этику» – как совокупность устойчивых для данной организации ценностей и норм, регулирующих поведение ее членов, можно утверждать, что корпоративная деловая этика является инструментом управления, в т.ч. и корпоративной культурой и поддержания ее ценностей, принципов и традиций»³.

В настоящее время нормы деловой (профессиональной) этики существуют практически у каждого профессионального сообщества как за рубежом, так и в России, и закреплены в соответствующих Кодексах и прочих аналогичных документах.

- Профессиональный этикет. Особое место в системе профессиональной культуры занимает профессиональный (или деловой) этикет.

Этикет - совокупность норм и правил, отражающих представления о должном поведении и формализующих процесс коммуникации людей в обществе. Этикет - часть социального уровня культуры. Поскольку неотторжимой частью культуры является система цензур и запретов, то можно сказать, что этикет на обыденном уровне является отражением общего ее состояния. Этикет возможен тогда, когда существуют два партнера различного коммуникативного статуса, например, разного возраста или пола.

1. Кибанов А.Я., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Этика деловых отношений. М., 2004. С.8.

2. Денисова Н.Г. Деловая этика в системе социального управления высшим учебным заведением// Дисс. ... к.социол.н. М., 2007. С.30

3. Денисова Н.Г. Деловая этика в системе социального управления высшим учебным заведением// Дисс. ... к.социол.н. М., 2007. С.39-40.

Владение правилами делового этикета в современном бизнес-сообществе - не пережиток прошлого, а обязательное требование. От того, насколько специалист умеет быть своим в любой, даже самой нестандартной ситуации, зависит качество и количество его деловых контактов, а значит и результат всей бизнес-деятельности. При этом бизнес-среда постоянно усложняется, обрстая специфическими для каждого вида деятельности ритуалами и нормами, поэтому важно уметь адекватно применять собственные знания.

В настоящее время соблюдение делового этикета: является обязательным для любой уважающей себя компании, особенно если она имеет дело с солидными партнерами и клиентами, ожидающими соответствующего отношения; дает ресурс благоприятного имиджа при переговорах даже для компании, которая только выходит на стадию крупных сделок и серьезных переговоров; обеспечивает лояльное отношение влиятельных людей и компаний.

Деловому протоколу и бизнес-этикету необходимо учиться, потому что, во-первых, грамотное проведение протокольных событий и соблюдение норм этикета создает более высокий имидж компании и формирует благоприятную среду для успешных переговоров на высоком уровне; во-вторых, владение деловым этикетом защищает от непредвиденных ситуаций и неловкого положения на переговорах; в-третьих, дает возможности для вежливого манипулирования и повышения эффективности переговоров и встреч.

- Профессиональное поведение. Высокий профессионализм – это не только знания, умения и навыки, но и соответствующее поведение в отношении своих коллег, партнеров и конкурентов, клиентов, представителей власти, СМИ и т.д. Корректность, дипломатичность, компетентность и соответствие профессиональным нормам в поведении является обязанностью каждого работника.

Практически у каждого профессионального сообщества есть нормы и стандарты профессионального поведения, которые являются не обязательными, а рекомендательными, но, тем не менее, отражают тот уровень профессионализма, к которому в своей деятельности должны стремиться участники данного профессионального сообщества. Как и нормы этики и этикета, нормы профессионального поведения находят отражение в различных Кодексах, сводах правил и других документах.

Кроме международных кодексов нормы профессионального поведения могут быть закреплены в некоторых корпоративных документах, отражая соответствующие стандарты поведения сотрудников во внутреннем пространстве компании. Как отмечает Н.Г.Денисова: «Показателями корпоративного поведения на внутреннем уровне считаются следующие:

1. профессиональные компетенции – знание предметной области, современных технологий, основ этики и психологии, самостоятельность, готовность брать ответственность на себя, умение просчитывать последствия принимаемых решений, умение выявлять запросы студентов и создавать комфорт во взаимоотношениях,

поддерживать имидж вуза, владение навыками презентаций и т.д.

2. деловые качества – энергичность, настойчивость, целеустремленность, пунктуальность, дисциплинированность, предприимчивость, ответственность, коммуникативность и т.д.

3. организационная культура – знание законов и норма общения, эффективное деловое общение, культура ведения переговоров, опыт построения эффективных коммуникаций и разрешения конфликтов, знание основ делопроизводства, умение управлять временем;

4. соблюдение этики корпоративного поведения – знанием миссии и ценностей вуза, преданность, доброжелательность, отзывчивость, внимательность, способность воспринимать критику, честность, справедливость и т.д.

5. выполнение в полном объеме функциональных обязанностей, предусмотренных должностной инструкцией»¹.

Указанный перечень не является исчерпывающим. Отдельные профессиональные сферы могут обуславливать и иные требования к профессиональной культуре специалистов, занятых в ней. Это и актуальная в современном коммуникационном пространстве информационная (компьютерная, интернет-) культура, и требования дресс-кода, и визуальный имидж, телефонный этикет и т.д.

Как отмечает Амхадов В., «Безусловно, культура специалиста складывается в единстве и взаимодействии всех составляющих, их разделение возможно только условно. Степень сформированности составляющих профессиональной культуры может не совпадать: например, хороший специалист с искажением нравственной личностной основы или порядочный человек, но посредственный специалист. И тот, и другой варианты – явление негативное в профессиональной деятельности.

Помимо этого, типология профессиональной культуры специалиста в значительной степени определяется и самой профессией. Если для врача, преподавателя нравственный аспект является ее основой, а не только элементом духовной культуры, то для строителя, инженера он расширяет возможности реализации специальных качеств»².

Как отмечают в своей работе Ананченкова П. и Лазаренко С., «Формирование и закрепление норм профессиональной культуры студентами происходит под влиянием различных социальных институтов, среди которых мы выделяем: высшие учебные заведения, профессиональное сообщество, семья, молодежные организации, средства массовой коммуникации. По нашему мнению, главное значение в этом перечне институтов влияния имеет система формального образования – высшие учебные заведения, основная задача которых – подготовка

1. Денисова Н.Г. Деловая этика в системе социального управления высшим учебным заведением// Дисс. ... к.социол.н. М., 2007. С.62-63.

2. Амхадов В. Воспитать специалистов профессионально-культурными// Аккредитация в образовании. Режим доступа: http://www.akvobr.ru/vospitat_specialistov_kulturnymi.html

специалистов высшей квалификации для нужд народного хозяйства страны.

Факторами формирования профессиональной культуры выступают государственная политика в области образования, социальная практика, общий уровень культуры населения и профессионального сообщества, в частности. Особое значение здесь приобретают факторы профессиональной квалификации профессорско-преподавательского состава и особенности образовательной системы вуза»¹.

Подводя итог, отметим, что профессиональная культура специалиста – это не сумма профессиональных знаний, умений, компетенций, а часть его общекультурного уровня, воплощенного в профессиональной деятельности, что позволяет не только выполнять должностные функции на высоком профессиональном уровне, но и выстраивать эффективные взаимоотношения с коллегами, обеспечивать устойчивое саморазвитие, карьерный рост и успешность всей профессиональной деятельности.

Литература:

1. Амхадов В. Воспитать специалистов профессионально-культурными// Аккредитация в образовании. Режим доступа: http://www.akvobr.ru/vospitat_specialistov_kulturnymi.html
2. Ананченкова П., Лазаренко С. Формирование профессиональной культуры специалистов экономических и управленческих специальностей и направлений// Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики и управления в социальной сфере» - М.: ИД АТИСО, 2013.
3. Батура П. Профессиональная культура молодежи села: проблемы и перспективы// автореф. дис. ...к.филос. н. – Минск: Белорус.гос.ун-т., 1990.
4. Денисова Н.Г. Деловая этика в системе социального управления высшим учебным заведением// Дисс. ... к.социол.н. М., 2007.
5. Кибанов А.Я., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Этика деловых отношений. М., 2004.
6. Модель И. Профессиональная культура политика (методологические проблемы)// автореф. дис. ...д-ра полит. н. – Екатеринбург: Рос.акад.наук, Уральск. отделение, Ин-т философии и права, 1994.

1. Ананченкова П., Лазаренко С. Формирование профессиональной культуры специалистов экономических и управленческих специальностей и направлений// Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики и управления в социальной сфере» - М.: ИД АТИСО, 2013, с.7-13.

Институционализация социального обслуживания пожилых людей на дому.

Значительное увеличение общей численности людей старшего возраста играет существенно важную роль в преобразовании социально-демографической структуры современного общества, постепенно приводит к изменению социальных статусов различных групп населения и осуществляемой модернизации имеющихся взаимоотношений между ними [1]

Все происходящие процессы постепенно осуществляют достаточно активную трансформацию основных параметров потребностей и имеющегося спроса как на рынке товаров для людей пожилого возраста, так и на рынке услуг для данной категории граждан.

Становится достаточно актуальной общая необходимость получения объективной оценки различных аспектов процесса обеспечения жизнедеятельности пенсионеров, их возможной реакции на те или иные преобразования привычной для их пребывания и организации основных жизненных связей среды [2].

Определенные изменения, которые напрямую связаны с достаточно активной модернизацией российского общества, оказывают также весомое влияние на положение и социальное самочувствие людей пожилого возраста [3].

Российская Федерация и в настоящее время имеет достаточно сложную медико-демографическую ситуацию, при этом средняя доля людей пожилого возраста, которые проживают на территории нашего государства по данным на конец 2013 года составляет уровень 21,6% от общего числа населения, что в определенных цифровых параметрах превышает имеющуюся долю населения детского и подросткового возраста.

В настоящее время продолжают оставаться определенные региональные различия в обеспечении уровня и качества жизни пожилых людей. В свете событий последнего времени, из-за достаточно большого притока беженцев со стороны Украины, данная ситуация в муниципальных округах, которые на своей территории размещают граждан сопредельного государства, в том числе и пожилого возраста, может также оставаться недостаточно стабильной [4].

Население Российской Федерации в перспективе до 2020 года по уровню своей демографической структуры будет продолжать оставаться примерно в указанных выше процентных показателях.

Достаточно важной задачей современного общества становится умение научиться жить в определенных условиях, когда общая представленная структура населения по половозрастным особенностям изменилась, когда становится необходимо на федеральном и региональном уровнях согласовывать интересы всех возрастных групп проживающего на территории Российской Федерации населения, когда обеспечение благополучия детей и людей пожилого возраста может потребовать достаточно стабильно высоких затрат ресурсов всех видов (экономические, технологические, технические, образовательные, социальные и другие) [5].

Одно из существенно значимых макроэкономических последствий старения как социально-демографического процесса заключается в постепенном потребовании в осуществляемых социальных услугах, который может оказывать определенное влияние на всестороннее развитие системы социального обслуживания населения в целом, на определение объемов финансирования различных учреждений социального обслуживания в бюджетах субъектов Российской Федерации и бюджетах муниципальных органов власти [6].

Основной спрос на различные жизненноважные социальные услуги в Российской Федерации в настоящее время формируют граждане пожилого возраста.

Институт социального обслуживания в развитом обществе создается на основе развития системы социального обеспечения населения в целом, а также социальной защиты населения применительно к определенным заданным параметрам потребности современного общества в более качественном материальном и хозяйственно — бытовом удовлетворении состояния обеспечения людей пожилого возраста.

Зарождение и поступательное развитие системы социального обслуживания населения пожилого возраста постепенно становится существенно важным элементом развития современного общества в рамках развивающихся экономических отношений, основных глобализационных процессов и социально — экономического положения в современной России.

Развитие институционализации процессов социального обслуживания людей пожилого возраста носит объективный характер.

В историческом контексте становится ясно, что преобладающая стационарная форма социального обслуживания населения пожилого

возраста посредством нахождения указанной категории людей в домах интернатного типа становится все менее актуальной.

Несмотря на имеющиеся положительные качества данной формы, которые заключаются в наличии государственного обеспечения, социально — бытовом устройстве, получаемой на постоянной основе медико — социальной помощи, имеет и достаточно существенные недостатки.

Пожилой человек, который попадает в новые условия для своей дальнейшей жизни, получает достаточно существенный стресс, сопряженный с драматическими его проявлениями.

Для государства процесс обеспечения Российской Федерации новыми домами для людей пожилого возраста интернатного типа представляет собой достаточно существенные экономические вливания при строительстве подобного рода учреждении, амортизационные затраты и достаточно большой расход финансов при осуществлении содержания данных домов [7].

Институт обеспечения содержания пожилых людей в надомном обслуживании постепенно получает все большее развитие. Данная форма существенно снижает затратные технологии при осуществлении процесса обслуживания пожилых людей, которые частично утратили свою способность к осуществлению самообслуживания.

При этом минимизируются стрессогенные риски для самого человека, которые продолжают проживать в привычных для него условиях, получая определенную помощь.

На основании увеличивающейся в период с 2011 по настоящее время потребностью населения пожилого возраста в процессе институционализации социальной защиты, становится наиболее актуальным использование определенного лично — ориентированного подхода к созданию системы учреждений, которые могут позволить на качественном уровне осуществлять уход за пожилыми людьми на дому.

Основной задачей при этом становится общая профилактика обеспечения качественных условий проживания, социальной защиты и медицинского обслуживания, основ социальной реабилитации и постепенной адаптации пожилого человека к новым реалиям жизни.

Особо указанный процесс остро ощущается в ситуации, когда человек пожилого возраста одинок и перенес какое — либо существенно значимое для здоровья заболевание, имеет сочетанные хронические заболевания, нуждается в психологической поддержке [8].

Индивидуализация и гуманизация социального обслуживания пожилых людей представляет собой существенно важное направление развития социального обслуживания граждан пожилого возраста, которого необходимо строго придерживаться, чтобы реализовать тот технологически выверенный подход, в центре которого находится клиент (человек пожилого возраста, который в силу определенных жизненных обстоятельств или состояния своего здоровья не может осуществлять полноценное обслуживание себя самостоятельно).

Социальное обслуживание граждан пожилого возраста в Российской Федерации в настоящее время представлено достаточно многогранно, при помощи различных форм и технологических подходов, по мере возможности при этом учитываются все имеющиеся потребности людей пожилого возраста в различных видах оказываемых для них социальных услуг.

Одновременно с этим не прекращается поиск различных новых подходов к полноценному обеспечению наиболее высокого качества всех составляющих компонентов социального обслуживания, новых форм предоставления услуг для людей пожилого возраста, организации деятельности учреждений социального обслуживания при осуществлении помощи пожилым людям в домашних условиях, вне отрыве от привычной для них среды жизнедеятельности [9].

Органам социальной защиты населения всех субъектов Российской Федерации представлено право на основании имеющейся нормативно - правовой базы по оказанию социальной помощи людям пожилого возраста внедрять новые технологии обеспечения качественной помощи гражданам в домашних условиях.

Благодаря достаточно активной политике муниципальных образований, Министерств и ведомств регионального уровня в области социального обслуживания населения пожилого возраста в домашних условиях как альтернативной площадки домам интернатного типа были созданы определенные основы для наиболее инициативных действий и использования новых социальных технологий, в том числе зарубежного опыта оказания патронажных услуг для граждан пожилого возраста, с целью ускорения всестороннего развития и повышения общей эффективности деятельности учреждений социального обслуживания населения на региональном и федеральном уровнях. Внедрение определенных инноваций при институционализации обеспечения социальной помощи людям пожилого возраста в домашних условиях оправдывается в том случае, если служит достижению конкретных приоритетных целей [10].

В трансформирующемся обществе, когда в центре внимания находится «личность» и определенная технология, которая будет способствовать созданию максимально качественной среды для жизни конкретного человека, представленный инновационный процесс может способствовать достижению существенно значимых для России практических результатов по таким приоритетам, как:

- соблюдение различных прав и обеспечение максимально безопасных условий для жизнедеятельности пожилых людей в домашних условиях;

- снижение риска остаться одиноким в условиях, когда человек не имеет семьи;

- повышение общего качества жизни и сохранение самостоятельности в пожилом возрасте через предоставление полного комплекса представляемых социальных услуг в домашних условиях;

- оказание эффективной поддержки семьям, предоставляющим пожилым людям семейный уход;

- налаживание всестороннего партнерства с различными органами власти, с медицинскими учреждениями, волонтерским движением [11].

Система осуществления разработки и процесса внедрения новых технологий социального обслуживания людей на дому включает в себя следующие основные элементы:

- проведение комплексных исследований и последующего мониторинга по изучению общих имеющихся потребностей пожилых людей в различных социальных услугах;

- изучение представленных на территории субъектов Российской Федерации различных социальных и экономических возможностей действующих в настоящее время учреждений социальной сферы, которые занимаются осуществление предоставления подобного рода услуг;

- разработка новых базовых моделей для осуществления комплексной работы по удовлетворению всех имеющихся потребностей клиентов пожилого возраста в социальном обслуживании в домашних условиях, без изменения привычной для них атмосферы;

- обучение кадров, которые непосредственно осуществляют взаимодействие на уровне оказания социальной помощи, в том числе специалистов по социальной работе, а также руководящих работников сферы социального обслуживания населения;

- осуществление мониторинга с последующей корректировкой базовой «работающей» модели с учетом имеющегося опыта, который был получен в ходе ее применения.

Организация предоставления полного спектра социальных услуг для людей пожилого возраста в домашних условиях может быть разделена на четыре существенно значимых компонента:

-обеспечение комплексной доставки горячей пищи, необходимых для процесса жизнедеятельности лекарств, предметов личной гигиены, продуктов питания;

-выполнение различных видов работы по дому, которое можно описать как обслуживание человека пожилого возраста для обеспечения гигиены жилища и гигиены тела;

-предоставление бытовых услуг различной направленности;

-оказание полного спектра услуг по поддержанию всех имеющихся социальных связей с прежним местом работы человека пожилого возраста, разработка комплекса мероприятий по осуществлению лечебно — профилактической помощи в различных центрах здоровья и в условиях поликлиники, предоставление транспортных услуг, организация досуговых мероприятий [12].

Отдельно хотелось бы выделить психологическую помощь людям пожилого возраста при ситуации фрустрации их внутреннего состояния, при истеро — ипохондрических синдромах, для снижения уровня незащищенности в психологическом плане и рисков депрессионных состояний.

Таким образом, вопрос институционализации современных подходов к обслуживанию населения пожилого возраста в домашних условиях является актуальным, востребованным как со стороны государства, так и со стороны непосредственно лиц пожилого возраста, которые нуждаются в активной помощи и поддержке.

Список литературы:

1. Артамонова О.Ю. Проблемы социального обеспечения людей пожилого возраста в современной России. М.: Крокос, 2013.
2. Баканова А.В. Социальная помощь на дому. СПб.: Питер, 2013.
3. Варевьев И.С. Оказание помощи пожилым людям в домашних условиях: проблемы, перспективы, возможности. М.: Диана – пресс, 2011.
4. Михайлова В.Д. Институализация при организации социальной работы. СПб.: Питер, 2011.
5. Рясов А.А. Обеспечение помощи в пожилом возрасте. Челябинск, «Гранада – пресс», 2013.
6. Смирнова В.Ф. Социальная помощь в современной России. Череповец, «Пирамида», 2014.

Пищик В.И.

Институт управления, бизнеса и права, профессор кафедры психологии и управления персоналом, доктор психологических наук

Кросс-культурные особенности конспиративистской ментальности

В современном мире остаются неразрешенными проблемы психологического влияния и предотвращения последствий воздействия потоков информации на человека. Наибольшей популярностью пользуется проблема веры во всевозможные заговоры. В западных культурах теории заговора (conspiracy theory) сопряжены с темами - нападение на Всемирный Торговый Центр в Нью-Йорке¹, гибель принцессы Дианы, и судьба Усама Бен Ладена², и научные доказательства изменения климата³. В России интерес вызвали у публики следующие проблемы: озоновой дыры, геномной инженерии, клонирования, генномодифицированные продукты, ожидание конца света, американское превосходство и др.^{4,5}. Теория заговора сама по себе является предметом дискуссий как внутри психологии и также в социологии и политологии. Однако одно из главных ограничений текущей работы является то, что она по-прежнему находится в неразработанной форме, с небольшим, но растущим объемом корреляционных, поисковых исследований. По мнению М.В. Хлебникова данная проблематика широко обсуждается на Западе, а в российских исследованиях получила большую представленность исключительно в исторических аспектах⁶.

Сам термин был изначально сформулирован С. Московичи⁷, который определил заговор как то, что объединяет неразрывной тайной связью представителей различных религий, партий или этносов. Объектом такого альянса служат разжигание, переворот в жизни общества, извращения ценностей гражданского общества, обострение кризисов, содействие поражению, и так далее⁸. Традиционно, определение «заговора» отличается от юридического толкования и представляет собой «соглашение между двумя или несколькими лицами

1. Swami V., Coles R., Stieger S., Pietschnig J., Furnham A., Rehim S., et al. Conspiracist ideation in Britain and Austria: evidence of a monological belief system and associations between individual psychological differences and real-world and fictitious conspiracy theories. *Br. J. Psychol.* 102, 2011, pp. 443–463.

2. Wood M., Douglas K.M. & Sutton R.M. (2012). Dead and alive: Belief in contradictory conspiracy theories. *Social Psychological and Personality Science*, 3, 2012, pp. 767–773.

3. Leman P.J. The born conspiracy. *New Scientist*, 2007, 14 July. pp. 35–37.

4. **Хлебников М.В. Теория заговора. Опыт социокультурного исследования. М.: Кучково Поле, 2012.**

5. Энтин Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история № 1. 2000. С. 70–86.

6. Там же.

7. Moscovici S. «The conspiracy mentality», in *Changing Conceptions of Conspiracy*, eds Graumann C. F., Moscovici S., editors. (New York, NY: Springer), 1987, pp.151–169.

8. Там же. С.154.

относительно совершения преступления в какой-то момент в будущем»¹.

Представляется важным понять социально-психологические основания веры в подобные заговоры.

Анализ психологических публикаций показывает, что существуют стабильные индивидуальные различия у людей в склонности верить в теории заговора. При этом если человек верит в одну теорию заговора, то он также будет более склонен верить в другие теории заговора. Это привело некоторых исследователей к предположению, что согласование конкретных теорий заговора, зависит в большей степени от индивидуальных различий с определенной тенденцией к принятию такого убеждения и что есть общая ментальность заговора или конспиративистская ментальность².

Дж. Энтин полагает, что «для людей с таким менталитетом заговор - единственная модель перемен в истории, а теории заговора - единственная форма исторических объяснений»³. Хотя массовая культура и Интернет сыграли значительную роль в последние 20 лет в распространении теории заговора, сама теория имеет истоки в современной цивилизации. В первом веке н.э. римский император Нерон обнаружил заговор Христиан, которые были ответственны за Великий пожар в Риме. Конечно, история изобилует примерами паранояльных проявлений еще со времен написания Библии, средневековой инквизиции, которые можно объяснить не только индивидуальностью личности, но и ментальностью сообщества, к которому она принадлежит.

Мы полагаем, что теория заговора является одной из социально-психологических, когнитивных, объяснительных схем нарушения стабильности жизни общества наряду с другими, выполняющая защитную функцию и функцию поддержания тревоги человека. При этом мы не склонны относить ее к проявлениям какого-нибудь конкретного личностного профиля, в большей степени считаем, что это ситуативное явление, подкрепляемое культурными установками. Доказательство этого положения и стало задачей нашей статьи.

Вера в заговоры, которая устойчива к доказательствам противного, имела место по утверждению Т. Goertzel для того, чтобы продемонстрировать идею о «монологической системе убеждений»⁴. Это позволяет верующим использовать более легкий способ для объяснения новых сложных явлений, которые могут представлять угрозу для существующих систем верований. Это говорит о том, что одна конспиративистская идея служит доказательством для других форм заговора, что нашло свое подтверждение в исследовании, где респондентами выступили те, кто верил в заговор 11 сентября, при этом они

1. Thresher-Andrews C. An introduction into the world of conspiracy // The British Psychological Society. Special issue: The psychology of conspiracy theories. Issue 88 September 2013. С.5.

2. Там же. С. 750.

3. Там же. С. 70.

4. Goertzel, T. Belief in conspiracy theories. *Political Psychology*, 15, 1994, pp. 731–742.

были более склонны верить в другие маловероятные явления, не связанные с теорией заговора¹. Это остается одним из самых последовательных повторных заключений. Даже противоречивые теории заговора подкрепляют друг друга. Чем больше участники эксперимента верили в то, что Бен Ладен был уже мертв, когда американцы достигли своего соединения в Пакистане, тем больше они считали, что он был еще жив².

То, каким образом сообщение утверждается и обрабатывается и может выявить интересные наблюдения о силе теории заговора. Исследования С. Thresher-Andrews (2013) определила несколько ключевых когнитивных предубеждений на работе³. Они включают в себя смещение пропорциональности, идею, что большие значительные события имеют большие значительные причины⁴; смещения атрибуции, тенденция переоценивать эффект диспозиционного фактора, особенно в попытке понять интенциональность других⁵, а также склонность к самоподтверждениям, в которых убеждения и идеи, которые согласуются с собственной идеей, как правило, усиливаются, в то время, как альтернативные идеи преувеличиваются или игнорируются.

Если предположить, что мы все подвержены когнитивным предубеждениям, участвующим в обработке информации, то мы можем определить, какой тип человека, восприимчив к вере в заговор. Существует небольшой объем работ, демонстрирующий некоторые индивидуальные различия. Исследователи показали, что конспиративные убеждения можно предсказать высоким уровнем аномии (отсутствие или отказ от социальных норм), авторитаризмом, бессилием, враждебностью, экстернальным локусом контроля, недоброжелательностью, вместе с низким уровнем самооценки и доверия⁶. Н. Darwin и соавт. (2011) обнаружили, что параноидные идеи и шизотипия были положительно связаны с теориями заговора⁷. Дальнейшая работа также продемонстрировала отношения между конспиративными идеями и низким уровнем их принятия и высоким уровнем политического цинизма. Напрашивается вывод, что вера в заговоры является ответом на чувства обездоленных, враждебностью к политикам, которые способствуют ухудшению жизни. Следовательно, конспиративистские убеждения по-разному могут воздействовать на граждан с различными личностными конструктами.

1. Swami V., Chamorro-Premuzic T. & Furnham A. Unanswered questions: A preliminary investigation of personality and individual difference predictors of 9/11 conspiracist beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24, 2010, pp. 749–761.

2. Там же. С. 769.

3. Thresher-Andrews C. An introduction into the world of conspiracy // *The British Psychological Society. Special issue: The psychology of conspiracy theories. Issue 88 September 2013.*

4. Leman P.J. & Cinnirella, M. A major event has a major cause. *Social Psychological Review*, 9, 2007, pp. 18–28.

5. Clarke, S. Conspiracy theories and con-spiracy theorising. *Philosophy of the Social Sciences*, 32, 2002, pp. 131–150.

6. Abalakina-Paap, M., Stephan, W.G., Craig, T. & Gregory, W.L. Beliefs in conspiracies. *Political Psychology*, 20(3), 1999. pp.637–647.

7. Darwin H., Neave N., & Holmes J. Belief in conspiracy theories. The role of paranormal belief, paranoid ideation and schizotypy. *Personality and Individual Differences*, 50, 2011, pp.1289-1293.

Личностные особенности, связанные с верой в заговор, опосредованы культурными воздействиями. Кросс-культурных исследований встречается не так много, но авторы подчеркивают научную значимость измерения показателей конспиративистской ментальности¹. В этом контексте М. Брудер, П. Хаффке и др. создали анкету конспиративистской ментальности (CMQ), которая была апробирована в большом (N = 7,766) международном исследовании, охватывающем культуры Северной Америки, Западной Европы (Великобритания, Ирландия, Германия) и Ближнего Востока (Турция). Они предположили, что индивидуальные особенности и культурные факторы взаимодействуют, когда человек приходит к убеждению в конкретной теории заговора, и это оказывает влияние на его отношения и поведение. В частности, ряд исследователей показали, что субкультуры в рамках национальных групп по-разному подвержены вере в теорию заговора. Например, африканские, американские и латиноамериканские общины США, особенно склонны одобрять теорию заговора, утверждая, что ВИЧ распространен для уничтожения определенных этнических групп².

В нашем исследовании участвовало 4 группы российских поколений (2 группы поколения Y (1983- конец 1990-х г.р.) – студенческая молодежь и 2 группы поколения X (1965—1982 г.р.) – работающие люди среднего возраста) кумыков (Дагестан) и русских (г. Ростов-на-Дону) всего 200 человек. Была проведена анкета CMQ (М. Брудер, П. Хаффке); Фрайбургский многофакторный личностный опросник FPI; методика измерения жизненных смыслов (альтруистические, экзистенциальные, гедонистические, статусные, коммуникативные, семейные, когнитивные, самореализации) В.Ю. Котлякова (2004). В сборе эмпирических материалов принимала участие студентка С.Ш. Муталимова.

Было показано, что в двух национальных группах наблюдается устойчивая вера в мировой и политический заговоры. В группе русских, поколение Y обнаружены корреляции между верой в мировой заговор и невротичностью (-0,245**), эмоциональной лабильностью (0,494*), раздражительностью (0,623**), общительностью (0,462*), экстраверсией (0,655**). Вера в политический заговор коррелировала с невротичностью (-0,66**) и уравновешенностью (0,263*). Очевидно, что респонденты, студенты, имеющие широкие социальные контакты и при этом эмоционально неуравновешенные более склонны верить в политические заговоры и не доверять политикам.

В группе кумыков, поколение Y вера в мировой заговор коррелировала со спонтанной агрессией (0,132**), общительностью (0,477**), невротичностью (-0,92*), экстраверсией (0,620**) и застенчивостью (-241**).

1. Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N. and Imhoff R. Measuring individual differences in generic beliefs in conspiracy theories across cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire Front. Psychol. 2013.

2. Ross M. W., Essien E. J., Torres I. Conspiracy beliefs about the origin of HIV/AIDS in four racial/ethnic groups. J. Acquir. Immune Defic. Syndr. 41,2006, pp. 342–344.

политический заговор обнаружила связь с застенчивостью (0,282**), эмоциональной лабильностью (0,362**) и общительностью (-0,395**). В данной группе молодых мы уже наблюдаем влияние не только личностного фактора, связанного с социальной открытостью, но ситуативного фактора, сопряченного со спонтанной агрессией как накопления отрицательных эмоций.

Обнаружены значимые различия между показателями веры в политический заговор ($t=-0,857$, $p>0,34$) и тайные общества ($t=-0,781$, $p>0,22$) между поколениями Y двух национальных групп. Вера в политический заговор ($t=-0,631$, $p>0,04$) значимо различалась в группах поколений X двух национальностей. Как видно, у поколений устойчивы убеждения относительно наличия политического заговора. Видимо сфера политики в представлениях исследуемых групп не является настолько устойчивой и несет в себе угрозу.

В группе русских значимые различия обнаружены между поколениями по шкале веры в государственный заговор ($t=-1,375$, $p>0,01$). Таким образом, чем старше поколение, тем оно сильнее верит в государственный заговор, возможно, это влияние пережитой перестройки в стране.

В группе русских поколение Y обнаружены корреляционные связи между когнитивными смыслами ($r=-0,373$, $p=0,035$), экзистенциальными смыслами ($r=0,641$, $p=0,027$) и верой в государственный заговор; между верой в тайные организации и статусными смыслами ($r=-0,432$, $p=0,013$). Чем больше молодежь придает значение социальному статусу в своей жизни, тем больше придает значение тайным организациям. Чем меньше молодежь ориентирована на познание и придает значение своей экзистенции, тем больше она верит в государственный заговор.

На выборке респондентов мы обнаружили устойчивую корреляцию между показателями эмоциональной лабильности и шкалами веры в общественный заговор ($r=0,52$ **) и веры в тайные общества ($r=0,32$ *). Личностная черта раздражительность коррелировала со шкалой веры в общественный заговор ($r=0,62$ *). В группе кумыкского поколения X наблюдалась отрицательная зависимость эмоциональной лабильности и веры в политический заговор ($r=-0,92$ **). Шкала уравновешенность отрицательно коррелировала с верой в тайные общества ($r=-0,84$ *).

В группе кумыков значимые различия обнаружены между поколениями по шкалам веры в политический заговор ($t=-1,447$, $p>0,31$), веры в государственный заговор ($t=-1,105$, $p>0,01$) и общественный заговор ($t=-2,698$, $p>0,01$). Полученные данные дают возможность утверждать, что кумыкская группа (молодежь - $M = 6,5$; $SD = 1,9$), (средний возраст - $M = 5,9$; $SD = 2,1$) более склонна к преувеличению значимости конспиративизма, чем группа русских (молодежь - $M = 5,9$; $SD = 2,1$), (средний возраст - $M = 6,1$; $SD = 2,3$). Можно предполагать, что группа дагестанской молодежи больше

подвержена сомнениям в плане устойчивости и надежности стабильности в жизни.

Однако эти результаты отличны от данных М. Брудер, П. Хаффке. По их данным представители США ($M = 6,3$; $SD = 2,0$) и Великобритании/Ирландии ($M = 6,3$; $SD = 1,9$) имели средние показатели конспиративистской ментальности. У турецких участников ($M = 7,3$; $SD = 2,1$) конспиративистская ментальность была заметно выше, чем у всех других групп ($DS > 0,58$), тогда как у немецких участников он был ниже, чем в других группах ($M = 5,9$; $SD = 2,1$)¹. Как видно, представители изучаемых культур в разной степени привержены конспиративистской ментальности.

Конечно необходимо не забывать, что сама ситуация опроса в плане заговора может провоцировать и склонять респондентов к вере в заговор. Вера в теорию заговора частично может выступать показателем повышения уровня тревожности в обществе, социальной нестабильности, что особенно ярко проявляется в ситуациях различных общественных кризисов. Ситуации политического и экономического кризисов могут вызывать дополнительный интерес к поискам виноватых в создавшихся обстоятельствах. Предполагаем, что в культурах, где ведущее место в общественной ментальности занимает религия, тенденции конспиративизма будут более сильными. Культурная ситуация развития народа определяет веру в заговоры.

Таким образом, можно наблюдать личностные, культурные, межпоколенные и ситуативные различия в выраженности конспиративистской ментальности. Культурные различия в принятии конспиративистской теории могут быть объяснены закрепляемыми в культурах способах терпимости к неопределенности. Личностные различия в принятии конспиративистских верований взаимосвязаны с культурными, поскольку мы знаем, что каждая культура имеет определенную культурную модель личности. Межпоколенные различия в принятии конспиративистской теории в пределах одной культуры могут быть объяснены культурно-исторической ситуацией развития поколений и терпимостью или нетерпимостью к неопределенности в этой связи.

Несмотря на растущее внимание к этой новой области исследования, существует мнение, что теории заговора, как правило, безвредны и типичны, и являются здоровым, побочным продуктом процветающего и открытого, демократического общества². Как пишет Кадурина Н.В.³, ссылаясь на А.Г. Дугина⁴: «В результате конспирология становится вполне легитимным сти-

1. Там же. С. 5-7.

2. Hodapp C. & Von Kannon A. Conspiracy theories and secret societies for dummies. New York: John Wiley & Sons, 2008.

3. Кадурина Н.В. Роль конспирологических концептов в репрезентации политических процессов. Автореферат дисс... на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2012. <http://vak2.ed.gov.ru/>

4. Дугин А.Г. Конспирология. М.: Евразия, 2005.

лем, а массовый интерес к конспирологическим концептам рассматривается исследователями как устойчивая социологическая тенденция»¹.

Эти убеждения часто называют безвредными теориями незначительных маргинальных групп, но в последнее время было показано, что вера в теории заговора стимулируют реальные последствия. В южноафриканских странах, где есть вера в то, что СПИД – это следствие заговора расового уничтожения народов, привела к 330000 смертям людей, которые игнорировали меры предосторожности и программы по профилактике СПИД-а². Аналогичные тенденции были замечены, когда имела место вера в заговор фармацевтов с правительством, чтобы управлять вредными прививками, которая сыграла роль в снижении темпов вакцинации детей³. Статья Jolley, D. & Douglas, K.M. демонстрирует, что воздействие теорий заговора может уменьшить намерение граждан взаимодействовать с политиками⁴.

Неспособность расширить критическую оценку объяснений может частично объяснить взаимосвязь между дефицитом возможности реальной проверки конспиративистских убеждений. В частности, теории заговора будут приняты, потому что людям удобно исходить из интуитивно-эмпирической в ущерб аналитико- рациональной обработки информации⁵. В этом контексте, степень, в которой люди одобряют неадекватные пояснения, конспиративистская теория является ключевым фактором в формировании неадекватных убеждений. Проблемы возникают, когда альтернативные теории принимаются без надлежащего доказательства или критической оценки. По этой причине, возможно, стоит рассмотреть взаимосвязь между теориями заговора (одобрения и отторжения) и вероятностного рассуждения (т.е. восприятия случайности, использования информации базового курса, конъюнкции заблуждения, и вывода ожидаемого значения).

Список литературы:

1. Дугин А.Г. Конспирология. М.: Евразия,, 2005.
2. Кадурина Н.В. Роль конспирологических концептов в репрезентации политических процессов. Автореферат дисс... на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2012.
3. Хлебников М.В. Теория заговора. Опыт социокультурного исследования. М.: Кучково Поле, 2012.
4. Энтин Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и

1. Там же. С. 10.

2. Chigwedere, P., Seage, G.R., III, Gruskin, S., Lee, T.-H. & Essex, M. Estimating the lost benefits of antiretroviral drug use in South Africa. *Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes*, 49, 2008, pp. 410–415.

3. Salmon, D.A., Moulton, L.H., Omer, S.B., DeHart, M.P., Stokley, S. & Halsey, N.A. (2005). Factors associated with refusal of childhood vaccines among parents of school-aged children: A case-control study. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*, 159(5), 470–476.

4. Jolley D. & Douglas K.M. The social consequences of consiracism: Exposure to conspiracy theories decreases the intention to engage in politics and to reduce one’s carbon footprint. *British Journal of Psychology*.2013.

5. Irwin H.J. *The psychology of paranormal belief: A researcher’s handbook*. Hatfield, England: University of Hertfordshire Press.2009.

- новейшая история № 1. 2000. С. 70–86.
5. Abalakina-Paap, M., Stephan, W.G., Craig, T. & Gregory, W.L. Beliefs in conspiracies. *Political Psychology*, 20(3), 1999. pp. 637–647.
 6. Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N. and Imhoff R. Measuring individual differences in generic beliefs in conspiracy theories across cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire *Front. Psychol.* 2013.
 7. CBS News/New York Times. Poll: One-in-four Americans think Obama was not born in the US. 2011. Retrieved from: http://www.cbsnews.com/8301-503544_162-20056061-503544.html
 8. Chigwedere, P., Seage, G.R., III, Gruskin, S., Lee, T.-H. & Essex, M. Estimating the lost benefits of antiretroviral drug use in South Africa. *Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes*, 49, 2008, pp. 410–415.
 9. Clarke, S. Conspiracy theories and con-spiracy theorising. *Philosophy of the Social Sciences*, 32, 2002, pp. 131–150.
 10. Combs, D.R., Penn, D.L. & Fenigstein, A. Ethnic differences in subclinical paranoia. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 8, 2002, pp. 248–256.
 11. Darwin H., Neave N., & Holmes J. Belief in conspiracy theories. The role of paranormal belief, paranoid ideation and schizotypy. *Personality and Individual Differences*, 50, 2011, pp.1289-1293.
 12. Goertzel, T. Belief in conspiracy theories. *Political Psychology*, 15, 1994, pp. 731–742.
 13. Hodapp C. & Von Kannon A. *Conspiracy theories and secret societies for dummies*. New York: John Wiley & Sons, 2008.
 14. Irwin H.J. *The psychology of paranormal belief: A researcher's handbook*. Hatfield, England: University of Hertfordshire Press.2009.
 15. Jolley D. & Douglas K.M. The social consequences of consiracism: Exposure to conspiracy theories decreases the intention to engage in politics and to reduce one's carbon footprint. *British Journal of Psychology*.2013.
 16. Leman P.J. & Cinnirella, M. A major event has a major cause. *Social Psychological Review*, 9, 2007, pp. 18–28.
 17. Leman P.J. The born conspiracy. *New Scientist*, 2007, 14 July. pp. 35–37.
 18. Moscovici S. «The conspiracy mentality», in *Changing Conceptions of Conspiracy*, eds Graumann C. F., Moscovici S., editors. (New York, NY: Springer), 1987, pp.151–169.
 19. Ross M. W., Essien E. J., Torres I. Conspiracy beliefs about the origin of HIV/AIDS in four racial/ethnic groups. *J. Acquir. Immune Defic. Syndr.* 41,2006, pp. 342–344.
 20. Salmon D.A., Moulton L.H., Omer S.B., DeHart M.P., Stokley S. & Halsey N.A.. Factors associated with refusal of childhood vaccines among parents of school-aged children: A case-control study. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*, 159(5), 2005, pp. 470–476.
 21. Swami V., Coles R., Stieger S., Pietschnig J., Furnham A., Rehim S., et al. Conspiracist ideation in Britain and Austria: evidence of a monological belief system and associations between individual psychological differences and real-world and fictitious conspiracy theories. *Br. J. Psychol.* 102, 2011, pp. 443–463.
 22. Swami V., Chamorro-Premuzic T. & Furnham A. Unanswered questions: A preliminary investigation of personality and individual difference predictors of 9/11 conspiracist beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24, 2010, pp. 749–761.
 23. Thresher-Andrews C. An introduction into the world of conspiracy // *The British Psychological Society. Special issue: The psychology of conspiracy theories.* Issue 88 September 2013.
 24. Wood M., Douglas K.M. & Sutton R.M. (2012). Dead and alive: Belief in contradictory conspiracy theories. *Social Psychological and Personality Science*, 3, 2012, pp. 767–773.

Грязнова В. Н.

кандидат социологических наук, доцент кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ

Петрухина Н.Б.

кандидат медицинских наук, магистр кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ

Инновационный подход к регулированию отношений в системе здравоохранения

В условиях динамичных изменений и глобализационных трансформаций развитие России объективно определяется инновациями, основанными на интеллектуальных ресурсах, качественной модернизации всех факторов производства, эффективном внедрении новейших информационных и управленческих технологий в различные сферы деятельности, в том числе и в социальную сферу. В связи с этим определяющим условием инновационного роста российской экономики все в большей степени становится человеческий капитал. Медицина является важнейшей отраслью рыночной экономики, в процессе деятельности которой происходит восстановление человеческого потенциала во многом за счет внедрения в систему здравоохранения инноваций.

Демонстрируя в течение последних лет высокие темпы развития и определенную устойчивость функционирования, здравоохранение приобретает постепенно новый качественный уровень, свойственный субъектам рыночной системы отношений. Развитие медицинской науки и фармацевтики значительно расширяет возможности лечения многих заболеваний и, соответственно, обусловило рост потребностей населения в получении услуг более высокого качества.

Несмотря на то, что проведение масштабных реформ в здравоохранении сдерживается нарастанием кризисной ситуации в мировой экономике, тем не менее, в сфере здравоохранения происходят инновационные изменения, инициируемые и действиями федерального центра и субъектами Российской Федерации, которые в целом соответствуют направлениям необходимых преобразований. Однако, ключевыми проблемами, не получившими до сих пор решения, остаются вопросы неэффективного использования технологических и управленческих инноваций в медицинской практике, недостаточная обеспеченность сферы здравоохранения квалифицированными кадрами, способными быстро

адаптироваться к инновационным технологиям, новым формам организации и управления, инновационным методам контроля качества, внедряемым в медицинскую практику. Такое положение характерно для организаций различных сфер деятельности, в том числе и медицинских учреждений, что подтверждается и данными социологических исследований. Так, на вопрос: «Многие ли руководители российских организаций способны проявлять инициативу по нововведениям и воспринимать такую инициативу от других? - 51,5 % опрошенных респондентов ответили: «немногие», 16,5% - считают, что таких руководителей практически нет, и только 8,6 % подтвердили существование таких руководителей, 13,4 % респондентов затруднились с ответом. Среди экспертов первый показатель значительно выше - 81% опрошенных экспертов считают, что немногие руководителя способны проявлять инициативу по нововведениям и воспринимать ее. Тревожным можно считать и вывод респондентов о том, что 44,9% опрошенных высказали точку зрения, что в организации ничего не происходит, если работник проявляет инициативу по внедрению инноваций, никакие поощрительные мероприятия по отношению к таким работникам не проводятся и их инициатива остается в лучшем случае незамеченной.

Важно отметить, что целью совершенствования российской системы здравоохранения в настоящее время является улучшение общественного здоровья на основе повышения доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения, развития профилактической направленности деятельности лечебно-профилактических учреждений и формирования здорового образа жизни при повышении эффективности использования финансовых, материальных и кадровых ресурсов отрасли. Наряду с этим, необходимо учитывать, что важнейшими стратегическими целями на ближайшие годы обозначены осуществление инновационного прорыва в развитии сферы здравоохранения.

Безусловно, системное реформирование медицинской отрасли должно включать в себя не только финансово-экономическую реформу, реструктуризацию здравоохранения, но в первую очередь повышение качества управления на основе научно-обоснованных инновационных управленческих технологий.

Важно признать, что осуществлённые в период 2006-2014 годов инвестиции и реализуемые в настоящее время программы модернизации здравоохранения обеспечили значительный качественный сдвиг в области оснащения лечебно-профилактических учреждений современным оборудованием, совершенствования первичной

медико-санитарной и скорой медицинской помощи, оказания населению высокотехнологичных видов лечения, особое внимание обращается на качество лекарственных препаратов. Однако, как представляется, значительный потенциал повышения качества медицинской помощи будет обеспечиваться внедрением в медицинскую практику инноваций, в первую очередь для профилактики заболеваний, ранней диагностики и лечения с применением современных методик и инновационных разработок.

В настоящее время инновации в здравоохранении востребованы как никогда ранее. Особое звучание инновационные подходы к оказанию медицинской помощи, гарантированной государством, приобретают в условиях глобального экономического кризиса. Кроме того важность проблемы предопределяется и существующим в настоящее время «кадровым голодом», неспособностью медицинского персонала быстро адаптироваться к новым экономическим отношениям в системе здравоохранения.

Представляется, что одной из главных задач внедрения современных технологий в системе здравоохранения является обобщение и трансляция опыта и уникальных достижений высококлассных специалистов крупных специализированных учреждений на сотни муниципальных медицинских учреждений с существенным снижением финансовых и ресурсных затрат.

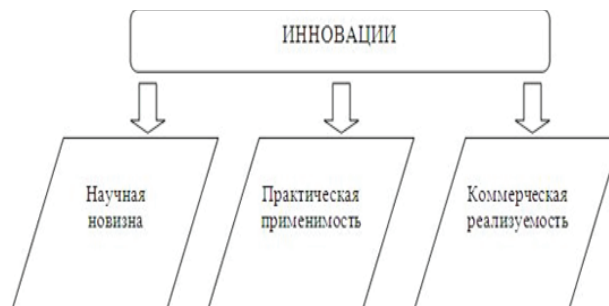
Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что инновации – это всегда что-то качественно новое. Это – новые идеи, разработки, продукты, технологии, способы и методы трудовой деятельности, новые подходы к социальным услугам. Как термин «инновация» может иметь различные значения, восприниматься в разных контекстах, поэтому его выбор зависит от конкретных целей предпринимаемого анализа.

Инновация связана с процессом превращения хорошей идеи в «продукт», который может быть использован, реализован, дать результаты или в виде более качественной методики лечения заболеваний, или новых способов охраны здоровья, или новых технологий профилактики заболеваний.

Как подчеркивается, «для того чтобы новая идея получила воплощение в виде новой технологии или нового продукта, она должна обладать определенными критериями: научно-технической новизной, практической применимостью и коммерческой реализуемостью.¹

1. Подробнее, см.: Турчинов А.И., Кононенко Т.А., Магомедов К.О. Современная кадровая политика и управление персоналом в российских организациях: социологический анализ. Монография. Москва, 2013. С.80.

Рисунок 1 – Критерии инноваций

Нововведения в сфере здравоохранения осуществляются в виде создания новых технологий, медицинских приборов, препаратов, лечебных методик, организационных процессов, внедряемых в производство товаров или оказание услуг.

С позиции управления инновационной деятельностью в сфере здравоохранения выделяются медицинские технологические инновации, экономические инновации, организационные, информационно-технологические и др. виды инноваций:

Так, медицинские технологические инновации связаны с появлением новых методов профилактики, диагностики и лечения на базе имеющихся препаратов или оборудования, новых комбинаций их применения;

Организационные инновации направлены на совершенствование организации труда персонала, организационной структуры управления, внедрения соответствующей корпоративной, управленческой, кадровой, правовой культуры и др.;

Экономические инновации обеспечивают внедрение современных методов прогнозирования, стратегического планирования, финансирования, стимулирования и аудита деятельности учреждений здравоохранения;

Информационно-технологические инновации направлены на внедрение новых технологий сбора, обработки, анализа информационных потоков в отрасли;

К продуктовым и процессным инновациям в системе здравоохранения следует отнести те, которые охватывают систему предупреждения и лечения заболевания, реабилитацию больных, создание принципиально новых лекарственных препаратов, новой медицинской техники и оборудования, новых информационных, учетных, управленческих и других благ, способствующих повышению качества медицинских услуг и т.д.

Для успешного развития медицины необходимо правильное сочетание ясных государственных гарантий населению и равных прав всех участников рынка вне зависимости от форм собственности. Что касается возможности частичного инвестирования в инновационные технологии, то оно сдерживается, с одной стороны, недостаточным информационным обеспечением, а с другой - отсутствием чётких государственных гарантий и преференций.

Тревожит тот факт, что в масштабах страны эффект от инновационной деятельности почти незаметен, функционирование национальной инновационной системы в целом не достаточно эффективно, что приводит к систематическим закупкам крайне дорогостоящего иностранного оборудования, внедрению отечественных разработок через иностранные фирмы и, как следствие, повышению затратности отечественного здравоохранения. Устранение основных проблем в развитии инновационной деятельности требует существенных ресурсных и временных затрат, соответствующего нормативно-правового и организационного регулирования.

Важно отметить, что в настоящее время, несмотря на рост инвестиций в здравоохранение, Россия заметно отстаёт от передовых стран по объёмам финансирования и показателям, определяющим уровень развития медицинской науки. В большинстве стран мира ассигнования на «науки о человеке» составляют не менее 30% от общих затрат на фундаментальные исследования.

Как следует из программных документов Правительства Российской Федерации, инновационная модель развития здравоохранения предусматривает тесное взаимодействие системы здравоохранения и медицинской науки, планирование научных медицинских исследований в зависимости от потребностей здравоохранения, активное внедрение научных результатов в медицинскую практику, а также целенаправленную подготовку специалистов, способных обеспечить внедрение научных достижений.

В настоящий момент в России есть компоненты, необходимые для развития инновационных медицинских технологий: инвесторы, компании, импортирующие зарубежные инновационные разработки, и изобретатели. Единство науки, образования и практики должно обеспечить здравоохранение не только принципиально новыми способами диагностики и лечения самых различных заболеваний, но и современными методами управления качеством в здравоохранении.

Современное здравоохранение России стоит на пороге трансформации в новую систему, позволяющую в условиях формирования рыночных отношений сделать здоровье человека фактором, определяющим комфортность его существования в обществе.

По мере развития негосударственного сектора здравоохранения, увеличения инвестиций в частное здравоохранение проблема взаимодействия

государства и частных медицинских организаций становится все более актуальной. Улучшение экономического положения страны, рост размеров бюджетов приводят к тому, что частные медицинские организации проявляют все больший интерес к общественным ресурсам в виде бюджетов всех уровней и средств обязательного медицинского страхования. Поэтому чаще всего вопрос о взаимодействии государственного и частного здравоохранения поднимается именно со стороны частного здравоохранения.

В России, особенно в настоящее время, также необходимо развивать эффективные институты взаимодействия государства и бизнеса — для формирования грамотной экономической политики, повышения инновационной активности, развития экономической и социальной инфраструктуры. Модернизация системы здравоохранения невозможна без инновационных проектов, реализуемых через государственно-частное партнерство.

Для Российской Федерации, как социального государства, забота о формировании условий для достойной жизни и здоровья населения, приобретает все большее значение в реализации стратегического курса на возрождение и устойчивое развитие российской государственности. В таком контексте особую значимость приобретают вопросы инновационного развития системы здравоохранения, направленные на повышение качества оказываемой медицинской помощи и удовлетворенности населения этим качеством, эффективности гарантированных государством предоставляемых населению медицинских услуг. Кроме того, актуализируется проблематика конкурентоспособности современной системы медицинского обслуживания, проведение институциональных преобразований в системе здравоохранения, внедрение инновационных подходов в регулировании данной сферы общественных отношений.

Представляется, что системное решение проблем инновационного развития здравоохранения, технологическое и кадровое «перевооружение» здравоохранения, объединение усилий государства и институтов гражданского общества в формировании ценностей здорового образа жизни, направлены на формирование конкурентоспособной и качественной системы медицинского обслуживания населения Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Российские инновации в медицинской технике. - 2010. - №4 (390). - Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2010/VSF_NEW201005121204/VSF_NEW201005121204_p_004.htm
2. Сибурин Т.А. Управление здравоохранением: о путях перехода к инновационно-стратегической модели развития // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2012- №1.- С. 95-107, №2. – С. 63 – 69.
3. Трифилова А. А. Оценка эффективности инновационного развития предприятия / А. А. Трифилова. — М. : Финансы и статистика, 2005. — 304 с.
4. Турчинов А.И., Кононенко Т.А., Магомедов К.О. Современная кадровая политика и управление персоналом в российских организациях: социологический анализ». Монография. Москва, 2013.С.80.

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор МАДИ
(Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет)*

Город для студентов vs студенческий городок: взаимовлияние места и качества обучения

Информационное общество, являющееся одним из отражений эпохи знаний, имеет отличных от других исторических периодов лидеров, отвечающих за разработку и реализацию сценариев дальнейшего развития. В данном случае ими становятся люди, получившие не просто высшее образование, а образование, одновременно дающее знания и прививающее культуру умственного труда. Если для средневековой Европы было характерно понимание того, что уже воздух города делал человека свободным, то для XXI в. простой свободы мало, нужна свобода творческого поиска. И таким пространством может стать либо город, где сконцентрированы ведущие университеты, либо университетский городок. А отсюда возникает вопрос, среда какого из этих мест более благоприятна для формирования креативного класса¹. Чтобы ответить на этот вопрос, важно понять ход становления системы образования в данных центрах, а также то, что они могли дать для раскрытия творческого потенциала обучающихся в них студентов.

Университетские города славятся богатой историей. В Европе первым городом, где открывается университет, была Болонья. Там, он появляется в 1088 г., когда публичные лекции начинает читать один из первых глоссаторов, преподавателей и комментаторов свода законов Юстиниана, и основоположников западноевропейского изучения римского права Ирнерий. Но почти на два столетия раньше, в 859 г., возникает Университет Аль-Карауин в марокканском городе Фес. К XV в. их были уже десятки. Они имели свои традиции и различались не только качеством обучения по разным направлениям, но и тем, в какой среде находились и что из этой среды могли впитать университетские воспитанники.

Университеты изначально закладывали основы конкурентного применения знаний, потому с самых первых веков своего существования создавали возможности для всех заинтересованных в получении образования их сравнивать. К нашему времени позиции, по которым проводится

1. См., напр.: Негус К., Пикеринг М. Креативность. Коммуникация и культурные ценности. М.: Гуманитарный центр, 2011; Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика–XXI, 2005; Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. М.: Классика–XXI, 2012; Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М.: Классика–XXI, 2011.

компаративный анализ их деятельности, постоянно расширяется. В них вошел и рейтинг лучших городов мира для студентов, выводимый компанией QS (QS Best Student Cities) с 2004 г. В отличие от других рейтингов, этот сконцентрирован не на оценке университетов, а на окружающих их условиях. В рейтинг QS входят города с населением более 250 тыс. человек, а также те, в которых расположено два или более университетов, включенных в топ 700 QS World University Rankings. Сейчас этим критериям соответствуют 98 городов. Но среди них нет старейших университетских городов Британии Оксфорда и Кембриджа, а также многих других престижных университетов, располагающихся в небольших городах. Однако цель данного рейтинга состоит в сравнении крупных городов, а не только тех, на территории которых находятся известные университеты.

Несмотря на то, что выбор лучшего города является субъективным, критерии рейтинга QS важны не только для будущих студентов, но и для их потенциальных работодателей, оценивающих то, что им смог дать большой город. А это в первую очередь атмосфера урбанизма с ее дерзким и непредсказуемым ритмом, насыщенность культурно-досуговыми объектами, формирующими интересы студента, студенческую субкультуру¹. В столичных городах ценна еще и близость к центрам принятия политических решений, создающая чувство сопричастности и социальной ответственности.

Рейтинг QS Best Student Cities² рассчитывается на основе ряда критериев, из которых целесообразно выделить следующие: категорию рейтинга, измеряющую количество и качество университетов в каждом городе с учетом особенностей международно-признанных университетов в больших городах, а также с учетом городов, в которых находятся элитные вузы; позицию, оценивающую качество жизни на основе исследования Mercer Quality of Living Survey, ранжирующего 50 крупнейших городов на основе десяти критериев: политическая и социальная среда, экономическая среда, социально-культурная среда, здоровье и санитария, школы и образование, коммунальные услуги и транспорт, отдых, товары народного потребления, жилье, природа; категорию, измеряющую финансовую доступность, включая три раздела, которые охватывают три основные области студенческих расходов: плату за обучение, уровень розничных цен и расходы на проживание. Кроме того, исследователи группы QS рассматривают уровень и качество жизни, доступность с точки зрения стоимости жизни, а также общую репутацию университетов среди работодателей, возможность последующего трудоустройства, налоги и даже цены на гамбургеры. В 2011 и 2012 гг. этот список лучших университетских городов мира возглавил Париж, оставив Лондон на втором и Бостон на третьем местах. Заметим, что речь идет не о рейтинге университетов, а о ранжировании

1. Шумов К.Э. Студенческие традиции / Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2007. С. 165-179.
2. <http://www.topuniversities.com>.

городских центров, которые создают лучшие условия для пребывания в них студентов, что позволяет их считать студенческими городами.

Где же расположены такие города? Если распределить данные рейтинга 50 университетских городов по регионам, то получим: 20 – в Европе, 10 – Северной Америке, 4 – Южной Америке, 10 – Азии, 5 – Австралии, 1 – Африке. Следует учитывать, что уровень урбанизации, измеряемый процентным отношением городского населения к общей численности населения страны, особенно высок в развитых странах и существенно ниже в странах с низким доходом на душу населения. Поэтому можно предположить наличие влияния процессов урбанизации на то, как городская среда воздействует на ориентацию жизненных установок на успех будущих специалистов в современном постиндустриальном обществе. Косвенно такое влияние подтверждает рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education¹. Его оценки складываются из 13 показателей. Основными оценочными критериями служат международная студенческая и преподавательская мобильность, количество международных стипендиальных программ, уровень научных исследований, вклад в инновации, цитируемость научных статей, уровень образовательных услуг и т.д. Согласно этому рейтингу, 33 лучших университетов из 50-ти располагаются в Северной Америке, 10 – в Европе, 6 – Азии, 1 – Австралии. Сравнение этих данных с оценкой урбанизации позволяет говорить о том, что есть конкуренция, следовательно, и проблема выбора места обучения, которое определяет, с одной стороны, его высочайшее качество, а, с другой – возможность адаптации к жестким реалиям XXI столетия.

Часто первая позиция отчетливее проявляется в университетах небольших городов или имеющих устройство по кампусному типу. Понятие «кампус» (англ. campus) означает университетский городок, который включает здания учебных и научно-исследовательских учреждений, жилые помещения для студентов, библиотеки, столовые, спортивные залы и т.д. В латинском языке слово campus обозначало «поле», «открытое пространство». Применительно к университету его начали использовать в XVIII в., назвав так территорию Принстонского университета. Кампусом также могут именовать обособленную территорию, принадлежащую крупной компании с внутрифирменной инфраструктурой, например, корпоративным университетом. Университетские кампусы, как правило, имеют автономную администрацию, часто выборную. Такая система расположения и управления дала основание для появления особого вида университетов. Рождение кампусных университетов в Британии было связано с расширением возможностей получения высшего образования для тех, кто не мог позволить обучение в традиционных, порой закрытых университетах. Кампусные университеты привлекали молодых людей из всех социальных

1. Рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education — информация об исследовании. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info>.

слоев, закончивших финансируемые государством грамматические, а затем комплексные школы. Более того, они были открыты не только для большого числа студентов, но и для более широкого набора предметов. В Соединенном Королевстве рост таких учебных заведений наблюдался с 1950 по 1970 г., когда повысился интерес к новой проблематике, отражающей радикальную перестройку в программах высшего образования. Университет кампусного типа отличается и от коллегияльных университетов, основанных на взаимодействии ряда колледжей (университеты Оксфорда, Дарема, Лондонский или Кембриджский университеты), а также от университета, состоящего из ряда территорий или отдельных зданий, рассеянных по всему городу (Эдинбургский университет или Университет Шеффилда), хотя для характеристики организации университетской жизни и управления многих из них также употребляется термин «кампус».

Исторически классический университетский городок располагается на окраине городов: Royal Holloway Лондонского университета на окраине Лондона; университеты Стирлинга, Йорка на окраине этих городов; Суонси университет на окраине Суо; Университет Восточной Англии - на окраине Нориджа; Университет Кента - Кентербери; Ноттингемский университет расположен на внешнем пригороде Ноттингема. Но, например, Университет Астон в Бирмингеме, являющийся классическим кампусным университетом, находится в центре города. Университетское пространство может быть отдалено от городского: Университет Бата - в непосредственной близости от города Бат; Университет Сассекса - в нескольких милях от города Брайтон; Университет Эссекса около Колчестера; Университет Уорвик возле Ковентри; Ланкастерского университета неподалеку от города Ланкастер; Кильского университета вблизи Ньюкасл-андер-Лайм.

Помимо унаследованной от момента рождения демократичности есть и некоторые другие преимущества такой формы университетской самоорганизации. Она направлена на развитие социальной активности студентов, способствует тому, чтобы многие из них находили себе работу непосредственно в кампусе, плотнее погружались в университетские реалии. Однако нельзя не видеть и изъянов подобной погруженности, связанных с тем, что понижается уровень адаптивности к реалиям большого города, мегаполиса с его особым ритмом, характером общения, выработкой умения защищаться от рисков урбанизации и пр. Поэтому многие крупные города за время существования в них университетов смогли создать некие паттерны студенческого бытия в них, не вытесняя их на периферию и не растворяя в городской суете.

Образцом, безусловно, может служить студенческий квартал в 5-ом и 6-ом округах Парижа на склонах холма Св. Женевьевы на левом берегу Сены вокруг Сорбонны - Латинский квартал (фр. Quartier latin), получивший название от

латинского языка, на котором ранее преподавали в Сорбонне и который был языком межэтнического общения студентов из разных мест Европы. В наше время к Латинскому кварталу относятся еще несколько других высших учебных заведений: Высшая нормальная школа, Парижская высшая национальная школа горного дела (фр. *École des Mines de Paris*), Университет Париж II, Университет имени Пьера и Марии Кюри и др. Отличие Латинского квартала не только в старинных улочках, но и в том, что связано с миром знаний, размышлений и дискуссий. Это и книжные лавки, многочисленные кафе, среди которых старейшее в Париже Кафе Прокоп (фр. *Le Procope*) на улице Ансьен-Комеди (фр. *rue de l'Ancienne-Comédie*), рядом с перекрестком Одеона. Это заведение было дискуссионным центром литераторов и философов в эпоху Просвещения и стало одним из интеллектуальных штабов Французской революции, что в целом отвечает и бунтарскому духу студентов. Исключительно важно, что такой исторический студенческий квартал является не местом, откуда студенты должны добираться до исторических памятников и культурных объектов, а что в эти кварталы привлекаются туристы со всего мира. Если весть речь о Латинском квартале в Париже, то следует упомянуть такие туристические объекты, как Пантеон, Люксембургский сад, Термы Клюни и Музей Средневековья. Неслучайно название Латинский квартал распространилось на студенческие кварталы других европейских городов, в частности Кёльна.

Своеобразным студенческим кварталом можно считать крупнейший комплекс студенческих общежитий в Германии, расположенный в Мюнхене в районе Швабинг-Фрайманн около Английского сада, - студенческий городок Фрайманн (нем. *Studentenstadt Freimann*). 15 корпусов этого городка способны вместить две с половиной тысячи человек. В них проживают студенты из разных стран, обучающиеся в Мюнхенском университете, в Мюнхенском Техническом Университете и других высших учебных заведениях города. Эксплуатирующей организацией является государственная организация, занимающаяся обустройством быта студентов, *Studentenwerk München*. Студенческий городок строился в два этапа: в 1961-1968 и 1970-1977 гг., и поэтому в нем есть Старый город (нем. *Altstadt*) и Новый город (нем. *Neustadt*). Улицы в студенческом городке носят имена участников подпольной группы Сопrotивления, образованной студентами Мюнхенского университета и действовавшей с июня 1942 до февраля 1943 г. «Белая роза» (нем. *Weiße Rose*). Ее название было выбрано по роману «Белая роза» (1929) известного антивоенного писателя Бруно Травена. Самое активное привлечение в городок людей, не являющихся студентами, происходит в дни студенческого фестиваля *StuStaCulum*, который проводится ежегодно с 1989 г. и длится 4 дня. На него съезжаются театральные и музыкальные группы, артисты из разных стран. На территории Студенческого городка Фрайманн работают спортзал, где работают различные секции (среди них волейбол, баскетбол, айкидо),

дискотеки, кафе и бар, отражающие даже в названиях дух урбанизма. Например, бар «Manhattan» расположен на 21 этаже, на крыше самого высокого здания, с которого открывается замечательный вид на Мюнхен, особенно вечером.

Имеются студенческие городки и в российских городах, например, Межвузовский студенческий городок в Санкт-Петербурге (МСГ). Территория этого городка находится в зеленой зоне, между двумя парками (Победы и Авиаторов), в десяти минутах ходьбы от станции метро «Парк Победы», рядом с Большой Публичной Библиотекой. На территории Студгородка размещено множество объектов с разветвленным хозяйством: десять обновленных 10-ти этажных домов и два административно-хозяйственных корпуса, в которых располагаются студенческая поликлиника, библиотека, две прачечных самообслуживания, Институт дополнительного образования с компьютерными классами и управление МСГ. И студенты, и сотрудники считают его настоящим студенческим домом, гордятся им, берегут его авторитет и традиции. Несколько лет подряд городку присваивается почетное звание «Лучший студенческий городок России»¹. Отличительная черта МГС - практически выведенное из употребления понятие «общежитие». Во всех жилых корпусах имеются наименования с более благозвучными названиями «Студенческий дом № 1», «Студенческий дом № 2» и т.д. Этим подчеркивается, что хотя жизнь у студентов во многом общая, т.е. подчиненная семестровому распорядку, городок является пространством, где они должны чувствовать себя как дома.

Курс России на инновационный путь развития определил направленность инновационной деятельности в студгородке, как совокупности многих видов активности по созданию и распространению инноваций. Администрацией и студенческим советом городка была разработана Программа инновационного развития МСГ на 2006-2010 гг., которая включала в себя ряд перспективных, основополагающих разделов и положений, нацеленных не только на расширение возможностей творческого развития студентов, организацию в МСГ воспитательной, спортивной и культурно-досуговой работы, но и обеспечение безопасности их проживания. Особое место в Программе было уделено созданию условий для самостоятельной работы студентов и самообразования, развитию интеграционных связей с промышленными и научными организациями и созданию Инновационного института дополнительного профессионального образования.

В России в связи с образованием Федеральных университетов студенческие городки отдельных учебных заведений сливаются в городок нового университета или идет строительство кампусов, отвечающих современным требованиям. В качестве примера остановимся на кампусе Дальневосточного

1. Официальный сайт - <http://msg-spb.ru>.

федерального университета (ДВФУ), по праву считающимся лучшим в России и одним из лучших в мире. Он расположился на территории в 800 тысяч квадратных метров, на берегу бухты Аякс в экологически чистом районе острова Русский. Это настоящий студенческий город, построенный по последнему слову техники, отвечающий самым современным стандартам. Он включает 11 комфортабельных общежитий, учебные корпуса и лаборатории, океанариум ДВО РАН для совместного с ДВФУ использования в научной и образовательной деятельности, технопарк, студенческий центр, стадионы, спортзалы, бассейны, теннисные корты, игровые площадки для волейбола и баскетбола, парк и прибрежную зону с набережной, пляжем и яхт-клубом, столовые, кафе и рестораны, ночные клубы, творческие центры. По примеру лучших ведущих мировых университетов в кампусе ДВФУ реализована система Smart Campus, предназначенная для управления учебным и административным процессом и инфраструктурой. Она представляет интегрированную информационную систему университета: универсальную электронную карту, сервисы электронного университета, корпоративный и образовательный порталы. В кампусе ДВФУ действует современный выставочный центр, в котором проводятся конгрессы, выставки, фестивали, в том числе и международные. Для жителей и гостей кампуса работает два больших концертных зала на 700 и 900 мест. Предполагается, что кампус будет расти и развиваться дальше: в рамках второй очереди запланировано строительство совместных учебно-научных лабораторий университета и ДВО РАН.

Студенчество представляет собой одну из самых устойчивых групп городского сообщества. Каждое новое поколение студентов впитывает накопленные его предшественниками традиции, которые относятся не только к учебному процессу, но и к неакадемической части жизни. Важно знать и понимать, как эта жизнь была организована. В исторических университетских городах и кампусах часто такие традиции продолжают жить благодаря атмосфере, гению места. Но в России найти подобные исторические уголки достаточно сложно. В Москве это Всехсвятский студенческий городок (Головановский переулок, 6/21, корпуса 1-4) - комплекс общежитий в стиле конструктивизма, построенный в 1929-1935 гг. по проекту архитекторов Б.В. Гладкова, Б.Н. Блохина и А.М. Зальцмана для студентов и аспирантов нескольких московских вузов. Название получил по бывшему селу Всехсвятскому, вошедшему в 1917 г. в состав Москвы. В состав комплекса входило 6 прямоугольных корпусов для холостых студентов и 2 Н-образных корпуса для семейных студентов и аспирантов. Между корпусами находился сквер с фонтаном и памятником В.И. Ленину. Комплекс из шести прямоугольных корпусов для холостых студентов и двух н-образных корпусов для семейных студентов и аспирантов был аналогичен городку в Дорогомилово. Городок имеет статус заявленного объекта культурного наследия, но от всего комплекса сохранилось лишь

четыре прямоугольных корпуса (еще четыре корпуса были снесены в начале 2000-х гг.), железобетонная чаша бывшего фонтана, памятник Ленину в Головановском переулке и ажурные осветительные конструкции во дворе со стороны 1-го Балтийского переуллка.

Иоганн Вольфганг фон Гете утверждал, что хотя мир в целом движется вперед, молодежи приходится всякий раз начинать сначала. Однако применительно к студенческой молодежи можно говорить о том, на формирование студенческой среды достаточно сильно влияют студенческие традиции, имеющие исторические, социальные, профессиональные, половозрастные истоки. Также студенческая среда характеризуется достаточно широкой разницей в возрасте ее членов, переходностью состояния между школьной и профессиональной средами, сохранением представлений о том времени, когда ее составляли преимущественно студенты, а студентов было меньшинство. Относительно более высокая социальная активность мужчин-студентов заставляет больше внимания уделять факторам, определяющим особенности внеаудиторной жизни этой части молодежи. Сравнение условий жизни студентов в крупных городах и отдельных университетских городках убеждает в перспективности варианта слияния этих двух моделей, когда внутри урбанистической среды формируется студенческий анклав, являющийся центром притяжения нестуденческих масс, что, несомненно, повышает и самооценку студентов, которая работает на их будущую профессиональную самооценку.

Литература:

1. Негус К., Пикеринг М. Креативность. Коммуникация и культурные ценности. М.: Гуманитарный центр, 2011.
2. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. М.: Классика–XXI, 2012.
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика–XXI, 2005.
4. Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М.: Классика–XXI, 2011.
5. Шумов К.Э. Студенческие традиции / Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2007. С. 165-179.
6. Рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education - информация об исследовании. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info>.
7. QS Best Student Cities // topuniversities.com/best-student-cities.

Кондрашкин В.А.

*советник отдела государственной службы и кадров центрального аппарата
Департамента государственной службы и кадров Министерства
сельского хозяйства Российской Федерации. Аспирант кафедры
государственной службы и кадровой политики института
государственной службы и управления персоналом
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Должностной рост государственных гражданских служащих как форма их социальной мобильности

Социальная мобильность государственных служащих это совокупность их перемещений, изменений социального статуса. Эти изменения носят не столько личный, сколько общественный характер, поскольку государственные служащие участвуют в осуществлении государственного управления, что затрагивает интересы граждан, социальных слоёв и групп.

Одним из наиболее значимых в этом отношении перемещений является должностной рост государственных служащих. Для осуществления данного роста на государственной службе имеются широкие возможности - четыре категории и пять групп должностей.

В основу анализа этой статьи положены результаты экспертного опроса, проведенного кафедрой государственной службы и кадровой политики РАНХиГС при личном участии автора (руководитель исследования - профессор Нечипоренко В.С.).

Среди наиболее значимых перемен для государственных служащих, которые произошли в последние годы по месту их работы, эксперты на первые места поставили установление личных связей с руководством (46,2% ответов) и переход служащих в более высокую группу должностей (43,1% ответов). Менее значимым оказался переход в более высокую категорию должностей (21,5%).

Экспертами замечено, что большинство государственных служащих стремится занять более высокие должности государственной службы. На это обратили внимание 55,4% экспертов.

Около трёх четвертых экспертов подтвердили наличие случаев стремительного продвижения отдельных работников по службе. Однако это происходит не в связи с особыми заслугами и достоинствами этих служащих, а на основе их связей с руководством (52,3% ответов).

В государственных органах немало служащих, которые работают давно, но ни разу не повышались в должности. По мнению трети

экспертов (33,8% ответов), таких служащих много, а половина респондентов (49,2%) считает, что таких служащих немного. Среди причин отсутствия должностного продвижения этих служащих эксперты на первое место поставили отсутствие связей с «нужными» людьми (23,8%), на второе - отсутствие вакансий (20,0% ответов). На отсутствие передвижений по службе влияет также низкий уровень профессионализма, слабые результаты работы, неумение представить свои достижения.

Среди принципов продвижения по службе эксперты выделяют личные связи (43,1% ответов), сочетание профессионального и должностного роста (29,2% ответов) и заслуг и достоинств (21,5% ответов).

Важным этапом в изменении положения служащих является резерв кадров. О том, что такой резерв имеется, сообщили 72,3% экспертов. Основными формами подготовки резервистов, по их мнению, является участие в группах по подготовке важных документов (26,2% ответов), временное замещение должностей, на которые они готовятся, и направление в систему дополнительного профессионального образования. Незначительную роль эксперты отводят таким формам, как участие в работе нижестоящих организаций (9,2%) и подготовка докладов, рефератов по актуальным вопросам работы государственного органа. Это снижает качество подготовки резерва. Только 16,9% экспертов считают, что на вакантные должности назначаются, как правило, те, кто находился в резерве.

Среди барьеров, которые препятствуют должностному росту служащих, преобладает отсутствие близких связей с руководством (44,6% ответов) и отсутствие вакансий (33,8%). Незначительную роль в этом играет, по мнению экспертов, неготовность служащих преодолеть социокультурный барьер более высокой страты (4,6% ответов) и неготовность брать на себя более высокую ответственность (15,4%).

Среди факторов, которые в наибольшей мере способствуют успешному карьерному продвижению в государственных органах, эксперты отдают приоритет все же личным заслугам и достоинствам (58,5% ответов), разветвленной структуре органа (46,2%) и материальным стимулам (большие различия в оплате труда по группам и категориям должностей - 36,9% ответов). Менее заметна роль новых кадровых технологий (20%) и эффективного стиля управления кадровым составом организации (24,6% ответов).

По мнению экспертов, государственные служащие ценят в должностном росте прежде всего достижение желаемой цели (40% ответов), деньги (36,9%) и ощущение власти (32,4%).

В числе факторов, которые в наибольшей мере повлияли на повышение в должности лиц, произошедших в государственных органах в последние годы, эксперты отдают предпочтение близким отношениям с руководством (44,6%), личному стремлению к должностному росту (38,5%), достигнутым успехам в работе (38,5%). Менее заметную роль играют знания, умения, навыки и способности, добросовестность, стаж службы (15-22% ответов).

Причиной застоя в должностной карьере некоторой части государственных служащих эксперты считают личностные факторы - нежелание брать на себя ответственность по более высоким должностям (60,0%), низкий уровень профессионализма (43,1%), размытость личных целей (41,5%). Меньшее значение на взгляды экспертов повлияли остановленное саморазвитие и недостаток творческого подхода, неумение влиять на людей, нарушение запретов и ограничений, субъективизм в выдвижении кадров и т.д.

На мобильность государственных служащих влияет также их уход со службы, в частности, переход их на более высокооплачиваемую работу вне службы (78,5% ответов). Причём, по мнению экспертов, лица, которых давно не повышали, могли бы быть более успешными, чем на государственной службе, в бизнесе (49,3% ответов). Менее им подходят сферы образования (23,8%), науки (20,0%) и медицины (4,6%).

В числе качеств, которые преобладают у тех, кого в последние годы выдвинули на более высокие должности, эксперты выделили умение ладить с людьми (72,3% ответов), организованность (47,7%). Меньшее значение эксперты придают честности, принципиальности, творчеству.

По мнению экспертов, стабильность статуса государственных служащих положительно влияет на их должностной рост: она способствует вполне - 16,9% ответов, скорее способствует, чем нет - 49,3%. Лишь 20% экспертов считает, что стабильность не способствует (6,2%) и скорее не способствует (13,8%) должностному росту.

Представляет интерес то, что часть экспертов (23,8%) сомневается в том, что выполнение должностного регламента учитывается при должностном продвижении служащих. Заслуживают внимания оценки экспертами конкурсов на вакантную должность. Мнения разделились почти поровну на тех, кто считает, что конкурсы обеспечивают, или скорее обеспечивают честную конкуренцию среди гражданских служащих (47,7% ответов) и кто полагает, что не обеспечивают, или скорее не обеспечивают (40,7%) такую конкуренцию.

Примерно такое же равенство взглядов экспертов наблюдается и по вопросу влияния родителей гражданских служащих на их карьеру: 49,3% экспертов считают, что родители влияют вполне, и скорее влияют, чем нет; 42,1% - о том, что родители не влияют, и скорее не влияют, чем да.

По мнению экспертов, среди государственных служащих много лиц, для которых важен успех в работе (58,5% ответов). Лишь 24,6% экспертов считают, что таких немного или единицы (10,7% ответов).

Мобильность государственных служащих во многом зависит от привлекательности тех или иных должностей. Так, высшие и главные должности, по мнению экспертов, привлекают властью (50,7%), высоким доходом (49,3%), содержательностью работы (41,5%). Иные ценности преобладают в оценке «средних» (ведущих и старших должностей) - удовлетворительный доход (47,7%), возможность карьеры (44,6%), невысокая ответственность (38,3%). В то же время служащих не очень привлекает в должностях хорошие условия труда, наличие свободного времени, возможность влиять на политику государственного органа.

Представляет интерес оценка материального положения лиц, занимающих «средние» (ведущие, старшие) должности. Лишь 6,2% экспертов считают, что они могут себе позволить достаточно дорогостоящие вещи (квартиру, дачу, машину и т.д.); 61,5% респондентов полагают, что «эти вещи им не доступны, но они хорошо питаются и одеваются». При этом пятая часть экспертов (20% ответов) считают, что государственные служащие «еле сводят концы с концами. Денег не хватает на питание, хорошую одежду». В исследовании особо выделены «средние (ведущие, старшие) должности, поскольку лица, занимающие эти должности, должны быть заинтересованы в продвижении по службе. Среди них, по мнению экспертов, больше тех, кто не удовлетворен и скорее не удовлетворен, своим положением (46,2% ответов), чем тех, кто удовлетворен вполне и скорее удовлетворены, чем нет (36,9%). Эта неудовлетворенность побуждает стремление к дальнейшей карьере. Оптимистично и скорее оптимистично, чем нет смотрят, по мнению 64,6% экспертов, на свою карьеру лица, занимающие «средние» должности, против 24,6% экспертов, которые оценили их взгляды пессимистическими.

В то же время 43,1% экспертов считают, что лица, занимающие «средние» должности, не владеют или скорее не владеют, методами самопрезентации, а 46,1% экспертов полагают, что эти лица владеют

данными методами. Среди методов самопрезентации эксперты выделили участие в важных проектах, решение перспективных задач, овладение частью умений и навыков, необходимых для освоения более высокой должности. Меньшее значение придается написанию рефератов, статей, брошюр (4,6%), участию в конкурсах (10,8%), выступлениям на семинарах, совещаниях (30,8%).

Пребывание в должности влияет на имидж служащего, в частности, на его уверенность в своей успешности. По мнению 69,2% экспертов, таких людей на государственной службе мало и скорее немного. Среди них служащих, которые имеют имидж успешного и уверенного в себе человека, больше всего тех, кто занимает высшие и главные должности.

В государственных органах повышение в должности тех или иных лиц может влиять на морально-психологический климат в коллективе. В частности, 70,7% экспертов считают, что в государственных органах распространена зависть к тем, кого повысили в должности.

Особое значение в мобильности государственных служащих играют личные связи с руководящими работниками. По мнению 73,8% экспертов, вышестоящие руководители государственных органов в основном получили свои должности благодаря связям с «нужными» людьми, и лишь по мнению 9,2% респондентов - благодаря новаторству, инициативе. При этом эксперты лояльно относятся к личным связям с влиятельными людьми. 67,7% экспертов рассматривает эти связи как ресурс карьеры, который следует устанавливать и укреплять, а 23,1% - как средство планирования и развития карьеры. Лишь 1,5% считают эти связи как недостойное средство, которое следует осудить.

Таким образом, должностной рост государственных гражданских служащих является одной из важнейших форм их социальной мобильности. Реализация права и возможности должностного роста зависит от многих обстоятельств. В то же время следует создавать больше возможностей для продвижения по службе в соответствии с личными достоинствами и заслугами государственных служащих.

Кокорева М.Е.

*Аспирантка 2 курса кафедры
социологии. Центр патологии речи и нейрореабилитации,
специалист социальной работы.*

Социокультурные аспекты реабилитации инвалидов в России.

Одним из важных направлений социальной интеграции людей в современном Российском обществе является проблема реабилитации и адаптации индивидов, перенесших инсульт головного мозга и вследствие этого заболевания получивших инвалидность .

Учитывая большой удельный вес такого заболевания, как инсульт в структуре заболеваемости, инвалидизации и смертности населения не только в России, но и во всем мире, особую значимость приобретает оказание различных видов реабилитации и адаптации индивидам, перенесших инсульт головного мозга, позволяющих вернуть, их к труду и полноценной жизни.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в Российской Федерации ежегодно регистрируется 500-550 тыс. больных с инсультом, из которых треть (30%) - это люди трудоспособного возраста. В структуре общей смертности населения, тяжести последствий и инвалидизации, очаговые поражения головного мозга занимают одно из первых мест. Смертность после перенесенного инсульта достигает в России 30 – 40% . Из оставшихся в живых возвращается к труду лишь каждый десятый пациент (10 – 15 %), в то время как становятся инвалидами –70 - 80 % . [1]

Инвалидность как медико - социальное понятие является одним из показателей здоровья любого общества. Указанные аспекты отражены в Конвенции по правам человека, Федеральном законе «Об охране здоровья граждан в РФ». Согласно Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты». [2]

Одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации является социальная защита инвалидов, важнейшим направлением которой считается реабилитация и адаптация этой категории граждан в социум страны.

Проблеме реабилитации посвящены различные научные программы, разработанные Международными организациями – Экономический и социальный совет ООН, Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда (МОТ), А так же Международными неправительственными организациями такими, как Международная ассоциация

социального обеспечения, Международная федерация социальных работников и др. [3]

Официальное определение понятия реабилитация инвалидов дано в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» - Реабилитация инвалидов – система и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной и профессиональной деятельности. Реабилитация инвалидов направлена на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, в целях социальной адаптации инвалидов, достижения ими материальной независимости и их интеграции в общество. [2]

Основными видами реабилитации и адаптации инвалидов являются: медицинская, социально-средовая, профессионально-трудовая и психолого-педагогическая.

Реабилитация больных и инвалидов, перенесших инсульт головного мозга, представляет актуальную медико - социальную проблему в связи с увеличением численности лиц с данной патологией, а особенно лиц трудоспособного возраста. В зависимости от типа, инсульт проявляется в нарушении памяти, психики, чувствительности и движений, речи и слуха.

Главными составляющими в лечении, реабилитации и адаптации инсульта и его последствий являются: оказание медицинской помощи; качество диагностики; комплексная реабилитация. [4]

После проведения необходимой медицинской помощи, постинсультному больному необходимо проведение **системной, безотлагательной и, главное, комплексной реабилитации и адаптации** . Такая реабилитация возможна в специализированных центрах в форме стационара, например Государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр патологии речи и нейрореабилитации» Департамент здравоохранения (ГБУЗ «ЦПРН» ДЗМ)

Основные принципы реабилитации – это раннее начало восстановительных мероприятий, их систематичность и длительность. В процессе реабилитации больного после инсульта необходимо участие многих специалистов различного профиля, таких как невролог, терапевт, специалист социальной работы, массажист, логопед, врач по лечебной физкультуре, физиотерапевт, психолог и др.

Восстановление после инсульта делится на три периода: ранний восстановительный период реабилитации, который длится первые полгода после инсульта, поздний восстановительный период реабилитации, который длится от полугода до одного года, резидуальный период. Через год после инсульта продолжается восстановление речевых навыков, психологическая и социальная адаптация больных, перенесших инсульт. [5]

К ранней восстановительной реабилитации относятся: медицинская реабилитация, которая включает в себя комплекс медицинских мероприятий,

направленных на восстановление или компенсацию нарушенных или утраченных функций организма, приведших к инвалидности (восстановительное и санаторно-курортное лечение, профилактика осложнений), занятия лечебной физкультурой, «лечение положением», что означает особую укладку пораженных конечностей, занятия с логопедом, массаж, физиотерапия, иглорефлексотерапия. Так же в ранний восстановительный период больным очень часто требуется помощь психотерапевта, так как настроение у пациентов подавленное, многие не верят в успех терапии и реабилитационных мероприятий и отказываются участвовать в лечении.

В последующие периоды, в основном, осуществляется социальная и социокультурная реабилитация и адаптация больных, поддержание достигнутых результатов, так как у большинства больных с последствиями инсульта в той или иной мере наблюдается нарушение психологической и социальной адаптации, чему способствуют такие факторы, как выраженный двигательный и речевой дефицит, болевой синдром, потеря социального статуса. Наиболее важным принципом реабилитации больных после инсульта является участие самого больного, его близких и родных в процессе.

Социальная реабилитация подразделяется на социально—бытовую адаптацию, социально—средовую реабилитацию и профессионально-трудовую реабилитацию и адаптацию.

Так социально—бытовая адаптация включает: обучение пациента самообслуживанию; адаптационное обучение семьи пациента; обучение больного и инвалида пользованию техническими средствами реабилитации;

организация жизни пациента в быту (адаптация жилого помещения к потребностям больного и инвалида); обеспечение техническими средствами реабилитации (необходимые мероприятия для создания бытовой независимости пациента); технические средства реабилитации;

Особенностью социально—средовой реабилитации и адаптации является включение таких видов реабилитации, как: проведение социально-психологической и психологической реабилитации (психотерапия, психокоррекция, психологическое консультирование); осуществление психологической помощи семье (обучение жизненным навыкам, персональной безопасности, социальному общению, социальной независимости); содействие в решении личных проблем; консультирование по правовым вопросам; обучение навыкам проведения досуга и отдыха.

Продолжением двух предыдущих направлений является профессионально-трудовая реабилитация включающая: рекомендации о противопоказаниях и доступных условиях труда; профессиональная ориентация; профессиональное обучение или переобучение; содействие в трудоустройстве; технические средства реабилитации для профессионального обучения (переобучения) или труда.

Важным составляющим элементом реабилитационного процесса является социокультурная реабилитация, так как удовлетворяет потребность инвалидов в информации, в получении социальной помощи, культурных услуг, а также доступных видах творчества. Социокультурная реабилитация является социализирующим фактором, которая восстанавливает самооценку, приобщает людей к общению. [6]

Социокультурная реабилитация инвалидов реализуется с помощью досуговой терапии, которая формирует у него качества, позволяющие использовать различные формы и методы. Использование средств культуры и искусства способствует ускорению социальной интеграции инвалидов в общество и возрастанию их трудовой активности.

Формы и методы социокультурной реабилитации и адаптации многообразны. Методами социокультурной реабилитации и адаптации индивидов молодого и среднего возраста, имеющих инвалидность могут служить: игротерапия – направлена на психокоррекцию эмоционально-волевых нарушений; куклотерапия – направлена на укрепление психического здоровья и улучшения социальной адаптации; арт-терапия – направлена на развитие коммуникативности, повышение самооценки, уверенности в себе; музыкотерапия – направлена на создание условий для самовыражения; библиотерапия – это способ передачи необходимых моральных норм и правил; сказкотерапия – направлена на гармонизацию внутренней личностной коммуникации, познания себя; терапия природными материалами – направлена на снятие мышечного и психоэмоционального напряжения. [7]

Проблема лечения и реабилитации больных с ишемическим инсультом остается одной из наиболее актуальных и сложных в современной России. неврологии. Инвалидизация после инсульта составляет 3,2% на 100 000 населения, а к труду возвращается не более 20% больных, перенесших инсульт, причем 1/3 заболевших инсультом составляют люди трудоспособного возраста. [8]

Больные, пережившие инсульт, нуждаются в лечении и реабилитации в стационаре, а также в интенсивном домашнем уходе, многие испытывают трудности в социальной и социокультурной реабилитации. Современные методы реабилитации таких больных характеризуются ограниченной эффективностью, и многие из пациентов нуждаются до конца жизни в посторонней помощи. А значит, необходим поиск новых методов лечения и подходов к реабилитации, позволяющих снизить уровень инвалидизации и вернуть их к нормальному образу жизни. Тем более, что инсульт «молодеет» и часто поражает людей в трудоспособном возрасте, что существенно повышает расходы государства на лечение и реабилитацию.

Рост числа молодых инвалидов предполагает особенное внимание общества к каждому из них независимо от его возможностей (физических, психических и интеллектуальных), а также необходимость защищать права инвалидов.

Поэтому социокультурная реабилитация инвалидов является одной из актуальнейших проблем современной социальной работы, так как имеет ряд своих особенностей: формирование умений выбора инвалидом благоприятной среды для самореализации, приспособление к меняющимся условиям окружающей среды, активности в отношении своих жизненных проблем, оптимизма; освоения идеалов, ценностей и норм поведения, а также социальной роли в данном обществе.

Можно сделать вывод, что индивиды, пережившие инсульт и ставшие инвалидами, нуждаются в проведении разнообразных реабилитационных мероприятий, наблюдения невролога, опеке социальных органов, в частности специалистов социальной работы, заботе со стороны родных и близких. Только совместные усилия врачей, специалистов социальной работы, родных и близких позволят больным после инсульта восстановить полностью или частично нарушенные функции, социальную активность, иногда трудоспособность, улучшить качество жизни. А эффективности реабилитации может помочь совершенствование информации лечащих врачей, самих больных и их родных путем издания специальных материалов, видеокассет, компьютерных программ по профилактике повторных инсультов, поддержании здорового образа жизни, поэтапной реабилитации и адаптации к условиям повседневности, домашним условиям, в конкретном регионе, городе, другом населенном пункте и коллективам различного типа.

Список использованной литературы.

1. Аносов Н.Н. Инфаркт мозга. / Н.Н. Аносов., Б.С. Виленский Л.: «Медицина», 1978. - 255 с.
2. Федеральный закон от 24.11.95 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»
3. Мошняга В.П. Социальное развитие и социальная работа: Международный опыт М.2000 стр.206-215
4. Белова А.Н. Амбулаторная реабилитация больных с последствиям мозгового инсульта: дифференцированный подход / А.Н. Белова // Журн. неврол. и психиатр. 1996. — №1. - С. 88-94.
5. Боголюбов В.М. Медицинская реабилитация, т. 2. - Москва, 2007. - 632 с
6. Белова А.Н. Организация амбулаторной реабилитации неврологических больных / А.Н. Белова // Неврол. журн. 1996. - № 3. - С.36 - 39. Н.Белова А.Н. Нейрореабилитация [текст] / А.Н. Белова.- М.: «Антидор», 2000. - 568 с.
7. Социокультурная реабилитация инвалидов: метод. рекомендации / Мин. труда и соц. развития РФ, Рос. институт культурологии Мин. культуры РФ; под общей ред. В.И. Ломакина. - М.: РИК, 2002. - 144с.
8. Варакин Ю.Я. Профилактика инсультов / Ю.Я. Варакин // Мед. газета. - 1999.- № 29.- С. 8 9.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Башкирия,
Дагестан,
Якутия

Беляев М.А.

*аспирант РАНХиГС при Президенте РФ,
директор Агентства примирительных технологий Центра
ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе
Башкирского института социальных технологий*

Социально-политический мониторинг восприятия и профилактики экстремизма органами молодёжной политики

(на примере республики Башкортостан)

Противодействие экстремизму как одной из основных угроз национальной безопасности России возведено в ранг приоритетных направлений в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г¹. Президент Российской Федерации В. В. Путин Указом от 7 мая 2012 г. №602 «Об обеспечении межнационального согласия» постановил активизировать работы по недопущению проявлений экстремизма в стране в целях гармонизации межнациональных отношений и укрепления единства многонационального народа России².

В соответствии со статистикой, с 2003 г. по 2013 г. в Российской Федерации было зарегистрировано около 4000 преступлений экстремистской направленности. Вместе с тем число таких преступлений за последние четыре года, по данным Информационного Центра МВД России, увеличилось более чем в три раза, что свидетельствует об активизации представителей экстремистских движений и организаций на территории Российской Федерации.

Молодежь как демографическая группа общества находится в числе наиболее уязвимых для распространения экстремизма. Низкое качество жизни; отсутствие гарантий трудоустройства и стабильного благополучия; рассогласованность влияния агентов и институтов политической социализации – таковы основные факторы подверженности части молодежи экстремистским настроениям. В условиях экономического и социального кризиса, слабости политических институтов противодействия экстремизм активизируется.

Следует отметить, что экстремизм в самом общем виде характеризуется как приверженность крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила, однако среди наиболее опасных для социума и государства его разновидностей следует

1. <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610870>.

2. Сводный отчет ГИАЦ МВД России о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью. М., 2013.

выделять религиозный и политический. В последние десятилетия все более широкий размах приобретают такие экстремистские явления, которые происходят в определённых сферах общества или с определёнными субъектами деятельности.

Если рассматривать современную Россию, то наиболее распространёнными типами экстремизма, по нашему глубокому убеждению, являются: молодежный, национальный, конфессиональный и информационно-аналитический.

К основным причинам молодежного экстремизма нужно отнести: 1) кризис социально-политической и экономической системы; 2) пропаганду антиценностей массовой культурой; 3) деформацию системы индивидуальных ценностей.

Немаловажную роль играет и утрата семейных ценностей, для возрождения которых необходимы особые социально-политические технологии¹.

По мнению исследователя В.А. Диль, «... Молодежный экстремизм не только отражает все основные характеристики экстремизма, но и оказывается в некотором роде местом их сосредоточения. Именно для молодежи противопоставление себя прошлому и стремление построить новый мир характерно и нормально. Но молодежные экстремистские сообщества доводят эти стремления до крайности, извращая их, и именно это делает молодых людей наиболее опасными и непредсказуемыми носителями экстремистских идей»².

Национальный экстремизм отличает особое отношение к вопросу национальной идентичности и самоопределения. При этом экстремист становится частью большого и могущественного целого, обретая чувство уверенности и целостности, не замечая ее искусственного характера. Дело в том, что экстремистское сознание не только не способно, но и не стремится к адекватному пониманию действительности, поскольку это ослабило бы веру в «великую идею», поколебало незыблемость принципов и установок. В результате подобной слабой теоретической позиции национальный экстремизм не терпит инакомыслия, равно как и диалога. Для национального экстремизма также характерно стремление построить «новый мир», но этот мир будет формироваться не на основе новых ценностей или идей, а главным образом на основании национального признака.

1. Нигматуллина Т.А. Социально-политические технологии возрождения семьи в современных условиях: этнонациональный срез. М.: Этносоциум, 2013.

2. Диль В.А. Методологические проблемы изучения экстремизма/ В.А. Диль // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2013. – № 4 (30) 2013. Часть II. – С. 54–56.

Это делает идеи националистов наименее теоретически обоснованными. Поэтому они зачастую обращаются к мистическим учениям, в которых оговаривается выдающаяся мировая роль одной из наций. Так же, как и для остальных видов экстремизма, националистам свойственна массовизация сознания и отказ от собственной идентичности во благо единой идеологии. Кардинальным образом отличает национальные экстремистские сообщества от всех остальных не критическое принятие прошлого и активное использование исторических сведений и ценностей для подкрепления собственной позиции.

Конфессиональный экстремизм покоится не на попытках рациональных объяснений, как это происходит в национализме, и не на пропаганде новых ценностей, как в молодежном экстремизме, а на вере. Соответственно, так же, как и националисты, религиозные фанатики не стремятся разрушить имеющиеся ценности и мир до основания, более того, зачастую их полностью устраивает мир существующий, просто в него надо внести некоторые изменения. Эти изменения могут носить не только религиозный характер, но и социально-политический.

Информационно-аналитический экстремизм – это одновременно один из наиболее распространенных и наименее осмысленных и изученных сегодня видов. Подобная ситуация складывается по нескольким причинам. Во-первых, современный мир недооценивает опасность информационного экстремизма, считая, что прямые атаки (взрывы, захваты заложников и т.д.) являются большей угрозой человеку, чем радикальное информационное воздействие. Во-вторых, информационный экстремизм зачастую незаметен и источник его определить невозможно. В силу этого информационный экстремизм ставят в один ряд с пропагандой, PR-технологиями и другими формами речевого воздействия на аудиторию. Действительно, информационный экстремизм есть проявление речевого воздействия, но не исчерпывается им, соединяя в себе еще и характеристики экстремизма. Его можно назвать в некоторой степени подготовительной ступенью, предшествующей остальным видам экстремизма, что также усложняет его рассмотрение.

В соответствии с выделенными формами экстремистской деятельности нами была разработана анкета для оценки восприятия экстремистской деятельности органами власти и управления. Сформулированные вопросы носили адресный характер. Во-первых, были опрошены лишь представители государственных и муниципальных органов Республики Башкортостан в сфере молодежной политики. Во-вторых, данный опрос касался лишь руководителей этих органов.

Исследование проводилось 20 ноября 2013 года в рамках Республиканского форума по профилактике экстремизма в молодежной среде,

организаторами которого выступили Министерство молодежной политики и спорта Республики Башкортостан, Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан и Башкирский институт социальных технологий. Целью мероприятия была выработка методических рекомендаций по применению наиболее эффективных форм работы по профилактике экстремизма и терроризма.

Обсуждение вопросов профилактики экстремизма, формирования толерантных отношений происходило на следующих дискуссионных площадках: мирная сущность традиционных религий; информационное пространство: противостояние мировоззрений; технологии проведения работы по профилактике экстремизма на территории муниципалитета. Всего было опрошено 54 руководителя органов государственной и муниципальной власти по молодёжной политике Республики Башкортостан.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы:

Государственный и муниципальный аппарат так или иначе знаком и знает – по крайней мере, на теоретическом уровне – что собой представляет экстремизм (66%).

К основным причинам экстремизма были отнесены: целенаправленное «разжигание» представителями экстремистски-настроенных организаций националистической агрессии (34,4%); низкая правовая культура населения и недостаточная терпимость людей (15,6%); недостаточное количество центров досуга и специальных досуговых программ для детей подросткового возраста и взрослых (12,5%).

Среди наиболее приемлемых способов профилактики экстремизма названы: радикальные, допускающие ужесточение уголовной ответственности за экстремизм, недопущение создания и функционирования новых религиозных и национальных объединений, тотальную цензуру (75%).

При этом 71,8% респондентов считают проблему экстремизма для России актуальной.

62,5% опрошенных считают эту проблему актуальной и для Республики Башкортостан.

На муниципальном уровне об актуальности экстремизма заявили лишь 21,8% респондентов.

В итоге исследования были сделаны следующие практические рекомендации для органов молодёжной политики в Республике Башкортостан в сфере профилактики и нейтрализации экстремистских угроз:

- проводить целенаправленную, последовательную работу по консолидации политических сил, национально-культурных, культурных и религиозных организаций и сообществ в целях сохранения и упрочения международного мира и согласия;

- при решении экономических и политических проблем учитывать интересы всех проживающих этносов, опираясь на традиционную этноконфессиональную толерантность;

- принять меры по усилению внимания к вопросам подготовки кадров по работе с национальными диаспорами, общественными организациями, молодежью;

- активизировать укрепление связи с местными организациями различных землячеств и диаспор в городах и сельских районах;

- поддерживать инициативы молодежных отделений общественных объединений по проведению мероприятий, способствующих укреплению межэтнических и межконфессиональных отношений;

- совместно с Советом ректоров субъекта Федерации активизировать работу со студентами вузов;

- обеспечить действенный контроль за ситуацией в студенческих общежитиях вузов, стимулировать инициативы органов студенческого самоуправления общежитий по поддержанию дисциплины и правопорядка;

- разработать программы курсов повышения квалификации преподавателей государственных образовательных учреждений по вопросам межконфессиональных отношений, истории и культуры религиозного диалога;

- проводить научные мероприятия междисциплинарного характера по проблемам толерантности с опубликованием статей в средствах массовой информации, рассчитанных как на научную, так и на массовую аудиторию;

- осуществлять мониторинг общественного мнения, межконфессиональных отношений, деятельности политических, общественных и религиозных организаций с целью выявления кризисных ситуаций и выработки рекомендаций по их решению.

Не следует забывать и о том, что мотивационным каркасом экстремизма служит идеологический компонент. Наиболее распространенной идеологической основой современного экстремизма является крайне левая, которая оказывается связанной с националистской и религиозной идеологией. Националистская идеология в свою очередь опирается на «великодержавную» идеологическую основу, а религиозная – на фундаментализм. Крайне правая идеология меньше распространена среди экстремистских сообществ и чаще всего является вспомогательной к националистской идеологии. Идеология выполняет две основные функции в экстремистских сообществах: во-первых, позволяет оправдать насильственный характер их действий; во-вторых, за счет кажущейся высокой цели привлекает новых последователей. Можно говорить о том, что идеология является чем-то внешним, искусственно созданным для внешних наблюдателей, «лицом» той или иной экстремистской группировки. В результате сама

по себе идеологическая основа экстремизма не может до конца объяснить причины тех или иных действий экстремистов, так как, по сути, является идеальным объектом, не совпадающим с реальностью.

В своем первоначальном виде экстремизм был прерогативой очень ограниченных по численности групп людей, относивших себя к меньшинству, права которого угнетаются со стороны большинства. Этим объясняется наибольшее распространение таких форм экстремизма, как национальный и конфессиональный потому что конфликты на почве расовой и религиозной ненависти являются наиболее ожесточенными и неразборчивыми по выбору средств в достижении своих целей. Но в конце XX века ситуация резко изменилась. Экстремизм стал настолько распространен, что экстремистские группировки уже нельзя назвать угнетаемым меньшинством, их аргументации стали все более расплывчаты. Тем не менее, теоретически возможно выделить несколько видов целей: экстремизм как необходимость принудительной дипломатии, экстремизм как война за свои идеалы и экстремизм как предвестник нового миропорядка.

В первом случае – экстремизм как принудительная дипломатия – экстремизм воспринимается как возможность защищать слабые или малочисленные группировки, которым не дают возможность для отстаивания своих интересов законными путями. Фактически, это призыв к восстановлению справедливости и оправдание своих действий тем, что иных вариантов нет. Уровень насилия, используемый экстремистской группировкой, является строго ограниченным и соразмерным целям, поставленным перед ней. В результате экстремизм воспринимается как одна из форм вполне законного вида деятельности – дипломатии. Эта цель является наиболее древней и основополагающей, можно даже сказать, что она стала в каком-то смысле причиной возникновения первых экстремистских группировок. В современном мире она является чаще всего внешней, формальной.

Вторая цель – экстремизм как война за свои идеалы – является призывом к отстаиванию собственной индивидуальности и борьбе за самость, что достаточно привлекательно для молодого поколения, многие представители которого самовыражение считают одним из основных жизненных приоритетов. В отличие от предыдущего обоснования экстремизма, при использовании этой доктрины уровень насилия не ограничивается никакими рамками, так как чем больший ущерб будет нанесен оппонентам, тем большая появится свобода для самовыражения и тем больше людей сможет проповедовать те же идеалы, что и экстремисты. Таким образом, это обоснование является одним из самых популярных среди экстремистов и одновременно самым разрушительным по своим последствиям.

Третья цель – экстремизм как предвестник нового миропорядка – утверждает экстремизм как наиболее быстрый и прямой путь к изменению

существующей реальности и переходу в новую эпоху, в которой насилие будет недопустимым. То есть экстремизм – это временная и вынужденная мера для перехода в новое общество. Но для того чтобы построить новое общество, необходимо до основания разрушить все достижения предыдущего. Следовательно, оппонент и его позиция подлежат полному уничтожению. В результате экстремисты, использующие эту аргументацию для своих поступков, являются наиболее разрушительными.

Однако экстремизм не может существовать, опираясь лишь на подобные идеалистические цели. Они являются еще одним способом популяризации экстремистских убеждений и носят в большей степени характер идеологического воздействия на сознание рядовых членов экстремистских группировок. В действительности, цели экстремизма несравнимо практичнее и более легкодостижимы. В каком-то смысле они банальны – получение власти, материального благосостояния и т.д.

В результате можно выделить два основных уровня целеполагания экстремистского сознания – внешний и внутренний. Внешний соответствует идеологической основе экстремистской группировки. Внутренний отвечает или психологическим особенностям экстремиста, или его личным интересам. Исследовав эти уровни в каждом конкретном случае, можно выработать более эффективные средства противодействия деструктивному экстремизму, так как понимание истинных мотивов и целей позволяет предугадать психологию поведения экстремистского сообщества.

Некоторые исследователи выделяют специальные технологии усваивания экстремистских практик молодёжными сообществами. Так, Н.Б. Баль выделяет следующие:

- опосредованное медийное воздействие, формирующее у молодежи ценностные установки, способствующие принятию экстремистских идей.
- интернет-технологии, направленные на широкую пропаганду экстремистских воззрений;
- флэшмоб-технологии, практически не подпадающие под действие законодательства Российской Федерации.

Для предупреждения и противодействия экстремизму в молодежной среде необходимо проведение в жизнь стратегической линии государства посредством последовательной реализации приоритетных направлений политики: создания оптимальных условий эффективной социализации и развития потенциала молодого поколения; воспитания толерантного отношения молодежи к представителям других конфессий; активизации воспитательного потенциала всех институтов социализации молодежи; совершенствования инструментов социальной политики в сфере занятости и трудоустройства молодежи; определения методов и путей

эффективной социализации молодежи в культурно-досуговой сфере¹.

Вместе с тем нами предлагается ещё и метод медиации в нейтрализации экстремистских угроз. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» трактует понятие процедуры медиации следующим образом: «процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»

По нашему мнению, реализация указанного закона в сфере нейтрализации сепаратистских угроз может привести к уменьшению количества рассматриваемых политических процессов по территориальному отделению и выделению отдельных регионов, вытеснению неправомерных способов разрешения этнополитических конфликтов.

Необходимо отметить, что процедура медиации наиболее применима в случаях, когда:

1. Главными являются не политико-правовые претензии, связанные с прошлым, а будущие интересы партнеров по конфликту и возможность сохранения нормальных отношений в перспективе.

2. Речь идет о длительных, значимых территориальных отношениях.

3. На ситуацию оказывают сильное влияние этнические, культурные, идеологические отношения и эмоциональная сторона сепаратизма.

4. Имеют место сложные случаи, которые не могут быть разрешены в интересах обеих сторон.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что преимуществами федеративной медиации является то, что:

1. Процедура медиации не формализована.

2. Стороны в любое время могут вернуться к обсуждению любого вопроса, пока не будет найдено решение, а также продолжить или прекратить медиацию.

3. Процедура медиации начинается только тогда, когда обе стороны выразили согласие на урегулирование конфликта с помощью посредника.

4. В процессе переговоров стороны сами вырабатывают взаимоприемлемое и взаимовыгодное решение, которое полностью удовлетворит их потребности и интересы.

5. В процессе переговоров стороны решают не проблемы прошлого, а проблемы будущих взаимоотношений, в том числе и территориальных.

6. Медиация не нацелена на выяснение того, кто прав, а кто виноват в споре. Медиация нацелена на урегулирование территориального конфликта.

1. <http://www.ufabist.ru/Мы-против-экстремизма.html>.

7. Медиация позволяет экономить время, силы и средства при урегулировании конфликта.

8. Условия медиативного соглашения могут выходить за рамки правовых позиций сторон, если эти условия соответствуют интересам сторон и необходимы для урегулирования территориальных разногласий.

Необходимо помнить, что полностью экстремизм не устраним, на смену одним экстремистам придут другие, так как в основе экстремизма лежит такой глубоко укорененный в человеческой природе механизм, как ценностная состязательность. Это означает на практике необходимость постоянной готовности конструктивно подходить к данной проблеме. При этом следует помнить, что экстремисты всегда готовы перейти от слов к делу: их главная цель – навязать свои ценности всему обществу. Поэтому институтами, ответственными за противодействие экстремизму, являются не только органы власти и управления, но и семья, образование, культура и искусство, средства массовой информации, так как борьба с экстремизмом – это, прежде всего, отстаивание социальных ценностей.

Список литературы

1. Диль В.А. Методологические проблемы изучения экстремизма/ В.А.Диль // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2013. – № 4 (30) 2013.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
3. Сводный отчет ГИАЦ МВД России о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью. М., 2013.
4. Бааль Н.Б. Методы профилактики политического экстремизма молодежи // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. №1, 2012.
5. Нигматуллина Т.А. Социально-политические технологии возрождения семьи в современных условиях: этно-национальный срез. М.: Этносоциум. 2013.
6. Олифиренко Е.П. Молодежный экстремизм и возможные пути его преодоления // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов, 2011. №4 (45).

Аминов И.Р.

*кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права
Башкырского государственного университета*

Место и роль России в этнополитическом конфликте Украины

Этнополитические конфликты являются действительностью современного мирового порядка. Они вовлекают в различные формы противостояния не только элитарные сообщества, но гражданских людей, которые, как правило, оказываются «заложниками» стечения обстоятельств и становятся инструментом и объектом физического истребления. Ярким примером этнополитического конфликта, к которому обращено пристальное внимание мировой общественности, является трагедия, разворачивающаяся в восточной Украине.

Как отмечает исследователь Д.В. Сосновский: «Украинское государство представляло и представляет собой теперь довольно хрупкое и эклектичное образование, регионы которого сильно различаются между собой по этническим, культурным, религиозным признакам. Это становится очевидным не только во время проведения на Украине президентских и парламентских выборов, но и при любых резонансных политических событиях, возникающих в этой стране и вне её в тех случаях, когда затрагиваются её внутренние процессы. Текущий украинский кризис это демонстрирует с небывалой ясностью». И с этим действительно трудно не согласиться.

Этнополитическая разрозненность украинского общества имеет под собой реальные основания, обусловленные всем ходом исторического развития всей страны. И языковой сегмент здесь, по нашему мнению, не является ключевым. Так экс-президент Украины Л. Кучма в книге «Украина – не Россия» условно разделил государство на двенадцать исторических регионов: «Слобожанщина, Полесье, Среднее Поднепровье, Запорожье, Донбасс, Подолия, Причерноморье, Крым, Волынь, Галичина, Закарпатье и Буковина». Хотя в научном и обыденном сознании существуют и более упрощённая условная система разграничения Украины – на три (Запад, Центр, Восток) и два (Восток, Запад) исторических региона.

Вместе с тем, даже аргументация Украины, как двуязычного государства с поляризацией и диалектикой региональных интересов, хотя и является адекватной современному научному и обыденному восприятию, но не отражает всей глубинности сложившихся проблем в обществе. Более того, подобные суждения могут спровоцировать искажённое представление об украинской действительности и привести к поверхностным выводам. При изучении на-

ционального становления украинского государства становится понятным, что в её состав входят самобытные регионы, культурно и исторически тяготеющие к другим национальным анклавам, но говорить о несостоятельности украинской нации, всё же видится преждевременным.

Очевидно, что этнополитический конфликт в восточной Украине был спровоцирован государственным переворотом в стране, начавшемся ещё в конце 2013 года. И усиливается в последнее время даже вопреки легитимации власти в государстве.

С технической точки зрения этнополитический конфликт в восточной Украине протекал в двух стадиях. Первая стадия «Евромайдан» - поддержка оппозиции Западом, фактический бойкот высшей политической власти, отстранения от власти Президента Украины В. Януковича.

Необходимым условием для реализации первой стадии является создание параллельного центра власти в стране, формально возглавляемого официальными лидерами политической оппозиции. Главной функциональной задачей данного теневого центра власти должно стать непосредственное руководство ходом переворота, то есть именно лидеры данного оппозиционного властного центра должны официально стать во главе такого рода революционного движения в стране.

На Украине ныне действующий Президент страны П. Порошенко не выделялся среди других лидеров оппозиционных сил. Но воспользовавшись положением «вакуума власти» в государстве, в результате оппозиционной и финансовой поддержки добился «добровольной передачи» рычагов управления государством посредством выборной процедуры.

Вторая стадия «силовой диктат» - поддержка вновь избранной власти Западом, фактическое подавление оппозиционных сил в стране, насильственное наведение порядка на востоке и юго-востоке.

Очевидно, что подобные этнополитические конфликты могут наиболее полно и тотально осуществляться в развивающихся транзитных государствах, в которых имеется ряд объективных и субъективных обстоятельств, обуславливающих и стимулирующих развитие кризисной политической ситуации.

К таким факторам, учёный М. Погребинский, относит следующие базовые предпосылки возникновения кризисной ситуации:

- кризисная экономическая ситуация, при которой наблюдается сильный имущественный разрыв между бедными и богатыми;
- политическая слабость власти, постепенно теряющей контроль над общественно-политической и социально-экономической ситуацией в стране;
- существенный раскол в правящей элите, стимулирующий создание и развитие контрэлиты;
- сильная оппозиция, обладающая достаточной поддержкой общества, и

развитая система неправительственных организаций;

— утрата населением доверия к власти или же его относительно низкий уровень.

Основные предпосылки развития кризисной ситуации сопровождаются также следующими необходимыми условиями:

- резкое «сужение» социальной базы режима;
- утрата им статуса безусловной легитимности;
- наличие сформировавшейся оппозиционной политической и экономической элиты, которая в рамках существующей системы ощущает свою не востребованность;
- консолидированная поддержка оппозиции со стороны ведущих держав мира;
- зависимость правящей элиты от ведущих держав мира;
- доминирование анти властных настроений в столице и в других крупных городах страны;
- наличие у политических противников режима харизматичной личности, становящейся символом обновления.

Политическая практика украинских событий убедительно демонстрирует, что этнополитическая нестабильность дестабилизирует все основные общественно-политические и экономические процессы в стране, которые можно условно сгруппировать в следующие блоки:

Внутриполитические и экономические последствия:

- размытость политической ситуации, потеря в ближайшее время стратегических политических ориентиров;
- усиление центробежных тенденций, активизирующее сепаратистские настроения и латентный или явный раскол по региональному признаку;
- силовое преследование и геноцид в стране;
- переориентирование комплексных экономических приоритетов;
- передел собственности между элитными группами.

Внешнеполитические последствия:

- изменение геополитических ориентиров государства, что может нивелировать его деятельность в определенных международных союзах, сообществах и организациях;
- значительное ухудшение отношений со странами, которые ранее были основными стратегическими партнерами этого государства;
- попадание в зависимость от стран, оказавших внешнее содействие развитию этнополитической конфликтности в государстве.

Если рассматривать сценарии урегулирования этнополитического конфликта в восточной Украине, то имеется множество мнений по этому поводу. На наш взгляд, все позиции условно можно представить тремя сценариями:

1. Силовое истребление оппозиционных сил в восточной Украине. Этот сценарий реализуется на сегодняшний момент украинскими властями. Цель карательных операций заключается в тотальном уничтожении оппозиции в восточной Украине, которая воспринимается властями как сепаратистская и террористическая активность. Очевидно, что дальнейшая силовая политика в восточной Украине не позволит решить проблем, усугубит ситуацию в стране и в мире. Человеческие потери будут катастрофическими и будут только расти.

2. Конфедерализация Украины. Данный сценарий неприемлем для действующей украинской власти, ибо ставит под сомнение существование целостного украинского государства.

3. Федерализация Украины или её децентрализация с сохранением унитарного территориального устройства. Наиболее приемлемый сценарий на сегодняшний момент. Наделение дополнительными полномочиями отдельных регионов, по мнению некоторых учёных¹, позволит несколько сгладить противоречия центральных и региональных интересов и сохранить целостность страны.

Вместе с тем, для достижения этнополитического баланса на Украине необходимо исходить из следующих принципов:

— уважение к истории, традициям, культуре, языку и национальному достоинству всех народов, населяющих территорию государства;

— ответственность за сохранение исторически сложившегося государственного единства народов одного государства, целостности составляющих его национально-территориальных единиц;

— достижение и укрепление межнационального, межрелигиозного и межкультурного согласия, доверия и взаимопонимания;

— приоритет прав и свобод человека и гражданина независимо от этнонациональной и религиозной принадлежности и территории проживания, а также право народов на самоопределение на основе конституции государства;

— право личности на свободное этническое и религиозное самоопределение, реализуемое как право на выбор собственной культурной идентичности и право на удовлетворение интересов и запросов, связанных с этнической и религиозной принадлежностью;

— суверенитет и территориальная целостность государства, недопустимость вмешательства в его внутренние дела со стороны иностранных государств;

— равенство народов вне зависимости от их численности, формы национально-государственного устройства и типа расселения.

1. Сосновский Д.В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991-2014) / автор.дисс. ... кандидата политических наук : 23.00.04 [Место защиты: Моск. госуд. ун-т]. Москва, 2014. - 29 с.

Стоит особо отметить, что реализация того или иного сценария в урегулировании этнополитического конфликта носит весьма условно-теоретический, но вместе с тем, показательный отпечаток политической действительности. И любая интерпретация урегулирования конфликта будет иметь определённые последствия для всего мирового сообщества.

Роль и место России в урегулировании этнополитической напряжённости на Украине, на сегодняшний момент, явно нейтральна и носит формально-дипломатический характер. Тезисно её можно охарактеризовать следующими постулатами:

- признание целостности и самобытности украинского государства;
- прямое невмешательство во внутривнутриполитические дела Украины;
- признание легитимности действующей украинской власти;
- гуманитарная помощь украинцам, пострадавшим в военно-вооружённых столкновениях;
- поддержка и помощь беженцам из Украины, пересекших границу Российской Федерации;
- участие в переговорном процессе по урегулированию этнополитического конфликта на Украине.

Позиция России ярко демонстрируется в выступлениях Министра иностранных дел России С. Лаврова. Так С. Лавров в одном из своих выступлений отметил: «Мы не употребляли какие-либо термины - они могут быть самыми разными: это может быть федерация, в которой учтены права субъектов, может - формально унитарное государство, где власть настолько децентрализована, что иной федерации завидно будет. Повторю, мы исходим из того, что главная концептуальная основа сегодняшней встречи заключалась в том, что все участники приехали с пониманием необходимости послать сигнал всем украинским сторонам, что на них лежит ответственность за выход из нынешнего кризиса. Если они сядут и договорятся о количестве полномочий, которые будут оставлены регионам и которые будут переданы Центру, о том, как каждый регион может защитить свою культуру, историю и язык, как на территории каждого региона могут быть обеспечены равные права для меньшинств, тогда Украина будет сильным государством, которое мы все хотим видеть, будет тем связующим звеном, мостом между Западом и Востоком, который поможет существенно оздоровить атмосферу во всей Евро-Атлантике на основе уважения законных интересов всех расположенных в этом регионе государств... Теперь дело за киевскими властями, которые должны обеспечить инклюзивный, транспарентный и подотчетный конституционный процесс».

Таким образом, современная позиция России в отношении украинского кризиса выглядит следующим образом. С момента обострения конфликта

Москва выступала за сохранение территориальной целостности Украины и предоставление её регионам широкой автономии. С началом реализации плана насильственного уничтожения русско-язычного населения в стране она не отрицала возможность трансформационных изменений территориального устройства Украины, однако при условии полного волеизъявления её жителей¹.

Как отмечает исследователь И.А. Антонова: «Эволюция внешнеполитической концепции России связана, в первую очередь с меняющимися внешними условиями, мирополитическими трендами и текущими внутривосточными процессами. Такие события, как появление новой стратегической концепции НАТО, заявления о расширении Альянса на Восток, попытки США способствовать формированию однополярного мироустройства, проведение «гуманитарных интервенций» в обход Совета Безопасности и другие, достаточно быстро находили резонанс в позициях Москвы по ключевым мирополитическим вопросам. Кроме того, эволюция внешней политики России отражает процесс поисков ею места на мировой арене и в глобальном силовом поле»².

Так к моменту проведения референдума на Крымском полуострове позиция России заключалась в защите русско-язычного населения данного региона (которое преобладало в регионе), поскольку не были гарантированы их права и безопасность. Ввиду женевских переговоров по урегулированию этнополитического конфликта на востоке Украины о нормализации отношений между Киевом и Востоком страны Москва дала понять, что поддержит любое решение Киева, но при этом не будет его продвигать. В то же время Россия нейтрально относится к новоизбранной власти в Новороссии.

В заключении хотелось бы выделить ключевые особенности политики России в процессах урегулирования украинского конфликта. Во-первых, большинство практических действий Москвы являются ответом на реалии мировой политики и вызовы со стороны Запада, как правило, отрицательно реагирующего на предложения России. Во-вторых, для Кремля характерно периодическое использование влияния на региональном и глобальных уровнях в целях реализации российских национальных интересов. В-третьих, политика Москвы в украинском урегулировании не агрессивна, проявляется лишь жесткость позиции. В-четвертых, если до этого направлениям для практических действий России характерна комплексность и определенная усложненность ввиду сохранения баланса между Европой и США как особо важных для неё партнеров, то украинскому вектору

1. Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2003, с. 19.

2. Петров, М.Н. Механизмы государственных переворотов : ист.-теорет. исслед. / М. Н. Петров. -М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. – С217-228.

российской внешней политики временами присуща решительность и даже некоторая целенаправленность. В-пятых, именно украинский вектор и ситуация на её востоке в целом способствовали изменениям во внешнеполитической доктрине Москвы, вследствие чего проявился большой интерес и возросла ее роль также и в азиатском направлении. В-шестых, особенностью российской политики является периодическое применение ею весьма неожиданных методов, которые можно рассматривать в качестве альтернативы применению силы в целях отстаивания жесткой внешнеполитической позиции.

Список литературы

1. Сосновский Д.В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991-2014) / автор. дисс. ... кандидата политических наук : 23.00.04 [Место защиты: Моск. госуд. ун-т]. Москва, 2014.- 29 с.
2. Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2003, с. 19.
3. Петров, М.Н. Механизмы государственных переворотов : ист.-теорет. исслед. / М. Н. Петров. -М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. – С217-228.
4. Погребинский М. Оранжевая революция. - М.: издательство «Европа», 2005. – С. 56 с.
5. Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты. // Полис, 2006. - № 8. - С.57-66.
6. Ашрафи М.М. Глобализация и ее влияние на процесс этнизации в Исламской Республики Иран. –Тегеран, 2010. 250 с.
7. Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Миграционная политика через призму национальной безопасности федеративной государственности: страхи «по-российски» / Евразийский юридический журнал. 2014. № 1 (68). С. 166-168.
8. Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография / М. Ю. Зеленков. — М. : Юридический институт МИИТа, 2013. С.103.
9. <http://www.regnum.ru/news/polit/182.html>.
10. Антонова И.А. Интересы ведущих держав мира в регионе Восточного Средиземноморья: фактор конфликта на Кипре / Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Выпуск 5. Под ред. В.С.Ягья, М.Л.Лагутиной. – СПб.: СПбГУ, 2011. – с.135-144.
11. Аминов И.Р. Этнополитические основания региональных конфликтов в современной России: теоретико-методологический аспект / Правовое государство: Теория и практика. 2013. Т. 2. № 32. С. 138-143.

Совершенствование механизма обеспечения востребованности кадрового потенциала региона

В современных условиях, когда профессиональный и интеллектуальный потенциал человека становится главным стратегическим ресурсом развития экономической и социальной сфер российских регионов и страны в целом, особую актуальность приобретают проблемы формирования и рационального востребования кадрового потенциала. Значимость этих проблем усиливает то обстоятельство, что качество человеческого и кадрового потенциала российского общества пока еще находится на недостаточном уровне, хотя в мировом рейтинге по индексу человеческого развития Россия переместилась за прошедший год на 11 позиций – с 66 на 55 место [Устойчивое развитие, 2013. С. 181]. Поэтому подготовка квалифицированных кадров, обладающих современными знаниями и навыками их эффективного применения, нацеленных на постоянное развитие, восприятие и распространение инноваций, способных к активной профессиональной деятельности, должна рассматриваться как приоритетная задача регулирования кадровых процессов и отношений, обеспечивающих востребованность кадрового потенциала российских регионов. Решение этой задачи предполагает не только создание необходимых условий для человеческого развития и формирования кадрового потенциала, но и обеспечение возможностей для рационального востребования профессиональных знаний, опыта, способностей квалифицированных кадров, что зависит, в первую очередь, от согласованного и сбалансированного развития образования, производства и социальной сферы. Между тем, достижению подобного скоординированного развития, как на уровне отдельных регионов, так и страны в целом, препятствуют серьезные противоречия и диспропорции в сферах российского образования, науки и производства, причины которых носят системный макроэкономический и макросоциальный характер.

В настоящее время ученые особо отмечают такие негативные процессы, как падение уровня школьного и вузовского образования, невостребованность многих достижений российской науки [Богомолов, 2014]; массовый отток профессиональных кадров за рубеж: только за последние десять лет, не считая десяти предыдущих, страну покинули около 1,5 млн ученых и квалифицированных специалистов, занятых преимущественно в высокотехнологичном секторе (космические технологии,

прикладная и теоретическая физика, компьютерные и тонкие химические технологии, биохимия, микробиология, генетика, математика, программирование) [Рязанцев, 2013. С. 27-28]. Прямые потери и негативные последствия указанных процессов значительно подрывают основы формирования и востребованности кадрового потенциала российских регионов.

К числу отрицательных факторов относится также нарастающее в течение последних лет снижение профессионализма управленческих кадров всех уровней, что приводит к «посерению» управленческой профессиональной среды общества [Турчинов, 2012]. В результате отмечается недостаточная эффективность управления во всех сферах деятельности, включая органы государственного управления, в том числе регулирующих вопросы развития и востребования кадрового потенциала. Данные социологического исследования, проведенного учеными РАНХиГС, свидетельствуют, что в настоящее время подавляющее большинство экспертов – 64,7% – оценивают деятельность государства по формированию кадрового потенциала российского общества как малоэффективную или совсем неэффективную [Актуальные проблемы ..., 2012. С. 38]. По мнению экспертов, высоким уровнем профессионализма обладают лишь 19% высшего руководящего состава российских организаций; у 64,7% руководителей отмечен средний, а у 16,3% – низкий уровень профессионализма [Актуальные проблемы ..., 2012. С. 27]. Все это выступает причинами недостаточной эффективности управления, в том числе, в сфере формирования и развития кадрового потенциала, как общества в целом, так и отдельных российских регионов.

Все большую остроту приобретает проблема увеличивающегося разрыва между спросом работодателей на квалифицированные кадры по наиболее востребованным профессиям и направлениям деятельности и имеющимся предложением специалистов, которые выпускаются учреждениями сферы профессионального образования без должного учета реальных потребностей рынка труда. Для удовлетворения спроса на квалифицированные кадры оптимальным в современных условиях считается соотношение подготовленных специалистов по уровням высшего, среднего и начального профессионального образования в пропорции 1:3:5. В настоящее время в российских регионах, так же как и в целом по России, указанная пропорция не соблюдается. Например, по данным Министерства образования Московской области, фактическое соотношение выпускников высшего, среднего и начального профессионального образования составляет в регионе 1:1,7:1,2, что существенно отличается от оптимального. При этом средний процент трудоустройства выпускников профессиональных образовательных организаций

всех уровней, подведомственных Министерству образования области, составляет 43,2% [Образование Подмосковья], что отражает сохраняющийся разрыв между требованиями рынка труда, с одной стороны, содержанием и качеством профессиональной подготовки специалистов, с другой стороны.

Как следствие, в настоящее время среди российских безработных 17,4% имеют высшее профессиональное образование, а 38,9% безработных – среднее и начальное профессиональное образование; при этом почти половина безработных – 46,2% – составляют люди наиболее трудоспособного возраста от 25 до 45 лет [Россия в цифрах, 2014. С. 116]. В Московской области на долю безработных, имеющих высшее профессиональное образование, приходится 26,2%; а лица, имеющие среднее и начальное профессиональное образование, составляют 37,7% безработных области [Регионы России, 2013. С. 120]. Причем такие показатели фиксируются при постоянно растущем спросе на квалифицированные инженерные и рабочие кадры, что свидетельствует не только о наличии серьезных проблем в сфере регулирования кадровых процессов, обеспечивающих востребованность кадрового потенциала, но и об отсутствии видимых попыток решения этих проблем, в частности, путем организации качественной взаимосвязи между рынком труда и рынком образовательных услуг.

В подобных условиях без комплексного подхода к изучению и решению вопросов формирования, развития и востребования кадрового потенциала в рамках единой государственной и региональной кадровой политики отдельных субъектов Федерации указанные проблемы будут только нарастать. Кроме того следует учитывать, что стратегия развития современного общества требует соответствующего кадрового обеспечения, что предопределяет необходимость разработки и реализации общенациональной и региональной кадровой политики с учетом долгосрочных социально-экономических целей. В связи с этим региональную кадровую политику следует рассматривать как стратегию по формированию, развитию и востребованию кадрового потенциала, способного обеспечить долгосрочное устойчивое развитие региона. Такая стратегия должна быть адекватна современным требованиям социального развития и управления, соответствовать потребностям социально-экономического развития региона, отражать новые идеи и приоритеты, содержать новые принципы, методы и технологии регулирования кадровых процессов с учетом достижений современной науки и лучших управленческих практик. При подобном подходе региональная кадровая политика выступает необходимым условием обеспечения востребованности кадрового потенциала региона, то есть достижения таких

характеристик кадровых процессов и отношений, при которых создаются условия для удовлетворения спроса на квалифицированные кадры со стороны предприятий и организаций региона, а также для реализации профессиональных знаний, навыков, опыта работников, их личностных качеств, возможностей и стремления к социально-профессиональной самореализации.

Конкретизируя стратегию государства в сфере воспроизводства и востребования кадрового потенциала, региональная кадровая политика осуществляется с учетом имеющихся в регионе возможностей и потребностей развития профессиональных кадров, а также национальных особенностей, специфики социально-этнических отношений, уровня социально-экономического развития региона. Хотя официально государственная кадровая политика Российской Федерации не принята, в программных документах последних лет (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года; Указы Президента РФ и т.д.) достаточно четко обозначена современная роль кадрового потенциала в решении долгосрочных задач модернизации и инновационного развития, определены приоритеты в развитии человеческого потенциала, формы и направления востребования профессиональных кадров в различных сферах экономической и социальной деятельности. Поэтому концептуально региональная кадровая политика должна разрабатываться на базе этих документов, с учетом стратегии долгосрочного социально-экономического развития региона.

В ходе реализации региональной кадровой политики необходимо осуществлять регулирование процессов, связанных с формированием, развитием, рациональным использованием профессиональных кадров в интересах эффективного развития региона и создания необходимых условий для наиболее полного удовлетворения потребностей личности в социальной и профессиональной самореализации. В данном случае регулирование выступает как особый вид управленческой деятельности, основанный на упорядочении кадровых процессов и отношений, приведении их в соответствие с установленными нормами и правилами, принятыми целями и задачами региональной кадровой политики посредством целенаправленного сознательного воздействия на характеристики, направленность, структуру этих процессов. Такое воздействие осуществляется с использованием системы различных форм и методов кадровой и социальной работы, управленческих технологий и инструментов, институциональных средств, обеспечивающих достижение поставленных целей при эффективном взаимодействии объектов и

субъектов управления процессами формирования, развития и востребования профессиональных кадров. Данная совокупность институциональных средств, методов, технологий и инструментов регулирования кадровых процессов и отношений, обеспечивающих востребованность кадрового потенциала региона, используемых для управления процессами формирования, развития и востребования профессиональных кадров, представляет механизм обеспечения востребованности кадрового потенциала региона. В составе этого механизма должны быть выделены нормативно-правовые, финансово-экономические, социально-экономические, информационные, организационно-управленческие, научно-методические, профессионально-образовательные и другие компоненты, с помощью которых регулируются соответствующие кадровые процессы и отношения.

В качестве основных направлений и сфер регулирования процессов обеспечения востребованности кадрового потенциала региона в современных условиях необходимо рассматривать: социально-трудовые отношения; сферу человеческого развития; сферу образования; создание новых рабочих мест; регулирование регионального рынка труда; миграционные процессы; развитие социального и государственно-частного партнерства; развитие системы морально-нравственных ценностей и повышение трудовой мотивации не только профессиональных кадров, но и всего населения региона. При этом следует учитывать, что указанные направления регулирования кадровых процессов и отношений являются взаимосвязанными. И хотя в зависимости от региональной специфики приоритет в обеспечении востребованности кадрового потенциала региона могут получать те или иные направления, регулирование кадровых процессов и отношений должно охватывать все указанные направления, обеспечивая тем самым комплексный подход к совершенствованию механизма обеспечения востребованности кадрового потенциала региона.

Так, например, на состояние и востребованность кадрового потенциала Московской области существенное влияние оказывают миграционные процессы, связанные, прежде всего, с внешней трудовой миграцией. В последние 4-5 лет на территории области на миграционный учет ежегодно ставится около одного миллиона иностранных граждан, из них 90% приезжают с целью трудоустройства [Материалы УФМС МО]. Кроме того существует серьезная проблема незаконной трудовой миграции: по оценкам УФМС Московской области, каждый седьмой мигрант на территории Подмосковья является незаконно пребывающим, а каждый третий – незаконно работающим [Материалы УФМС МО].

Значительные и притом постоянно растущие масштабы трудовой миграции в Московскую область имеют очевидные негативные последствия, порождают ряд серьезных проблем экономического и социально-культурного характера. Наиболее явственно проблемы внешней трудовой миграции проявляются в социально-трудовой сфере. Основная масса трудовых мигрантов в Московской области заполняет не востребовавшие вакансии, не связанные с квалифицированной профессиональной деятельностью. Многие работодатели сознательно стремятся к найму иностранных рабочих, согласных на минимальную оплату труда, так как это позволяет значительно сократить издержки, снизить налоговые платежи и т.п. Однако занижение оплаты труда распространяется со временем и на местное население. Использование неквалифицированных работников из числа иностранных мигрантов приводит к постепенному снижению требований к качеству труда, профессиональным знаниям и навыкам работников, упрощению и снижению стандартов профессиональной деятельности. В результате происходит неизбежное размывание качественного состава профессиональных кадров, снижается общий уровень кадрового потенциала региона и общества в целом. Все это свидетельствует о назревшей необходимости решения на федеральном и региональном уровнях ряда конкретных задач, среди которых специалисты выделяют: совершенствование законодательной и нормативной базы правового регулирования внешней трудовой миграции; использование экономических методов регулирования численности иностранных работников; организационное обеспечение решения проблем в области внешней трудовой миграции [Магомедов, 2013].

Одной из отличительных особенностей регионального рынка труда Московской области является значительный объем маятниковой трудовой миграции. В настоящее время около 30% экономически активного населения области, преимущественно квалифицированные специалисты в различных сферах, трудоустраиваются в организациях Москвы. В результате, общие параметры качества кадрового потенциала области фиксируются как достаточно высокие, но применение профессиональных знаний, навыков и умений этих квалифицированных кадров происходит за пределами региона. Получается, что хотя данная часть кадрового потенциала области востребована, эти профессиональные кадры непосредственно не участвуют в социально-экономическом развитии области, поэтому являются, по сути, номинальной составляющей кадрового потенциала региона.

Таким образом, очевидна необходимость регулирования миграционных процессов в области с использованием новых подходов и инстру-

ментов, что выступает важным элементом совершенствования механизма обеспечения востребованности кадрового потенциала региона. При этом регулирование процессов в сфере трудовой миграции невозможно без регулирования других направлений обеспечения востребованности кадрового потенциала, включая создание новых рабочих мест, развитие социальной сферы, сферы образования.

Одно из центральных мест в совершенствовании механизма обеспечения востребованности кадрового потенциала региона занимает согласованное регулирование рынка труда и рынка образовательных услуг. Для достижения их устойчивого и эффективного взаимодействия целесообразно организовать формирование региональной базы вакансий и ресурсов на основе постоянного мониторинга потребностей предприятий области в специалистах, а также имеющейся ресурсной базы профессиональных кадров. Данные региональной базы вакансий на основе заявок работодателей позволят более обоснованно формировать заказ областной системе образования на подготовку профессиональных кадров.

Сближение регионального рынка труда и сферы образования требует более тесного взаимодействия учебных заведений и предприятий области, включая высокотехнологичные предприятия подмосковных наукоградов, по внедрению практико-ориентированных программ обучения, стажировки, производственной практики, школьной профориентации. Целесообразно также распространение практики целевой контрактной подготовки специалистов для предприятий федерального уровня на большую часть региональных предприятий по наиболее востребованным профессиональным группам для тех отраслей и сфер деятельности, которые определяют перспективное социально-экономическое развитие области.

Для обеспечения полноценного востребования кадрового потенциала региона необходимо организовать совместную деятельность территориальных государственных и муниципальных органов власти и управления, предприятий и организаций области. С этой целью предлагаем создание Общественного совета по кадровой политике при Губернаторе Московской области, в состав которого целесообразно включение руководителей региональных органов исполнительной власти и местного самоуправления, представителей предприятий и организаций области, профсоюзов и иных объединений работников и работодателей, местной общественности, ученых, экспертов, консультантов, что позволит координировать и контролировать деятельность всех участников, а также обеспечить широкое обсуждение стратегических планов, законопроектов и решений региональных государственных органов по вопросам

социально-трудовых отношений, кадровой политики и востребованности кадрового потенциала.

Результативное решение указанных задач может быть обеспечено на основе программно-целевых методов управления, в рамках разработки и реализации долгосрочной комплексной целевой региональной программы развития и востребования кадрового потенциала Московской области. Такой подход соответствует многоаспектному характеру решаемой проблемы формирования, развития и востребования кадрового потенциала, требующей единого комплексного механизма обеспечения востребованности кадрового потенциала региона.

Список литературы

1. Актуальные проблемы кадровой политики и управления персоналом предприятий, организаций и учреждений различных направлений деятельности форм собственности в Российской Федерации. Материалы социологического исследования (март-апрель 2012 г.) / Рук.: А.И. Турчинов, К.О. Магомедов. – М.: РАНХиГС, 2012. – 44 с.
2. Богомолов О.Т. Мораль в плане выгоды // Литературная газета. – 2014. – № 17 (6460), 30 апреля 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://lgz.ru/article/-17-6460-30-04-2014/moral-v-plane-vygody/>
3. Магомедов К.О. Проблемы миграции трудовых ресурсов в Российской Федерации // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 5 (117). – С. 52-59.
4. Материалы УФМС МО: О состоянии миграционной обстановки на территории Московской области. URL: <http://www.fmsmo.ru/>
5. Образование Подмосковья: Государственная программа Московской области «Образование Подмосковья на 2014-2018 гг.». URL: <http://mosreg.ru/dokumenty/gosudarstvennye-programmy/>
6. Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2014.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.
8. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 27-28.
9. Турчинов А.И. Государственное управление и государственная служба: проблемы теории и практики // Государственная служба. – 2012. – № 2. – С. 69-72.
10. Устойчивое развитие: вызовы РИО. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 год / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. – М.: ООО «РА ИЛЬФ», 2013.

Противоречия в терминологической системе теории текста

В свое время Н.Д. Андреев сформулировал 4 требования, которым должна удовлетворять лингвистическая теория, претендующая на формальное описание системы языка [Андреев 1977]. На его взгляд, в науке о языке накоплены многочисленные факты, свидетельствующие о наличии следующих противоречий:

- 1) язык одновременно оказывается синхронически стабильным и диахронически изменчивым;
- 2) язык одновременно выступает как социально обусловленная система и как индивидуально варьируемое отклонение от нее;
- 3) язык одновременно характеризуется структурной упорядоченностью единиц и вероятностной неопределенностью их выбора;
- 4) язык одновременно обладает синтагматической однозначностью составных единиц и парадигматической многозначностью их компонентов.

Таким образом, через призму симметрии / асимметрии как двух полюсов в языковой системе можно описать терминосистему теории текст.

Так, в процессе анализа выявлено, что в терминосистеме теории текста как симметрично-асимметричной системе, наблюдается стабильность в синхронии и изменчивость в диахронии.

Если в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой термин текст трактуется, как: 1. То же, что произведение речи. 2. Произведение речи, зафиксированное на письме. 3. То же, что корпус, то в «Стилистическом энциклопедическом словаре» текст предстает как многогранное явление.

Авторы словарной статьи «Текст» Е.А. Баженова и М.П. Котюрова указывают на то, что в семиотике текст рассматривается как осмысленная последовательность любых знаков, в соответствии с чем текстом считается и словесное произведение, и произведение музыки, и живописи, и архитектуры и т.п. В языкознании текст – это последовательность вербальных (словесных) знаков.

Если учесть, что в теории текста одно из приоритетных мест сегодня занимает коммуникативное направление, то это ставит нас перед фактом, что текст выходит во внешнюю среду, в широкий социокультурный аспект, оказываясь за рамками языковой системы. А это означает, что текст приобретает различные ипостаси:

- 1) выступает универсальной формой коммуникации, осуществляя речевое взаимодействие между автором и адресатом;
- 2) является речевым произведением, а не языковой единицей высшего уровня;
- 3) всегда имеет концепт – идею, отражающую авторский замысел и формирующую целостность произведения;
- 4) представляет собой речевую систему, свойственную определенной сфере общения;
- 5) всегда ориентирован на адресата (даже если им является сам автор);
- 6) несет информацию (смысл);
- 7) обладает прагматическим эффектом (эффектом воздействия) [См.: СЭСРЯ 2003: 530].

Как видим, появление коммуникативных исследований текста меняет не только взгляды на текст, что само по себе является закономерным, но меняется сама система терминов, обладающая относительной устойчивостью в отдельный момент своего развития, но подверженная изменениям в диахронном аспекте.

В этом плане показательна история становления теории художественного текста, развивавшейся на протяжении XX в. Так, в рамках стилистики В.В. Виноградов выделил символику и композицию. Символика по мнению В.В. Виноградова, изучает слова, фразы, застывшие формулы, цитаты, к композиции он относил «анализ принципов расположения слов, их организацию в синтаксические ряды, приемы сцепления и сопоставления синтаксических целых» [Виноградов 1980: 7] – именно то, что сегодня изучается коммуникативным синтаксисом, лингвистикой и стилистикой текста.

В 30-е годы XX в. В.В. Виноградов выделяет особую область знания – науку о языке литературных произведений, изучающую композиционные типы речи, их структурные отличия, что впоследствии, спустя полвека, станет объектом исследования стилистики текста, разрабатываемой В.В. Одинцовым.

В 40-50-е годы исследовалось соотношение лингвистического и литературоведческого анализа [См.: Винокур 1990: 127].

В 60-е годы М.Н. Кожина систематизировала специфические черты художественной речи, выделив особо художественно-образную речевую конкретизацию [См.: Кожина 1966].

Начиная с 60-х гг., усилился интерес к содержанию текста [См.: Борисова 1964: 42].

В 70-е годы в работах В.В. Виноградова и М.П. Брандес формируется концепция активной роли читателя, отвечающая современной парадигме

лингвистического знания, ориентированная на коммуникативно-деятельностный подход к тексту.

Как видим, в диахронном аспекте меняется сама система научных исследований и соответственно система терминов.

Несомненно вторым по значимости свойством терминологической системы является ее социальная обусловленность и индивидуальная варьируемость, прогнозирующая отклонения от системы. Это свойство отражается на уровне ядерной композиции системы, и обусловлено оно ситуациями, возникающими в процессе развития науки.

Если в 80-е годы XX века – в период, когда И.Р. Гальперин создавал свою известную книгу «Текст как объект лингвистического исследования» (1981), – важно было исследовать текст, его категории, онтологические признаки и конституэнты (единицы), то в начале XXI века на первый план выдвинулось изучение текстовой деятельности, которая лежит в основе общения между людьми. Если для И.Р. Гальперина важно осмыслить виды информации в тексте, такие категории, как: членимость текста, когезию, континуум, автосемантию отрезков текста, ретроспекцию и проспекцию в тексте, модальность текста, его интеграцию и завершенность, то Н.С. Болотнова – создатель коммуникативной лингвистики художественного текста – анализирует смысловую структуру текста, пытается вскрыть механизмы диалогичности текста.

И если для И.Р. Гальперина важно выявить исходные положения теории текста, которые в этот период зиждятся на структурных уровнях, и только с помощью этого понятия, как считает Э. Бенвенист, «удаётся правильно отразить такую существенную особенность языка, как его членораздельный характер и дискретность его элементов. Только понятие уровня поможет нам обнаружить во всей сложности форм своеобразии строения частей и целого» [Бенвенист 434], то в теории Н.С. Болотновой текст рассматривается не как уровень языка, а как единица культуры, которой присущи антропоцентричность, диалогический характер, деятельностная сущность и т.п.

То есть мы видим, что структуралистская парадигма 80-х годов XX века к началу XXI века сменяется в теории текста антропоцентричной парадигмой, что связано с изменением ситуации в обществе, когда под воздействием экстралингвистических факторов меняется и облик самой науки, и система ее терминов.

Аналогично, если рассмотреть стилистику текста, то мы увидим, что текст издавна был объектом стилистики. Основы теории текста были заложены в трудах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, М.М. Бахтина, однако в качестве особого направления стилистика текста оформляется гораздо позже – в последние десятилетия, когда в разви-

тии науки возникла особая ситуация – начала развиваться лингвистика текста, которая на пересечении с функциональной стилистикой создала условия для оформления стилистики текста как особого направления.

Сегодня стилистика текста – «одно из направлений стилистики, предметом изучения которого является целый текст и его (текстовые) единицы в стилистическом аспекте, а именно закономерности организации текста (речевого произведения) как содержательно-смыслового, композиционно-структурного и жанрового единства в зависимости от целей и задач общения, идейного содержания и функционально-стилевой принадлежности со всем комплексом его экстралингвистических факторов – для наилучшей его интерпретации» [СЭСРЯ 2003: 429].

Если социально обусловленные ситуации носят типичный характер, порождая типовые особенности терминосистемы, маркирующие ее детерминированность определенным периодом развития, то в индивидуальном плане терминосистема теории текста может обладать вариативностью. В частности, идиостиль того или иного ученого, занимающегося проблемами теории текста, несет на себе отпечаток его индивидуальности, его пристрастий, достижений в области науки.

Так, для М.Н. Кожинной характерна строгость, особо выверенная логическая доказательность, последовательность изложения. Обращает на себя внимание именно то, что она разграничивает понятия стилевой и стилистический, приводит четкую демаркационную линию между стилистикой ресурсов и функциональной стилистикой, лингвистикой текста и стилистикой текста и т.п.

Что касается идиостиля Н.С. Болотновой, то он отличается информационной насыщенностью, стремлением автора создать «плотные» блоки информации, которые позволят обозреть в ретроспективе, в настоящем и в перспективе всевозможные процессы развития теории текста. Она человек увлеченный, именно это позволяет ей создать оригинальную теорию коммуникативной лингвистики текста, в основе которой лежит опора на лексическую структуру текста.

Для идиостиля Л.А. Новикова характерны подробные комментарии художественного текста и детальное описание художественных средств.

Наряду с описанным выше свойствами стабильности терминосистемы в синхронии и изменчивости в диахронии, социальной обусловленности и индивидуально варьируемых отклонений от нее, следует отметить и такое свойство терминосистемы теории текста, как структурную упорядоченность и неопределенность выбора терминов.

Например, закономерным является использование таких многосоставных терминов, как: текстообразующие возможности лексических единиц, текстообразующие возможности предложений / высказываний,

текстообразующие возможности сложного синтаксического целого, но наряду с этим используется составной термин текстообразующие возможности «малых» текстовых единиц при отсутствии термина, обозначающего текстообразующие возможности «больших» единиц.

Используется термин смысловое развертывание текста, и возникает в связи с этим вопрос: «Возможно ли смысловое свертывание текста?» Если существует понятие уровни текста, то насколько оправданной при этом является терминологема подуровень текста?

Думается, что именно подобные противоречия являются одним из условий развития любой терминосистемы, в том числе терминосистемы теории текста.

Анализируя систему языка, В.А. Карпов выделяет и такое противоречие, свойственное ей – синтагматическая однозначность составных единиц и парадигматическая многозначность их компонентов. Данное противоречие, хотя и не в том объеме, как это описано у В.А. Карпова, применимо и к системе терминов.

Известно, что бо льшая часть терминов теории текста представлена не цельнооформленными терминами, а составными терминоединицами, включающими два и более слов. Именно это позволяет исследователю оперировать более точными понятиями, к которым относятся терминоединицы, включающие:

1) два слова: цельность текста, связность текста, текстовая категория, уровень текста, единица текста, интертекстуальный анализ и др.;

2) три слова: текстовая категория время, текстовая категория событие, смысловая структура текста, регулятивная структура текста, лексическая структура текста, объективные факторы текстообразования, субъективные факторы текстообразования;

3) четыре и более слов: смысловая микроструктура отдельного высказывания, поверхностный смысл фрагмента текста, глобальный концептуальный смысл текста, концептуальная картина мира автора, текстовые нормы формирования содержательного плана и др.

Многосоставные термины, включенные в предложения, однозначно характеризуют различные особенности текста. Если же компоненты этих терминов ввести в парадигмы, то они приобретают парадигматическую многозначность. Термин текст будет обозначать не только понятие лингвистики текста, но и выходить за пределы данной науки, функционируя в семиотике, искусстве, языкознании, литературоведении и т.п.

Компонент объективный используется не только в теории текста, но также и в философии, истории и др. науках. Кроме того, односоставные компоненты вступают в синонимические парадигмы, в которых каждый из компонентов получает дополнительные оттенки смысла, как бы «за-

прещающие» употребление подобных терминов в теории текста: объективный – правдивый, реальный; деятельность – работа, глубинный – глубокий, глубоководный; ориентация – направленность, направление.

Компонент сфера, входящий в составной термин сфера общения, в естественном языке имеет шесть значений [БТС 1998: 1294], что не дает возможности употреблять данную лексему как цельнооформленный термин.

Компонент упорядоченность, входящий в составной термин категория текста упорядоченность, в парадигматике также приобретает неоднозначность (упорядоченность – порядок, согласованность), что не дает возможности употреблять его вне связанного с ним словосочетания категория текста.

Таким образом, в терминосистеме теории текста существуют противоречия, которые служат основой для ее дальнейшего развития: 1) стабильность системы в синхронии и изменчивость в диахронии; 2) социальная обусловленность системы и наличие индивидуально варьируемых отклонений от нее; 3) структурная упорядоченность терминологии и неопределенность их выбора; 4) синтагматическая однозначность составных единиц и парадигматическая многозначность их компонентов.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 144с.; 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 144с.
2. Карпов В.А. Язык как система. Изд. 2-е, испр. – М.:Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
3. Кожина М. М. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь, 2002. – 325 с.
4. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. – Красноярск, 1988.
5. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учебн.: В 2 ч. – Ч.1. – М.:Издательский центр «Академия», 2002. – 544 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ Под ред. М.Н.Кожинной – М.:Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

Маклашова Е.Г.

Научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат политических наук

Осипова О.В.

Научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат политических наук

Место и роль этнической идентичности у молодежи (на примере арктических территорий Якутии)¹

Введение. В нашем исследовании мы обратимся к анализу места этнической идентичности в сознании молодежи. Этничность принято связывать с традиционностью. В современном мире её выводят за рамки публичности. Однако сегодня европейские страны находятся в состоянии «национальной (этнической)» революции, констатируя крах мультикультурализма. Российское государство построено на осознании мультикультурности страны и суверенитета многонационального народа. Национальная политика РФ имеет социально-культурные и политические механизмы реализации, отличные от Европы и США. В условиях глобализации и снижения уровня суверенности национальных государств важным является сохранение национально-гражданской сплоченности. На настоящий момент национальная (этническая) политика РФ имеет два параллельных тренда: сохранение этнического и культурного многообразия и формирование российского народа. Не оказывают ли новые механизмы нациестроительства отрицательное воздействие на этническую идентичность? В этой связи возникает вопрос, каково место этнической идентичности сегодня в обществе и главное, каково её значение для молодежи, как первичной группы ретрансляции нововведений? Каковы факторы этничности и каково их влияние на этническую идентичность молодежи?

Методология и методика. Охарактеризуем методологию нашего исследования. Говоря об этничности, мы придерживаемся мнения, что в современных условиях этот феномен относится к разряду конструируе-

1. Статья выполнена в рамках исследования по Гранту Президента Российской Федерации МК-3393.2013.6 «Арктика молодая: идентичность, жизненные стратегии молодежи Северной Якутии»

мых понятий. В этой связи используемая в статье методология базируется на воззрениях Б. Андерсона, Т. Лукмана и П. Бергера, В. Тишкова [1; 2; 8]. Основу работы составляет количественный метод социологического исследования – анкетирование.

Установление особенностей российской идентичности проведено среди молодежи в возрасте от 14 до 30 лет. Выделение молодежи в качестве контрольной группы обусловлено, прежде всего, значением этой категории в развитии общества.

Остроту исследованию придают политико-территориальные рамки, охватывающие три из пяти арктических районов Якутии, модельного объекта, являющегося территориальным, государственным образованием, сформированного, в том числе, на основе этнических признаков. Выделение и изучение этнической идентичности только в арктических районах Якутии обусловлено следующими особенностями:

географическими и природно-климатическими (арктические районы Якутии являются труднодоступными и удаленными от центра, с более суровыми природно-климатическими условиями);

политическими (районы имеют стратегическое значение как в экономическом и геополитическом плане, так и в сфере национальной безопасности);

административно-управленческими (данные три арктических района являются административными единицами Республики Саха (Якутия), в то же время законодательно отнесены к особой Арктической зоне Российской Федерации);

социальными (низкий уровень качества жизни при высоких транспортных расходах и розничных ценах, высокий уровень социальных проблем);

демографическими (низкая плотность заселения, высокий уровень миграции, высокая концентрация проживания представителей коренных малочисленных народов Севера (далее - кмнс)).

Таблица 1

Характеристика выборки, % *

	Усть-Янский район	Анабарский район	Аллаиховский район
Пол:			
мужской	45,1	47,1	43,1
женский	54,9	52,9	56,9
Возраст, лет:			
14-17	21,6	24,5	27,5
18-24	28,4	41,2	40,2
25-30	50,0	34,3	32,4
Национальность:			
русский	14,7	-	19,8
саха	55,9	32,7	38,6
кмнс	21,6	62,4	21,8
другой нац.	2,9	1,0	1,0
смешанной нац.	4,9	4,0	18,8
Образование:			
неполное среднее	19,4	16,7	19,6
среднее	32,7	18,8	20,6
нач. проф.	-	7,3	21,6
среднее спец.	14,3	22,9	18,6
неполное высшее	9,2	9,4	10,3
высшее	24,5	25,0	9,3
Семейное положение:			
холост	52,0	49,5	60,0
разведен	3,1	1,1	6,0
овдовевший	-	2,1	-
женат	37,8	38,9	27,0
гражданский брак	7,1	8,4	7,0
Социальный слой:			
очень бедные	7,3	2,1	6,6
бедные	10,4	11,6	17,6
ниже среднего	14,6	21,1	17,6
средний слой	35,4	31,6	26,4
выше среднего	19,8	21,1	18,7
богатые	12,5	12,6	13,2
Общее кол-во, чел.	102	102	102

*** Данные получены на основе самоидентификации респондентов**

Уровень этнической идентичности. Для понимания особенностей протекания этнических процессов приведем данные ВВП-2010, согласно которым: 1) в Усть-Янском районе численность населения - 8056 чел. (из них молодежь от 14 до 30 лет составляет около 22,6% населения), среди которых якутов - 3454, русских - 2176, эвенков (ламатов) - 1333, украинцев - 456, юкагиров - 94, эвенков - 81, татаров - 59 чел.; 2) в Анабарском районе - 3501 чел. (из них молодежь от 14 до 30 лет составляет около 28,4% населения), среди которых долганов - 1486, эвенков - 796, якутов - 756, эвенков (ламатов) - 225, русских - 130, украинцев - 33, юкагиров - 10 чел.; 3) в Аллаиховском районе - 3050 чел. (из них молодежь от 14 до 30 лет составляет 21,8% населения), среди которых якутов - 1191, русских - 968, эвенков - 612, юкагиров - 78, украинцев - 51, эвенков - 36, бурятов - 28 чел.

Г. Люббе пишет, что «Только через историю имеется доступ к идентичности субъектов ... Идентичность субъектов может быть изображена только с помощью их истории, поскольку эта идентичность, какова она сегодня, содержит больше того, что можно понять из анализа условий настоящего времени... Идентичность не является результатом действия. Она результат истории...»². Если обратиться к истории становления этнического самосознания в Якутии со времени вхождения Якутии в состав России, то можно найти разные интересные факты, так или иначе оставившие свой отпечаток на процессе идентификации коренного населения. Так, к примеру, в период становления Российской Федерации усиление этнического и национально-государственного дискурса в Якутии обусловило возрождение и развитие национальных культур, языков, традиций коренных народов Якутии, а также рост этнического самосознания коренного населения.

Предполагается, что сегодня в обществе актуальны те идентичности, которые уже имеют свою историю. Каково место, значение этнической принадлежности в процессе формирования молодого индивидуума? (см. табл. 2)

2. Итоги: Саха (Якутия) стат [Электронный ресурс] // Сайт Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РС(Я). - URL: <http://sakha.gks.ru>

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Выберите один из вариантов, который более всего соответствует Вашему мнению» (в %)

Ответ	Усть-Янский район	Анабарский района	Аллаиховский район	Итого по трем районам
Я редко задумываюсь, кто я по национальности	11	12	12,3	35,2
Я никогда не забываю, кто я по национальности	21,9	21,6	21,3	64,8

Данные табл. 2 свидетельствуют, что так или иначе около трети молодых редко думают о своей национальности, показывая тем самым, что этничность не значима в их обыденной жизни (этнически индифферентная группа). Но все-таки большинство из них (более 60% опрошенных) осознают свою национальность (группа с положительной этничностью). Причем такой уровень осознания имеется как у молодежи юного (от 14 до 17 лет), среднего (18-24 года), так и старшего возрастов (25-30 лет). Интересно то, что молодежь, которая обозначила себя как богатая и имеющая достаток выше среднего, редко задумывается над своей национальной принадлежностью, тогда как молодежь, живущая бедно и ниже среднего, помнит и осознает кто она по национальности.

Установлено, что молодые представители кмнс, русской и якутской национальностей в большинстве своем (60%) не забывают о своей национальной принадлежности, причем показатель большинства возрастает практически до 70% у представителей кмнс (69,5% опрошенных кмнс никогда не забывают о своей национальности).

В этой связи весьма закономерно рассмотреть, как же относится молодежь к поддержанию (пусть даже воображаемому) этнической групповости в обществе (см. табл. 3).

Таблица 3

Мнение молодежи о необходимости этнической групповости (в %)

Ответ	Усть-Янский район	Анабарский район	Аллаиховский район	Итого по трем районам
Современной человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальности	16,4	10,0	15,4	41,8
Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы	16,7	23,4	18,1	58,2

В данном вопросе, как мы видим, наблюдается некоторый дуализм, что особенно заметно в территориальном срезе. То есть чуть больше 50% опрошенных считают, что человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы, и более 46% (а в Усть-Янском районе вообще 49,5%) считают, что не обязательно чувствовать себя частью своей национальности. Исключением стал Анабарский район, где 70% высказались в пользу национальной групповости. Установлено, что возраст оказывает влияние на связь индивидуума с группой. Так с взрослением и переходом в старшую возрастную категорию для молодежи становится важной принадлежность к какой-либо группе, в данном случае для молодежи старшего возраста более важно осознавать себя частью национальной группы, нежели младшего. Ощущать себя частью своей национальной группы является важным, как оказалось, для лиц, живущих богато (68,6% опрошенных, определивших себя как богатые). В то же время для представителей, живущих, по их мнению, как очень бедно, чувствовать себя частью своей национальной группы не является важным (57,1% опрошенных из группы «очень бедные»). Этнический срез показал наличие большей приверженности к групповости у представителей кмнс, нежели у якутов, и менее всего у русских.

В анкете молодым лицам было предложено проранжировать утверждение «я горжусь своей национальностью» от 1 до 5 баллов, где 5 – «полностью согласен». В результате нами получено следующее: более 61,5% молодежи выразили полное согласие с этим утверждением. Отметим, что самый большой показатель среди трех исследуемых нами районов наблюдался в Аллаиховском, где 65% молодежи гордятся своей национальностью. Стоит заметить, что по результатам исследования этнической идентичности в Карелии, Татарстане, Якутии, проведенного Центром социологических исследований МГУ в 2005 г., высоким уровнем этнической идентичности характеризуется население Татарстана и Карелии, нежели Якутии¹. При анализе оценок наблюдается, что русские чаще, чем представители других этносов, ставили балл 5 – «полностью согласен» с данным утверждением (78,8% опрошенных русской национальностью). Тогда как среди якутов таковых оказалось 60%, среди представителей кмнс еще меньше – 57,3%. В результате сегодня среди молодежи, проживающей на Севере Якутии, мы установили наличие иной ситуации, нежели В. А. Прохода и В. В. Рязанцев при изучении этнической идентичности в Карелии, Татарстане, Якутии, согласно которым у русских, проживающих в Якутии, существует «негативная идентичность» (17,6%)². Наше исследование показывает, что русская молодежь в большем процентном отношении имеет позитивную этническую идентичность, чем молодежь кмнс (8,8%) и якутской национальности (4,8%) (данные по баллу 5).

Факторы этничности и политические интенции. Этническая идентичность – один из видов социальной идентичности, складывающихся под влиянием различных факторов. Этническая идентичность, исходя из эссенциалистских позиций, устанавливается с рождения и основана на социокультурном опыте. В этой связи важное значение для нас имело определение степени влияния тех или иных факторов на формирование этнической идентичности у молодежи.

На основании анкетного опроса установлены следующие факторы, формирующие этническую идентичность молодежи: 1) семья (35,5% опрошенных); 2) культура (21,5% опрошенных); 3) среда общения (12,6% опрошенных). Отсюда вытекает, что не оказывали или слабо влияли на становление этнического самосознания у молодежи СМИ и религия. Тем не менее взгляд через призму осознания индивидуумами своей этнической идентичности показал весьма интересные тренды. Так, этнически

1. Прохода В. А., Рязанцев В. В. Этническая идентичность населения республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/monitoring/83/s11-126_Jornal_Monitoring83.pdf, свободный (22.12.2013).

2. Прохода В.А., Рязанцев В.В. Этническая идентичность населения республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/monitoring/83/s11-126_Jornal_Monitoring83.pdf, свободный (22.12.2013).

индифферентная группа молодежи отметила такие существенные факторы, влияющие на осознание этничности, как семья и культура, а группа молодежи, трепетно относящаяся к своей этнической принадлежности, – семью, культуру, среду общения и образование.

Образование как фактор, оказавший влияние на осознание молодежью этнической принадлежности, – весьма интересный и важный факт. Причем, основное большинство отметивших его – это группа молодежи с положительной этничностью, что позволяет говорить о включении в систему влияния не только эссенциалистских факторов этничности, но и приемов конструирования.

Также стоит отметить, что 8,9% опрошенной молодежи указали, что не придают значение своей национальности, при этом основное большинство из таковых составила этнически индифферентная группа.

Важным считаем определение политических интенций молодежи. Так, в анкете был задан закрытый вопрос: «Какими способами, на Ваш, взгляд, Вы можете влиять на развитие событий в вашем районе?». Варианты ответов содержали как конструктивные, так и деструктивные способы отстаивания интересов. Анализ ответов выявил следующую лидирующую двойку: 1) участие в выборах; 2) участие в местном самоуправлении. На третьем и четвертом месте для этнически индифферентной молодежи среди продуктивных способов отстаивания своих интересов оказались СМИ и создание инициативных групп; для лиц с позитивными этническими чувствами – участие в МСУ, а также создание инициативных групп. Непопулярными способами влияния на развитие событий в районе или населенном пункте у молодежи стали: 1) голодовка; 2) создание и участие в оппозиционных организациях; 3) подписание коллективных писем; 4) бунт. Тем не менее четверть опрошенных (в обеих группах) затруднились дать какой-либо ответ.

Заключение. Социальное самочувствие молодежи – это показатель стабильности и преимущества социальных и культурных устоев в обществе, а также катализатор нововведений. Этническая идентичность в периферийных районах России, имеющих национально-государственный статус, остается одним из важных состояний для молодых лиц. Можно заключить, что этнические чувства и необходимость принадлежности к своей национальной группе присущи в большей степени представителям кмнс, в средней степени – якутам и в меньшей – русским. Однако русские больше других гордятся своей принадлежностью к русскому народу, в то же время в большей степени забывают, кто они по национальности, и в еще большей не считают важным ощущать себя частью своей национальной группы, нежели якуты и кмнс. У представителей кмнс наблюдается «перевернутый тренд», так, гордятся своей национальностью (отметили

балл 5) 57,3% представителей кмнс, никогда не забывают о своей национальности уже 69,5%, а считают необходимым ощущать себя частью национальной группы 70,5%. Якуты в этом сравнении занимают средние позиции. Такая ситуация обусловлена рядом причин и прежде всего сложившейся политико-правовой практикой. Так, русская национальность ассоциируется со всей территорией Российской Федерации, русские – это доминирующая, «скреповая» этническая группа российской государственности. Ей в большей степени свойственна некая диффузия и рассеянность в регионах, не являющихся исконной территорией проживания русского населения. А высокий уровень этничности у коренных народов Якутии поддерживается существующей политической практикой и культурной политикой России и региона, в частности. Можно также заметить, что чем численность этнической группы меньше, тем выше уровень осознания необходимости национальной сплоченности. Сегодня меньшинства (этнические) склонны к сближению и чувствуют потребность к отождествлению себя со своей группой.

Этничность является одним из факторов мобилизации и солидаризации отдельных групп общества. Данные о политических интенциях у молодежи периферийных территорий показывают отсутствие у неё деструктивных намерений в случае необходимости воздействия на события в районе или населенном пункте, несмотря на наличие низкой общественной оценки качества жизни на Севере Якутии¹.

Можно заметить, что в сознании молодежи сохраняются традиции структурирования общества, сложившиеся в советский период, когда этносы (нации и народы) рассматривались как важные «движущие» социальные группы. Но, несмотря на то, что этнические чувства у молодежи являются существенными при ориентации в российском социальном пространстве, на фоне процесса формирования и сплочения российской нации в молодежной среде приживается многомерная модель российской идентичности. В результате социологического исследования также установлено некоторое влияние образования на формирование этничности у молодежи. Можно заключить о необходимости проведения государством работ с молодежью именно и первично через сферу образования, дающую возможность развивать личность с созидательными положительными этническими чувствами и образами многозначной идентичности, установленной новой Стратегией государственной национальной политики России Федерации.

1. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Молодежь Арктики: миграционные намерения и социальные ожидания [Текст] // Journal of Siberian and Far Eastern Studies. – 2014. – Vol.10, July. – P.6-44.

Пристатейный библиографический список:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. - URL: [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/\(10.05.2014\)](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/(10.05.2014)).
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/p-berger-t-lukman-sotsialnoekonstruirovanie-realnosti> , свободный (01.06.2014).
3. Итоги: Саха (Якутия) стат [Электронный ресурс] // Сайт Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РС(Я). - URL: <http://sakha.gks.ru> (22.10.2013).
4. Люббе Г. Историческая идентичность. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/transitions/02_identitaet.htm, свободный (20.06.2014).
6. Маклашова Е.Г. Дискурс этничности в социально-политических публикациях (на материалах Республики Саха (Якутия)) [Текст] // Политическая лингвистика. -2013. -№ 3.- С. 114-120.
7. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Молодежь Арктики: миграционные намерения и социальные ожидания [Текст] // Journal of Siberian and Far Eastern Studies. - 2014.- Vol.10, July. - P.6-44.
8. Прохода В.А., Рязанцев В.В. Этническая идентичность населения республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/monitoring/83/s11-126_Jornal_Monitoring83.pdf, свободный (22.12.2013).
9. Тишков В.А. Российский народ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://valerytishkov.ru/engine/documents/rus_narod.pdf, свободный (01.07.2013).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Лондон,
Канада,
Франция,
Спорт

Славина Л.Р.,

*к.ф.н., Набережночелнинский филиал КФУ,
доцент кафедры иностранных языков*

Маклакова Е.М.,

*к.ф.н., Набережночелнинский филиал КФУ,
доцент кафедры иностранных языков*

Мустафина Л.Р.

*Набережночелнинский филиал КФУ,
старший преподаватель кафедры иностранных языков*

Обзор состояния двуязычного образования в западноевропейских и северо-американских странах (Из истории билингвального образования)

Сегодня в мультикультурном мире двуязычие и двуязычное образование стало не просто модной тенденцией а необходимостью в контексте принципиально новых возможностей кросс-культурного реального и виртуального общения. Мировой научной общественностью признается, что под влиянием миграционной политики даже одноязычные, монокультурные страны превращаются в сложные, многонациональные организмы. Кроме того, сокращение экономических политических, культурных границ, расширение деятельности транснациональных корпораций существенно видоизменяют представление о гражданстве, национальности и культурной идентичности недоминирующих культур. В контексте глобализации общества билингвальное образование приобретает особую актуальность. В работах Мустафиной Дж. подчеркивается, что «результаты социолингвистических исследований, направленных на... решение глобальных вопросов и поощрения толерантности, доказали основополагающую роль образования в достижении языковой политикой целей. Образование является главным средством, которое оказывает прямое и активное влияние на положение, престиж и развитие языка» [1, с.175]

Двуязычное образование стало очень популярным образовательным вариантом, но это не новое явление. По словам Льюис, двуязычному образованию несколько тысяч лет, оно, предшествовал даже появлению алфавита. Он же отмечает, что до начала христианской эры, три языка-доминанта аккадский, арамейский и греческий принесли с собой постоянное распространение двуязычия среди носителей менее значимых языков. [2] История показывает, функциональная мощь языка напрямую зависит

от поддержки таких институтов как: религия, образование, государство и профессиональная принадлежность. Вопрос об эффективности двуязычного образования шел еще в Римской империи, где дети элиты изучали некоторые предметы на греческом, в Западной Европе всего несколько веков назад латинский был языком науки.

Предметом основных дебатов западных экспертов в социолингвистике является вопрос об эффективности билингвального образования. Степень внедрения билингвального образования в западноевропейских и североамериканских странах зависит от общественного настроения и объемов финансирования в определенном регионе, а так же от конечной цели образовательной программы.

Хитер Лотерингтон считает, что образовательные программы с глубоким погружением, где не менее 50 процентов содержания учебных программ осуществляется посредством второго языка становятся все более популярны. Первые программы двуязычного погружения (с французским и английскими языками) были внедрены в детских садах Канады под давлением общественности, возглавляемым протестантскими лидерами города Сент-Ламберт. [3] В начале 1960-х годов, до 1969 объявления Акта об официальных языках (Official Languages Act, 1969) в Канаде, провинция Квебек находилась в состоянии высокой политической напряженности по вопросам языкового и культурного признания большинства франкоязычного населения. В области Монреаль, находящийся под влиянием франкоязычного населения, группа обеспокоенных родителей начала последовательное планирование, консалтинг и общественное лоббирование вопроса более эффективного применения французского в качестве второго языка преподавания. Родители считали, что дети должны иметь возможность стать «двуязычными» в рамках школьной системы. [3, С. 220] Было много оговорок и условий, однако, в конечном итоге была сформулирована экспериментальная программа. В образовательной системе провинции Квебек по принципу языка и религии были выделены французская католическая, французская протестантская, английская католическая и английская протестантская школы. Многие родители не хотят ставить под угрозу их культурные и религиозные особенности отправляя своих детей во французскую католическую или даже в «академически более слабую французскую протестантскую» школы. [3, С. 221] Но цель общественности состояла не в усложнении учебной программы дополнительными предметами, как, например, в школе Торонто, провинция Онтарио, где французский и русский были предложены обучающимся для получения дополнительной квалификации и степени бакалавра. Родители хотели, чтобы дети получили «нормальное» образование, с одним исключением - оно должно привести к двуязычию к концу начальной школы, без ущерба для родного языка» [3, С. 231]

Более радикальная программа, не имеющая аналогов во франкоговорящей Канаде, была предложена родителями протестантами города Сент-Ламберт. [4, С.11-16] Дети обучались франкоговорящим учителем только на французском языке вплоть до второго класса, с 3 класса в образовательный процесс включался английский язык с последовательным увеличением объема внедрения данного языка до 50% к 6 классу. Четыре десятилетия спустя, после успеха погружения во французский язык детский сад, экспериментально организованной для англоязычных детей в городе Сент-Ламберт в 1965 году, данная педагогическая модель была впервые описана как “погружение в языковую ванну” («immersion in a language bath»). [3, С. 225] Данный опыт распространился по всему миру, и метод обучения посредством «языкового погружения» предлагается в образовательных программах в Африке, Азии, Австралии, Европе, Северной Америке и Тихоокеанском регионе [4, С.11-16]. Однако, наряду с увеличением школ, предлагающих языковые курсы погружения на международном уровне, в Соединенных Штатах Америки появилось движение предлагающее запрет двуязычного образования в пользу “только английского” (“English only”). [6]

Согласно Гомбергеру, понятие «одна нация, один язык» предлагающее единение нации-государства (nation-state) на основе общего языка, возникла сравнительно недавно в истории человечества, после установления национальных государств в Европе и Америке в XVIII- XIXвв [5, С. 31]. В двадцатом веке, однако, это приводит к маргинализации идеологии под давлением глобализации, этнической фрагментации, международной торговли и наднациональных политических блоков. Кроме этого, произошло разгосударствление ряда крупных мировых языков, таких как английский, испанский и русский языки, которые были предназначены в качестве языков более широкого распространения информации. [2] Двуязычное образования коренится в политической идеологии, которая отвергает единообразие культурного видения и работает в направлении понимания различных культурных и языковых различий. Хотя двуязычное образование в целом оценивается как обогащающий образовательный процесс опыт, такой подход не является всеобщим мнением. Политика мультилингвизма учитывает весь спектр, от экономических выгод до политических угроз, и влияние социальной политики на общественное мнение. Ожидания от языковых компетенций и возможностей граждан, полученных в результате двуязычного образования, варьируются в широких пределах. Движение “только английский”, продвигающее идею детерминированной связи между языком, культурой и нацией, находит все больше сторонников в Соединенных Штатах. В рамках данной философии спасением американской культуры является английский язык, а другие

культуры и языки преподносятся как источники угрозы для политического единства [8]. Этноцентристский менталитет – это поддержка английского как глобального языка для целей бизнеса, межкультурного общения и погружения американской экономики в мировой финансовый рынок. В рамках этого политического климата, двуязычное образование приобретает полулегальную, требующую реанимации форму. Тем не менее, в Соединенных Штатах инновационные программы двуязычного образования, локально развиваются. В данном случае является показательным Ebopics. Используемый большинством афро-американцев Ebopics, или афро-американский диалект английского (AAVE) является признанным вариантом разговорного английского. Это разновидность языка была изучена социолингвистами; AAVE имеет грамматику, лексическую, фонетическую структуры и применим для логических рассуждений, как и любой другой язык. [10] Генезис AAVE обсуждается, но есть некоторые предположения, что его корни уходят в креольской [6]

Программа двуязычного образования «Эбоникс-Английский» была учреждена в Окленде, штат Калифорния в результате бурных дебатов в 1990-х годах. Лоббирующие эту программу видели во внедрении подобного билингвального образования возможность распространения среди афро-американского населения стандартного английского как параллельного Эбоникс, а не языка, который корректируется стандартным английским Другими словами, они считали, что привитие двуязычия будет способствовать грамотности и лингвистической дифференциации Эбоникс от стандартного американского английского. Оппозиция отказалась от признания Эбоникс. Некоторые считали, что их дети будут лишены возможности обучения на стандартном английском. [10] Несмотря на то, что дискуссии прошли в национальных и международных СМИ, с участием в общественных дебатах профессиональных ассоциаций, таких как Американская Ассоциация Прикладной Лингвистики (AAAL), Лингвистическое Общество Америки (LSA), и Teachers of English to Speakers of Other Languages (TESOL) отрицательное отношение большинства к данному вопросу не изменилось [9, С. 281-29]. В течение года, Калифорния перешла к свертыванию программ двуязычного образования [10]. Но не смотря на то что в Калифорнии двуязычное образование имело политически обусловленный запрет, в некоторых районах широко применяются такие языки, как испанский, кантонской и корейский.

Таким образом, язык кодирует и сигнализирует о культурной самобытности. Культурная идентификация современного человека – очень сложный феномен, где язык становится посредником личных, социальных, культурных и языковых пристрастий. Многие предлагают себя

как носителей двух и более культур. Контексты поддержки двуязычного образования бесконечно переменны. Микроконтекст отдельно взятой семьи, который может быть моноязыковым и монокультурным, моноязыковым, но бикультурным, биязыковым и бикультурным, а так же многокультурным, зависит от предпочтений и языковых компетенций семьи. Именно по этой причине, те, кто стремится защитить находящийся под угрозой исчезновения языковой капитал как общественных организаций, так и госструктур.

Список литературы:

1. Мустафина Дж. Функциональное развитие татарского языка и других региональных языков Российской Федерации и Европы в свете социолингвистической парадигмы. Наб. Челны: изд-во кам. гос. инж-экон. Акад. – 2012., -С. 175
2. Lewis, E. G. Bilingualism and bilingual education: the ancient world to the Renaissance. In J. A. Fishman(ed.), Bilingual education: an international sociological perspective: Rowley, MA: Newbury House, 1976-pp 15–200
3. Lambert, W. E. & Tucker, G. R. Bilingual education of children: the St. Lambert experiment. Rowley, MA: Newbury House, 1972- p.225 .
4. Swain, M. & Johnson, R. K. Immersion education: a category within bilingual education / R. K. Johnson & M. Swain (eds.), Immersion education: international perspectives Cambridge: Cambridge University Press, 1997 -pp. 11–16.
5. Hornberger, N. Multilingual language policies and the continua of bilit-eracy: an ecological approach. Language Policy, 1(1), 2001 pp 27–51.
6. Crawford, J. (1992) Hold your tongue: bilingualism and the politics of English only. Reading, MA: Addison-Wesley/ Lotherington, H. Bilingual Education in the Handbook of Applied Linguistics / Edited by Alan Davies and Catherine Elde: Blackwell Publishing Ltd, 1992
7. Lotherington, H. Bilingual Education in the Handbook of Applied Linguistics, 2004.
Edited by Alan Davies and Catherine Elder: Blackwell Publishing Ltd, 2004.
8. LoBianco, J. Officialising language: a discourse study of language politics in the United States. Unpublished doctoral dissertation, Australian National University, 2001
9. Murray, D. E. Whose “standard”? What the Ebonics debate tells us about language, power and pedagogy. In J. E. Alatis & A.-H. Tan (eds.), Georgetown round table on languages and linguistics: language in our time: Washington, DC: Georgetown University Press, 1999- pp 281-291
10. Schmid, C. L. The politics of language: conflict, identity, and cultural pluralism in comparative perspective. New York: Oxford University Press-2001.

Калинина О.В.

Аспирантка Кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета.

Роль природных образов в романе А. Макина «Реквием по Востоку»

Роман французского писателя русского происхождения Андрея Макина «Реквием по Востоку» (2000) продолжает темы, заявленные в романе, «Французское завещание» (Гонкуровская премия, 1995), и в центре повествования оказывается история России XX века. Поскольку Россия в творчестве А. Макина чаще всего представлена как начало природное, необходимо подробнее рассмотреть роль природных образов в романе, определить долю стереотипного и оригинального в трактовке природных констант.

Оппозиция Франции и России как цивилизации и природы возникает в интервью писателя, данном К. П. Балеевских: «Французы – это цивилизация, культурный фонд. До того как они родились, у них уже была греко-романская страта, христианство. У них было очень много фундамента, у их цивилизации. А мы где родились? В степи, в огромных просторах». Показательно, что эта мысль, прямо заявляемая в интервью, находит последовательное воплощение в творчестве А. Макина, где природа играет ключевую роль. В романах А.Макина присутствуют бескрайние степи, заснеженные просторы, одним из главных топосов является Сибирь, что позволяет некоторым исследователям расценивать подобные картины как стереотипные, вторичные. Например, Т.Толстая критично оценивает романы Макина, утверждая, что образ России, создаваемый писателем, схематичен, в значительной степени ориентируется на стереотипы западного читателя о нашей стране и воспроизводит их. Другие критики (Нина Назарова, А. Сильвестжак-Вжелаки, Г. Ю. Шишкина) соглашаются с наличием в романах Макина определенных констант образа России, но при этом отмечают рождение нового, оригинального взгляда. Так, Агата Сильвестжак-Вжелаки объясняет наличие общих мест тем, что автор нуждается в своеобразном «посреднике» между культурами, облегчающем понимание «другого»: «Для французского читателя эти *loci communes* <....> вводят экзотизм, который выполняет уточняющую функцию в повествовании. Речь идет о том, чтобы приблизить «другого» к себе»¹. А оригинальность А. Макина исследователь видит «в самом использовании моделей, существовавших в литературе»². Многочисленные упоминания полей и снежных просторов можно объяс-

1. Балеевских К.П. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва: А. Макина. Дис. канд. филол. н.: 10.02.19.- Ярославль, 2002. - С. 225.

2. Толстая Т.Н. Русский человек на randevу // Толстая Т.Н. День. М: Подкова, 2001. - С. 242-379.

нить стремлением предложить французскому читателю знакомое, понятное и в то же время передать «местный колорит». Попытаемся разобраться, что нового вносит писатель в изображении русской природы и каковы функции этих образов.

Роман состоит из нескольких сюжетных линий. Перед нами судьба Николая и Анны, отразившая события революции, гражданской войны, первых лет советской власти, жизнь их сына Павла и его жены, связанная с Великой Отечественной войной, и история героя-повествователя (сына Павла) и его возлюбленной, предлагающая взгляд как на советскую, так и на современную Россию.

Революция и первые годы советской власти предстают в романе как безумие, «весь этот новый порядок вещей – только помрачение рассудка, сходное с гримасами пьяницы»¹. История несет страдания и разрушения, и только природа помогает противостоять заблуждениям, дает силы верить, что жизнь вернется к простым истинам: «От прежнего счастья остались только эти несколько восходов солнца, этот холодный источник в углублении ущелья в день жатвы в летнем пекле, эта дорога, занесенная последней снежной бурей. Как и сейчас. Как всегда»². Жизнь в согласии с природой становится единственной дорогой к счастью, а пашня, холодная вода в источнике, хлеб, добытый в мучениях – основа жизни героев Макина.

В романе представлен 1928 год, странное и пугающее время организации колхозов, в описании которого звучат мотивы страха и сумасшествия. Николай знает, что нельзя никуда спрятаться от происходящего, но ему на помощь приходит природа, герой понимает, что все происходящее незначительно в сравнении с тем богатством, которым он обладает: «<...> сам воздух этого утра внезапно отделил его от пережитой минуты. Воздух был серым, легким. Ветер приносил влажную горечь веток, едва покрытых зеленью, и дыхание последних снегов, скрытых в лесах»³. Героя спасает способность за смутным настоящим видеть Россию вечную, природную, в ней черпать силы и уверенность. История увлекает погоней за ложными идеалами, опьяняет, ведет к безумию, истина, которую понимают герои, в противостоянии изменениям, в приверженности вечным ценностям любви, простоты, природы.

В период Великой Отечественной войны природа напоминает о другой жизни, вызывает горячее желание отстоять Родину, вернуть право на прекрасное, вечное, настоящее. А солнце дает надежду, которую жизнь на земле не может дать, поддерживает и помогает верить: «они обращали лицо к

1. Nazarova, Nina. Andreï Makine, deux facettes de son œuvre.- l'Harmattan, 2005, - 250 p.

2. Sylwestrzak-Wselaki, Agata. Andreï Makine: l'identité problématique. - Paris, l'Harmattan, 2010, - 260 p.

3. Шишкина Г.Ю. Русское начало в произведениях французских писателей XX века («Такая долгая дорога» А.Труайя, «Обещание на рассвете» Р.Гари, «Детство» Н.Саррот, «Французское завещание» А. Макина): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03: Воронеж, 2004. - 172 с.

рождению света, к надежде солнца»¹. Даже в трагические периоды истории герои черпают в окружающей природе опору и уверенность.

В сопоставлении с природой ярче проявляется абсурдность действий человека, возникает трагический контраст между сиюминутным и вечным, искусственным и естественным: «Эта спутанная трава, мягкая, наполненная ленивым жужжанием насекомых, трава радостного лета, которое продолжалось, словно ничего не было возле горящих изб, в которых кричали запертые люди»². На войне возникают моменты прозрения, отсылающие к откровению Андрея Болконского: «Взрыв снаряда уничтожил шум и среди этого молчания исчезнувшего мира он увидел себя взглядом внешним и очень далеким (как с неба, думал он позже) ... прекрасное зимнее солнце, которое сохранило то же сияющее равнодушие, как если бы не осталась больше никого этим декабрьским утром»³.

Описания природы у Макина часто наполнены и обонятельными, и слуховыми образами: это запахи снега, полей, цветов, жужжание насекомых, именно они воплощают для героев представление о родине, доме, счастье. Так, запах земли и коры рождает уверенность в близкой победе: «Солдаты выкопали землю и воткнули в яму недавно срубленный столб. Запах земли, смешанный с запахом коры, добавил странную нотку к надписи на узкой горизонтальной доске, которую они прибили на вершину столба: СССР». Воспоминание о подорожнике возле дома дарит Павлу чувство устойчивости, постоянства: «Среди всех запутанных траекторий, одна надежная точка, неизменная с его ухода – родной дом, листья подорожника возле деревянного крыльца, привычный скрип двери. Несмотря на все разрушенные города, несмотря на все смерти, спокойствие этого дома казалось нетронутым». Природа часто становится для героев защитой, единственной надежной опорой в тяжелые и страшные периоды, даже между боями герои слышат «стрекотание саранчи в траве между двумя линиями колючей проволоки»⁴, напоминавшее о жизни. Но война, как явление, противное природе, человечности, нарушает устойчивость. Во время освобождения лагеря, которое необходимо было совершить без единого выстрела и без гранат, появляется образ «неба, перевернутого взрывом»⁵, Макин говорит о «жестокости солнца»⁶. Когда же после войны Павел вернулся в родную деревню, разрушенную и оставленную, постоянство окружающей природы показалось ему страшным. «Настоящей пыткой было небо с его звездами, слегка затуманенными теплом, которые приковывали взгляд геометрией созвездий, изучен-

1. Sylwestrzak-Wselaki, Agata. Andrei Makine: l'identité problématique. - Paris, L'Harmattan, 2010, - P. 221.

2. Ibid, – P. 222.

3. Makine A. Requiem pour l'Est. France: Folio, 2010. - P.155.

4. Ibid, – P.165

5. Ibid, – P. 159.

6. Ibid, – P. 187.

ных в школе и с тех пор не изменившихся. Была в их матовом свете какая-то спокойная ложь, обещание, данное миллиардам и миллиардам просьб, никогда не исполненным¹. Павел был уверен, что жизнь не может продолжаться по-старому, он «ждал знака, изменения цвета неба, запаха воздуха. Но проходили недели, уже уверенные в их обычном ритме»². Нужно было «привыкать быть живым»³.

Чувство близости к природе, счастье простых мгновений, исконная жизнь – это было возможным только за пределами советского общества: отец и мать повествователя скрылись в Кавказских горах, отсрочив на некоторое время свой арест. Если советская реальность характеризуется атмосферой всеобщего страха, а тень хозяина империи, нависшая над страной, объединяет всех ее жителей, то в доме посреди Кавказских гор обладали привилегией не называть имени Сталина и были свободны от его культа. В сознании маленького ребенка этот дом вписан в картину мира, где жизнь протекает в согласии с природой, а люди, подобно языческим богам, наделены сверхъестественной силой. Это мир, в котором «все сливалось в ясном сплаве звуков, неба, родных лиц»⁴ и нельзя было различить, подчиняется человек законам вселенной или управляет ей: «Солнце заходило, и на пороге дома появлялся отец: радость от заходящего солнца была также радостью видеть этого человека, улыбающегося от того, что солнце возвращалось к нему, или, может быть, это возвращение отца заставляло солнце опускаться в ветви леса и покрывать медью свои лучи»⁵. Вынужденное бегство из этого гармоничного бытия и первое столкновение с реальностью стали поворотным моментом в жизни повествователя, этим объясняются постоянные мысленные возвращения в прошлое, к состоянию ребенка, изгнанного из рая.

А. Макин обращается к таким константам образа России, как безграничные просторы, степи и заснеженные поля, тем самым вписывая свой роман в традицию предшествующей литературы, поэтому интересно понаблюдать, как раскрывалась тема России и русской природы ранее, в чем А. Макин следует традиции, а где предлагает оригинальный взгляд на страну.

В докторской диссертации «Образ России во французской прозе XIX века» А. Р. Ощепков⁶ отмечает, что интерес к русской теме во Франции усиливается в конце XVIII–начале XIX вв. и одной из первых французских писательниц, обратившихся к образу России, была Софи-Ристо Коттен со своим романом «Елизавета, или сосланные в Сибирь» (1806). Россия в романе Коттен предстает огромной варварской страной, и в создании такого образа

1. Ibid. – P. 186.

2. Ibid, – P. 188.

3. Ibid, – P. 194.

4. Ibid. – P. 193.

5. Ibid, – P. 221.

6. Ibid, – P. 220.

большую роль играют описания суровой природы. Исследователь пишет: «Художественное время романа организовано таким образом, чтобы образ России ассоциировался в читательском сознании с холодом, мраком, грустью и безнадежностью»¹. Сибирь изображается как «бесплодная земля, над которой раскинулось затянутое тучами небо, край деспотизма и нищеты, в общем, могила» и в романе Аделаиды Шемен «Русский курьер, или Корнели де Жюсталь» (1806).

Обращение к теме русского холода, снега находим и у Стендаля, где снег становится знаком страдания: «Русский поход поссорил меня со снегом, не из-за того, что я сам подвергался опасности, но из-за отвратительного зрелища ужасных страданий и отсутствия жалости в людях. В Вильне дыры в стенах госпиталя затыкали кусками оледенелых трупов. Может ли при таких воспоминаниях вид снега показаться приятным?»².

Теофиль Готье в своем «Путешествии в Россию» большое внимание уделяет описанию зимней России, однако, как отмечает А. Р. Ощепков, Готье не рассматривает Россию «как царство тьмы, мрака, лютого мороза, имплицитно соотносимых с устойчивым мифом, существовавшим в то время в западном сознании о российском варварстве»³. «Снег, мороз, холод, зима для Готье не являются знаком враждебности, суровости, дикости русских: «Мороз – это наслаждение, опьянение свежестью, головокружение от снежной белизны»»⁴.

Россия Макина – в большей степени страна зимы. Далекая родина, эпоха детства и юности героя-повествователя связаны, прежде всего, с воспоминаниями о зиме, снегах, буране. Разглядывая альбом фотографий, герой мысленно переносится в Россию: «Было далекое существование нашей страны, этой усталой империи <...> Были эти запахи и этот дым зимой над деревнями; снега сёл, безмолвных в белом буране; лица, отмеченные забытыми войнами и ссылками без возвращения; ее история, где победный шум меди часто прерывался рыданиями <...> Были теряющиеся в этом снегу и кривых дорогах годы нашего детства и нашей юности, неразделимая пульсация радости и страдания, этот живой сплав, который называют родной землей». В этом фрагменте возникают не только визуальные, но и обонятельные, слуховые образы: «зимние запахи и дым» (*ses odeurs et ses fumées d'hiver*), «снега сёл, безмолвных в белом буране» (*les neiges de ses bourgades muettes sous les tempêtes blanches*), «победный звон меди» и «рыдания» (*le tintamarre victorieux, un saglot*). Россия для героя-повествователя – усталая страна, погруженная в молчание, её история – это войны и страдания, и тем не менее, это страна детства и юности, дарующая не только боль, но и радость.

1. Ibid, – P. 221.

2. Ibid, – P. 233.

3. Ibid, – P. 225.

4. Ibid, – P. 228.

В рассказе о детстве напарницы героя-повествователя тоже присутствуют образы зимнего дня, снега, замерзшего озера, заснеженного леса (*une journée d'hiver, une maison au bord d'un lac gelé, la forêt enneigée*). Уже потеряв возлюбленную, герой-повествователь обращается к её воспоминаниям: «Ты мне рассказала о доме на Севере России, где прошли первые годы твоего детства <...> Твоя мать умерла, когда тебе было три с половиной года. В качестве воспоминаний о ней ты сохранила этот зимний день с сонным кружением снежинок, лес, спящий под снегом, и озеро, которое еще не осмеливались переходить по слишком хрупкому льду, только что покрывшему коричневое пространство воды»¹. Зимняя природа в сознании героини связана с неспешной, неторопливой жизнью: «сонное кружение снежинок» (*la voltige sommeilleuse des flocons*), «лес, спящий под снегом» (*la forêt assoupie sous la neige*). Однако спокойствие это хрупкое, в нем есть тревожное предощущение будущего: не осмеливались переходить (*on n'osait pas encore traverser*), слишком хрупкий лед (*la glace trop fragile*).

Если в предшествующей литературной традиции можно выделить две линии в изображении русской зимы: отражение представлений о дикости, пустынности, варварстве, страданиях (Коттен, Шемен, Стендаль) и поэтическое изображение зимней России (Готье), то А. Макин предлагает свою трактовку этого образа. Для Макина зима, в первую очередь, это память о детстве, символ родины. И хотя в представленных картинах присутствуют тревожные нотки, но страдание, уравновешивается красотой, а тревога – спокойствием.

Кроме описаний русской зимы, в романе много картин бескрайних степей, что тоже является распространенным элементом образа России. Так, А. Р. Ощепков анализирует способы создания негативного образа России А. де Кюстином: «Знаком проклятости у Кюстина становится пустыньность. Пустынен Петербург с его огромными и безлюдными площадями. Пустынна и вся Россия с ее необъятными просторами»².

В отличие от А. де Кюстина, у А. Макина безграничные и необъятные степи поэтизируются, их описания сопровождаются светом, сиянием, солнцем. Мотив степей в наибольшей степени связан с образом француженки Саши, которая принимала участие в воспитании героя-повествователя. Например, длинный рассказ о семье мальчика Саша заканчивает летом, и в его воспоминаниях сохраняются не мрачные картины трагической жизни, а свет: «Это этот свет (*cette lumière*) был у меня перед глазами, когда я говорил безмолвно, повторяя для тебя слова Саши»³. Интересно, что образ француженки, прожившей долгую жизнь в России, гармонично вписывается в мир

1. Ibid, – P. 18.

2. Ibid, – P. 18-19.

3. Ощепков А.Р. Образ России во французской прозе XIX века. Дис... д-ра филол. наук: 10.01.03: Москва, 2011. - 410 с.

русской природы: «Ее молчание смешалось с необъятностью степи, окружающей нас, с молчанием неба, у которого была это густое сияние первых минут после захода» (*son silence se confondit avec l'immensité de la steppe qui nous entourait, avec le silence du ciel*). Можно заметить, что характеристики степей у Макина не несут негативной оценки: это необъятность (*l'immensité de la steppe*), безграничное пространство (*l'étendue sans limite*), бесконечная степь (*steppe infinie*), «волна света, парящая над степью» (*ce flot de lumière qui planait au-dessus de la steppe*).

В отличие от А. де Кюстина, который, обращаясь к оппозиции «природа–цивилизация», видит в России искусственность, А. Макин подчеркивает у своих героев близость к природе. Если для Кюстина, как пишет А. Р. Ощепков «в России многое не только иллюзорно, но неестественно, противоестественно и потому заслуживает порицания и осуждения»¹, то для Макина именно простота, естественность, «природность» становятся мерилем истинности.

Вопреки всем страданиям, выпавшим на долю России в XX веке, финал романа – это утверждение жизни. И символом жизни становится рождение ребенка в страшное военное время. «Ребенок родился под весенним солнцем, на огромном плаще под крышей навеса, который натянул у дороги офицер. <...> Когда крики юной матери затихли, было это мгновение молчания, застывшего в легкости весеннего неба, в запахе земли, нагретой солнцем, свежести последних снегов. <...> Это мгновение длилось за пределами человеческого времени, за пределами войны, над смертью. Не было еще никого в этой залитой солнцем пустоте, чтобы давать уроки истории, чтобы подсчитывать страдания, чтобы отделять тех, кто более достоин сочувствия, от других. <...> В этот миг было только молчание рядом с женщиной и ее ребенком <...> Был первый крик ребенка»². Молчание и крик новорожденного, весеннее солнце и свежесть снегов, чувство единения людей – все это выходит за пределы человеческих деяний, становится откровением, обретает символическое звучание.

Мы видим, что природа в жизни героев Макина имеет большое значение, она дарит спокойствие, напоминает о прошлом, становится символом

1. Цит по.: Ощепков А.Р. Образ России во французской прозе XIX века. - С. 80.

2. Стендаль. Рим, Неаполь и Флоренция. Собрание сочинений в 12 томах. - М.: Правда, 1978. - Т.9, - С. 49.

вечной России, противопоставляет страшной истории XX века. Природа выступает как некое мерило, позволяющее оценивать действия человека, происходящие события, саму историю. Уход от природы для А. Макина – уход от истины.

Природа часто становится единственным убежищем для героев, дорогой к счастью. Своей постоянностью она дарит надежду на возвращение к вечным истинам. Во время Великой Отечественной войны природа напоминает о мирной жизни, дает уверенность в победе и в то же время позволяет выявить абсурдность человеческих действий.

Представленные в романе природные образы отчасти вписаны в предшествующую традицию французской литературы о России, но выходят далеко за рамки стереотипов. Описания природы у А. Макина поэтичны и многообразны, включают в себя краски, запахи, звуки, обладают ярко выраженной ностальгической тональностью.

Список литературы

1. Балеевских К.П. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва: А. Макина. Дис. канд. филол. н.: 10.02.19.- Ярославль, 2002. - 229 с.
2. Ощепков А.Р. Образ России во французской прозе XIX века. Дис... д-ра филол. наук: 10.01.03: Москва, 2011. - 410 с.
3. Стендаль. Рим, Неаполь и Флоренция. Собрание сочинений в 12 томах. - М.: Правда, 1978. - Т.9, С.5-252.
4. Толстая Т.Н. Русский человек на randevу // Толстая Т.Н. День. М: Подкова, 2001. - С. 242-379.
5. Шишкина Г.Ю. Русское начало в произведениях французских писателей XX века («Такая долгая дорога» А.Труайя, «Обещание на рассвете» Р.Гари, «Детство» Н.Саррот, «Французское завещание» А. Макина): Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 : Воронеж, 2004. - 172 с.
6. Makine A. Requiem pour l'Est. France: Folio, 2010.
7. Nazarova, Nina. Andreï Makine, deux facettes de son œuvre.- l'Harmattan, 2005, - 250 p.
8. Sylwestrzak-Wselaki, Agata. Andreï Makine: l'identité problématique. - Paris, l'Harmattan, 2010, - 260 p.

Модели национальной идентичности в общественном дискурсе Канады: от прошлого к настоящему

«Страна, ищущая себя» – так можно озаглавить нашу историю» [3, р. 373], – писал в 1948 г. Роберт Эйр, известный канадский арт-критик. Действительно, отсутствие четких представлений о единой национальной идентичности и её постоянные поиски стали неотъемлемой частью жизни канадского общества. Канада все время сравнивала себя с моноязычными, монокультурными нациями, на фоне которых она всегда выглядела «другой», несоответствующей принятым канонам. Уже на ранних этапах своей истории Канадская Конфедерация столкнулась с тремя мощными угрозами становлению единого национального проекта. Во-первых, это глубокие противоречия, существующие между французской и английской Канадой, корни которых лежали как в исторически существовавшей враждебности между двумя нациями-основательницами, так и в глубоких различиях в сфере культуры, языка, религии, трудовой этики и т.д. Во-вторых, соседство на юге с обществом, которое превосходило канадское и по численности, и по экономическому развитию, и с самого начала угрожало канадской политической автономии и культурной самобытности. В-третьих, сильное чувство британского имперского единства и тесные духовные связи с Великобританией, характерные для англоговорящего большинства в Канаде.

Именно через причастность британскому миру Канада в лице её англоязычного большинства долгое время осмысливала свою идентичность. Однако в ее рамки плохо укладывались франкоканадцы, аборигенное население и иммигранты небританского происхождения, которые в большом количестве начали прибывать в страну с 1880-х гг. Имперская идентичность значительно повлияла и на раннее иммиграционное законодательство: желая оставаться страной севропейским населением, сохранить привилегированный статус народов, стоявших у истоков её истории, избежать распрей на расовой почве, которые наблюдались в США, Канада вводила ограничения на въезд представителей определенных народов. Политика же в отношении белых иммигрантов небританского происхождения была направлена на их ассимиляцию (anglo-conformity).

В годы, последовавшие за Второй мировой войной, в связи с ослаблением влияния Великобритании, укреплением международного и экономического положения Канады мы можем наблюдать, как постепенно разрушается миф,

согласно которому Канада представляла собой особую общность, чье единство основано на исторической связи с Великобританией. В десятилетие 1960-х гг. происходит процесс отказа англоканадцев от британской имперской идентичности и формирование своей собственной идентичности. Х. Игартуа, назвал этот процесс в своей одноименной книге «еще одной тихой революцией», по аналогии с событиями, имевшими место в Квебеке [См.: 6].

Самое активное участие в процессе построения новой общеканадской национальной идентичности – идентичности гражданского типа – на протяжении всей послевоенной истории Канады принимало государство. Именно в русле создания общего чувства гражданства, основанного на «общих правах и общем опыте в реализации этих прав» [1, с. 416], были приняты Акт о гражданстве 1947 г., Канадский билль о правах 1960 г., на федеральном уровне внедрялись различные программы социального обеспечения, а в 1965 г. был принят уникальный канадский флаг.

Одной из важных составных частей «нового национализма» (*new nationalism*), как именуют сегодня это явление в канадской историографии, стал билингвализм и идея двух наций-основательниц, союз которых привел к созданию великой и процветающей Канады. Должное внимание, уделявшееся в данном случае франкоканадской общности, объяснялось не только её значением для конструирования принципиально нового проекта общеканадской идентичности, но и необходимостью реагировать на «тихую революцию» и связанные с ней общественные изменения, охватившие Квебек.

Однако видению канадской идентичности как основанной на двух традициях – английской и французской – не суждено было просуществовать долго. И причиной тому стало стремительное превращение послевоенной Канады в поистине многонациональное государство. В ходе парламентских дебатов 1947 г. относительно иммиграционной политики У.Л.М. Кинг высказал следующую точку зрения: «Народ Канады не хочет, чтобы в результате массовой иммиграции наше население претерпело фундаментальные изменения в своем характере» [Cited in: 6, p. 57]. Однако рост потребностей послевоенной экономики в рабочей силе и новый международный статус Канады среди других стран мира диктовали свои условия: иммиграционное законодательство постепенно менялось, пока, наконец, в 1962 г. не был принят новый закон об иммиграции. Это привело к тому, что в Канаду в период 1945-1970-х гг. прибыло огромное количество людей из таких регионов, как Восточная Европа, Азия и Ближний Восток, которые в культурном и расовом плане отличались от канадцев британского происхождения. Если в 1962 г. 76% от общего числа иммигрантов прибывало из Европы, то к 1976 г. этот показатель снизился до 38%. В свою очередь доля иммигрантов из Азии и стран Карибского бассейна значительно возросла: с 10% в 1965-66 гг. до 23% в 1969-70 гг. К 1976 г. более 25% всех иммигрантов прибывало в Канаду из Азии [11, p. 354].

Все эти изменения, безусловно, не могли не повлиять на находящуюся в стадии становления национальную модель Канады, и очень скоро от нового национализма пришлось отказаться в пользу мультикультурализма. Начало процессу поворота к этой модели положила, как это ни странно, Королевская комиссия по вопросам двуязычия и двукультурности, которая была изначально создана для того, чтобы выработать рекомендации по укреплению «Канадской Конфедерации на основе равноправного партнерства между двумя нациями-основательницами», правда, «с учетом вклад других этнических групп в культурное обогащение Канады» [5, р. 5]. Реакция на работу этой комиссии со стороны различных этнических групп Канады, желавших быть услышанными, привела к тому, что отдельный 4-й том доклада Комиссии, вышедший в 1969 г., был озаглавлен: «Культурный вклад других этнических групп». К тому времени уже стало очевидным, что Канада нуждается в новой модели национальной идентичности, которая удовлетворяла бы всех членов её разноликого общества.

Основные положения новой политики мультикультурализма были сформулированы в известной речи премьер-министра Пьера Трюдо в Палате общин 8 октября 1971 г. Из выступления П. Трюдо следовало, что мультикультурализм через укрепление идентичности каждой личности будет развивать в людях уважение к идентичности других людей, готовность делиться своими идеями и ценностями и воспринимать чужие, тем самым предполагалось достигнуть неподдельное национальное единство [17, р. 54]. Тезис о необходимости сохранения и развития многокультурного наследия Канады вошел в Хартию прав и свобод 1982 г., а Канадский акт о мультикультурализме 1988 г. признал его фундаментальной характеристикой канадского общества.

Несмотря на законодательное закрепление мультикультурализма как основной характеристики общеканадской идентичности, идея о том, что канадская национальная идентичность не поддается определению, по-прежнему популярна, а Канаду и сегодня нередко называют «вечно неуверенной в себе» нацией. Как отмечает исследовательница Трейси Рэйни, «главный нарратив канадской идентичности состоит в том, что она слаба и хрупка и, если все же она существует в действительности, то представляет собой гражданский тип национальной идентичности» [12, р. 6]. Эта точка зрения была особенно актуальна в 1990-х гг., когда потерпели крах попытки продемонстрировать единство Канады по вопросу репатриации конституции, а Мичлейкское и Шарлоттануское соглашения и Квебекский референдум свидетельствовали о дезинтеграции страны. Отсутствие осязаемого и понятного единства все чаще приводило к идее о том, что «канадцы должны сосредоточить внимание не только на отдельных кусочках мозаики, но и на том клее, который держит их вместе» [17, р. 55].

К тому же, стоит отметить, что мультикультурализм как универсальная парадигма национальных отношений поддерживался и поддерживается далеко не всеми представителями канадского общества, и в первую очередь против него нередко выступают жители Квебека. Так, бывший лидер Квебекской партии Бернар Ландри в 2008 г. высказал в прессе следующую точку зрения: «Лично я убежден, что Квебек не мультикультурен и не должен таковым быть. Конституция Канады, которую мы никогда не подписывали, не должна применяться здесь. Ни одно из правительств Квебека не относилось с симпатией к мультикультурализму» [8].

В том же году представитель Квебекского блока Пьер Пакетт внес на рассмотрение парламента личный законопроект об исключении Квебека из сферы действия канадского Акта о мультикультурализме [4]. Необходимость данной меры обосновывалась сторонниками законопроекта главным образом потребностью Квебека в реализации собственной модели интеграции в общество вновь прибывших иммигрантов, которая отличалась бы от общеканадской модели и учитывала бы своеобразие квебекской нации. «Квебекская нация – это реальность, существование которой признается в Квебеке уже на протяжении длительного времени. ... Это реальность, которая прочувствована, прожита и признана квебекцами» [4], – подчеркивал в ходе своих парламентских выступлений П. Пакетт.

Мультикультурализм в рамках данной риторики рассматривался как прямая угроза франкоканадской национальной идентичности, как политика, которая несет в себе отрицание уникальности квебекской нации и нацелена на низведение данной общности до статуса «этнической группы», её нивелирование с другими группами в рамках мультикультурного канадского общества. Общим местом стало утверждение о том, что Пьер Трюдо принял официально мультикультурализм как политику по одной причине: чтобы изжить теорию двух наций-основательниц.

Более того, мультикультурализм, по мнению его франкоканадских критиков, и в целом выглядел несостоятельным в роли парадигмы национальных отношений в Канаде. «Идея канадского мультикультурализма отвергает все представления об общих ценностях и культуре, ... способствует созданию общества разнородных одиночеств. Каждый вновь прибывший, каждый иммигрант сохраняет свой язык, культуру и обычаи... Вместо того, чтобы использовать квебекскую модель и развивать единую культуру, единый язык и определенные общие ценности, она [идея мультикультурализма] поощряет сосуществование разнородных культур» [4], – отмечалось в ходе парламентских дискуссий.

Критики мультикультурализма, однако, встречаются не только в Квебеке. Негативное отношение к иммиграции и политике мультикультурализма начало отмечаться в опросах общественного мнения среди канадцев с конца

1980-х – начала 1990-х гг. Согласно опросу 1989 г., 61 % канадцев согласился с утверждением о необходимости проводить государственную политику по ассимиляции вновь прибывающих [17, р. 53].

«Ностальгия по монокультуре», столь заметная в общественном мнении канадцев в 2000-х гг., подсказывает, что гражданский тип национальной идентичности, построенный вокруг мультикультурализма, все же не дает канадцам желанного ощущения единства. По данным опроса в рамках International Social Science Programme, в 2004 г. значительное число канадцев считало, что для того, чтобы быть канадцем, необходимо говорить на одном из языков страны (67%), родиться в Канаде (50%), прожить большую часть жизни в Канаде (50%) и быть христианином (35%). По сравнению с аналогичными данными за 1995 г. отмечался значительный рост по каждому показателю (порядка 20% и более) [12, pp. 14-15]. Этот рост связан как с увеличением числа иммигрантов, ежегодно прибывающих в Канаду, так и с изменением географии иммиграции, вследствие чего традиционно многоликое канадское общество за последние два с половиной десятилетия стало еще более многоликим. Канадский журналист Джордж Джонас говорит и о новом типе прибывающих иммигрантов, отличающихся «сомнительной лояльностью». Дж. Джонас видит проблему именно в том, что эти иммигранты начали все настойчивее выражать требования о том, чтобы принимающая страна изменила свою культуру и традиции, но уступки, которые делались в пользу вновь прибывших, не меняли ситуацию: напротив, «принятие только усиливало требования» [9]. «Мы забыли, что когда группы людей, значительно отличающихся от нас своими культурными и политическими традициями, приезжают в большом количестве, они могут образовывать свои сообщества – не как выражение этнического разнообразия (фестивали или рестораны), но как отдельные культурно-политические целостности ... Одно дело – делиться своими ценностями с другими, совсем иное – менять свои ценности, с тем чтобы они подошли другим» [9].

Подобные размышления близки сегодня многим канадцам. Так, например, статья о выступлении французского президента Н. Саркози, объявившего мультикультурализм «неудавшимся экспериментом» западных демократий, вызвала в 2011 г. широкий отклик читателей из различных регионов Канады [13]. Многие в своих отзывах выражали согласие с тезисом Н. Саркози о том, что государства Запада были «слишком заняты идентичностью тех, кто приезжал, и недостаточно заняты идентичностью той страны, которая их принимала» [13]. На практике мультикультурализм влечет за собой все новые и новые проблемы для принимающего общества – допустимо ли голосовать в хиджабе или нишане, допустимо ли ношение ритуального кинжала сикхов – кирпана – в школу, допустимо ли заключать браки с несовершеннолетними, наконец, допустимо ли многоженство? [14] По меткому замечанию

современных исследователей, сегодня «дебаты об исламе, характерные для Европы, полностью повторяются в Канаде, испытывая на прочность её хваленый мультикультурализм» [10, р. 8].

В связи со своей неоднозначностью в настоящее время мультикультурализм все реже упоминается как отличительная черта канадской нации в общественном дискурсе. Газета «Глоуб энд Мэйл» прямо заявила в 2010 г., что канадцы должны «выбросить мультикультурализм из своего национального словаря» [7].

В последнее десятилетие стало традиционным, что политики и журналисты, обращаясь к тем национальным особенностям Канады, в первую очередь делают акцент на социальном развитии канадского общества, например, повышении общего уровня здоровья нации. На основе данных статистики и соцопросов делается вывод о том, что с каждым годом все больше канадцев отказывается от вредных привычек, начинает чаще заниматься спортом и испытывает меньше стрессов [16]. И, разумеется, лучшим способом продемонстрировать уникальность канадского общества по-прежнему остается сравнение по различным показателям с Соединенными Штатами. «Может быть, сложно жить по соседству с самой могущественной в культурном, военном и экономическом плане сверхдержавой. Но это не значит, что Соединенные Штаты являются лучшими во всем» [2], – пишет журнал Macleans. В данном случае, сравнение опять же наиболее часто затрагивает социальную сферу: канадцы в среднем живут дольше американцев, испытывают большую удовлетворенность своей жизнью, в Канаде значительно ниже уровень суицида, детской смертности и разводов, дольше оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и ниже стоимость медицинского обслуживания и т.д. [2]

Как отмечает канадский социолог Эльке Винтер, мультикультурализм постепенно вытесняется из общественного дискурса концепцией Общности с большой буквы О (Community with a capital C), в которой основной акцент делается не на этнических меньшинствах, но на общеканадской нации [18]. Причем интересно, что в современном политическом дискурсе скорее актуализируется культурный, нежели гражданский тип национальной идентичности, основанный на «чувстве принадлежности Канаде» [15]. Очевидно, потребуется время, для того, чтобы сделать выводы о том, в каком виде сформируется новая модель канадской национальной идентичности в XXI веке.

Список литературы.

[1] Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

[2] 99 reasons why it's better to be Canadian: Our sixth annual Canada Day survey. Macleans, June 28, 2013. URL: <http://www.macleans.ca/news/canada/99-reasons>

sons-why-its-better-to-be-canadian/

- [3] Ayre R. A country in search of itself. *Culture*, 1948, Vol. 9, no. 4, pp. 371–377.
- [4] Bill C-505 (Historical), 39th Parliament, 2nd Session. URL: <http://openparliament.ca/bills/39-2/C-505/?page=2>
- [5] Haque E. *Multiculturalism Within a Bilingual Framework: Language, Race, and Belonging in Canada*. Toronto: University of Toronto, 2012.
- [6] Igartua J.E. *The Other Quiet Revolution: National Identities in English Canada, 1945-71*. Vancouver: UBC Press, 2011.
- [7] Editorial: Strike multiculturalism from the national vocabulary. *The Globe and Mail*, October 8, 2010. URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/national/time-to-lead/part-6-editorial-strike-multiculturalism-from-the-national-vocabulary/article1314363/>
- [8] Gohier P. Multiculturalism is for others. *Macleans*, May 12, 2008. URL: <http://www.macleans.ca/general/multiculturalism-is-for-others/>
- [9] Jonas G. Multiculturalism has encouraged a new type of immigrant who shares our wealth but not our values. *The National Post*, February 6, 2014. URL: <http://fullcomment.nationalpost.com/2014/02/06/george-jonas-multiculturalism-has-encouraged-a-new-type-of-immigrant-who-shares-our-wealth-but-not-our-values/>
- [10] Joppke C. Through the European Looking Glass: Citizenship Tests in the USA, Australia and Canada.” *Citizenship Studies*, 2012, 17(1), pp. 1-15.
- [11] Kelley N., Trebilcock M.J. *The Making of the Mosaic: A History of Canadian Immigration Policy*. Toronto: University of Toronto Press, 2010.
- [12] Raney T. As Canadian as possible...under what circumstances? Public opinion on national identity outside Quebec. *Journal of Canadian Studies*, 2009, Vol. 43, no. 3, pp. 5–29.
- [13] Sarkozy calls multiculturalism a “failure”. *Macleans*, February 11, 2011. URL: <http://www.macleans.ca/general/sarkozy-calls-multiculturalism-a-failure/>
- [14] Steyn M. I’m with the ‘intolerant’ Quebecers. *Macleans*, March 25, 2010. URL: <http://www.macleans.ca/general/im-with-the-intolerant-quebecers/>
- [15] Strategic Outcomes and Program Alignment Architecture (in effect April 1, 2013): Program 3.2—Citizenship for Newcomers and All Canadians. URL: <http://www.cic.gc.ca/english/department/paa/2013/activity-32.asp>
- [16] The best Canada has to offer. *Macleans*, July 3, 2013. URL: <http://www.macleans.ca/politics/the-best-canada-has-to-offer/>
- [17] Wayland S.V. Immigration and Multiculturalism in Canada. *International Journal of Group Rights*, 1997, no. 5, pp. 33–58.
- [18] Winter E. Us, Them, and Others: Reflections on Canadian Multiculturalism and National Identity at the Turn of the Twenty-First Century. *Canadian Review of Sociology*, 2014, Vol. 51, no. 2, pp. 128-151.

Ерохин И.Ю.

*Кройдон Колледж, Лондон, Великобритания,
старший научный сотрудник*

К вопросу типологии казачьих войск: этнические казачьи войска с кантонной системой управления

Начиная с середины XIX в. царское правительство принимает серьезные попытки унификации жизни и деятельности казачьих войск и казачьих территорий. Одним из активных проводников данной политики становится царский администратор Милютин. Однако, на практике его деятельность потерпела громкое фиаско.

Опыт неудачных попыток унификации казачьих законоположений был оценен в работах правоведа М.С.Савченко, которая делала важный вывод: «В целом во второй половине XIX – начале XX вв. не сложилось законченной системы управления казачьими войсками, в полной мере отвечающей потребностям времени и интересам правительства. Постоянные изменения лихорадили казачество... В ходе реформ 60-х годов XIX в. принимались меры по усилению унификации казачьих территорий в демократизирующуюся систему государственного управления империей... Однако, был возвращен частичный возврат к прежним нормам и правилам...» [10, с.30] И далее, - «Реформы системы управления казачьих войск юга России второй половины XIX в. наглядно демонстрируют...высокую степень дифференцированности данных в различных войсках. Эти различия тем более важны, что они устойчиво сохранялись в важнейших с точки зрения жизнеобеспечения сферах, в частности, в организации местного самоуправления на его поселенческом уровне». [10, с.30]

Примечательно, что непродуктивность и малая результативность попыток унификации жизни казачьих территорий нашла выражение не только в широком аспекте постановки проблемы, но и болезненно чувствовалась в конкретных частных областях и направлениях. Например, судопроизводстве. «Законодательные изменения, введенные Положением об управлении Войском Донским 1835 г. и основанными на нем Положением о Черноморском казачьем войске 1842 г. и Положением о Кавказском линейном казачьем войске 1845 г. были направлены на унификацию войсковых судебных учреждений с общероссийскими и на приведение войскового судопроизводства в соответствии с законодательными нормами, существующими для государственных

судебных институтов. Однако, несмотря на явную тенденцию к унификации, сохраняется нормативная дифференциация населения территорий казачьих войск, сосуществовавшая с традиционными нормами судопроизводства.» [10, с.31] Правительству более или менее удалось унифицировать судопроизводство донцов, но гораздо в меньшей степени кубанцев и терцев. [10, с.31]

Сложившаяся ситуация с недооценкой своеобразия и особенностей регионального развития привела к существенным перекосам в отечественной историографической науке. Эти ошибки и заблуждения стали жупелом историографии на очень продолжительный период времени. С одной стороны, историки достаточное внимание уделили истории возникновения и развития крупных, основополагающих казачьих войск, - Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского и др. С другой, - за бортом предметного изучения специфики и особенностей остался целый ряд интересных казачьих сообществ. Все это привело к утрате целостного и объемного представления о процессах, происходящих в казачестве в целом. Вместе с тем, без исследования уникальности мелких казачьих структур не могло быть и речи об объективной картине событий в тех же, - Донском, Кубанском, Терском и др. войсках. В исторических исследованиях крайне редко были упомянуты: Енисейское казачье войско, стихийно образовавшееся в период Гражданской войны. [3, с.2] Ефратское казачье войско, сформированное из армян и так же ставшее продуктом Гражданской войны [3, с.2] Почти не встречаем мы упоминаний о Слободском казачьем войске, - «в 1638 г. эта группа казаков покинула территорию, подвластную Польше, и перешла в пределы Московского государства. Казаки основали множество поселений на реке Северский Донец. Слободские казаки составляли несколько иррегулярных полков, затем несколько гусарских полков. В 1816 г. официально был введен из оборота термин «Слободское казачье войско», казаки превращены в крестьян». [3, с.3] О Терско-Кизлярском казачьем войске: «Войско образовано в середине XVIII века на русско-персидской границе по реке Тереку ниже Кизляра. В 1776 году Терско-Кизлярское войско вошло в состав Астраханского казачьего войска. Но, потом передано в ведение Кавказского линейного войска» [3, с.3] О Терско-Семейном казачьем войске: «Войско образовано в середине XVIII в. на русско-персидской границе по реке Тереку выше Кизляра. В 1746 г. войско слилось с Гребенским, но потом снова обрело самостоятельность. В 1776 г. войско вошло в состав Астраханского казачьего войска. А в 1786 г. вышло из Астраханского войска и вошло в состав Кавказской линии. В конце-концов, так же как и Терско-Кизлярское войско стало составной частью Кавказского линейного войска». [3, с.3]

Из ошибок деятельности царского правительства можно сделать закономерный вывод о пагубности недооценки уникальности тех или иных регионов проживания казачества. Ниже мы обратимся к опыту и практике тех войск, которые имели кантонное управление и состояли исключительно из местных этнических элит.

К особенностям развития казачьих регионов может быть отнесен факт того, что кроме значительного присутствия местных этнических элит в составе ряда казачьих войск (Сибирское, Уральской войска), имелись и войска, казачьи полки, полностью состоящие из представителей местного этнического населения. Такова была, например, структура Башкиро-Мещерянского казачьего войска.[1] Источники говорят: «10 апреля 1798 г. по Высочайшему повелению из башкир и мещеряков (мишарей), проживавших в Пермской, Оренбургской и Вятской губерниях, образовано иррегулярное войско, бывшее на казачьем положении. Первоначально были образованы два самостоятельных войска, Башкирское и Мещерянское. Башкирское войско состояло из 11 кантонов, Мещерянское из 5 кантонов.[5] Согласно этому указу башкиры и мещеряки становились военно-служилым сословием».[9] О своеобразии этих структур документы говорят: «В отличии от казачьих войск Башкирское и Мещерянское войска до 1836 г. не имели ни войскового атамана, ни войсковой канцелярии. 30 мая 1836 г. Башкирское войско было объединено с Мещерянским войском, получив название Башкиро-Мещерянского войска. Одновременно с этим был Высочайше утвержден временный штат управления войском, согласно которому учреждена должность командующего войском, с присвоением ему прав начальника дивизии, а при нем и войсковая канцелярия».[11, с.294]

Историками достаточно подробно исследована структура управления войском, вот что она из себя представляла: «По делам военным кантоны находились в ведении оренбургского военного губернатора, а по делам гражданским – оренбургских губернских властей. В судебном отношении башкиры и мещеряки находились в ведении земской полиции и губернских судебных учреждений. Управление кантонами осуществляли кантонные начальники и их помощники, назначавшиеся оренбургским военным губернатором из числа башкирских и мещеряжских чиновников подобранных губернской администрацией. Юртами управляли юртовые старшины и их помощники, назначавшиеся кантонными начальниками. Они были наделены достаточно широкими правами по управлению населением юрты. Имелись еще сотники, деревенские старосты и юртовые десятники. Имелась группа чиновников, отвечавшая за несение военной службы и не имевшая постоянных административных должностей.»[4, с.2; 5]

Создание Башкиро-Мещерянского войска было обусловлено той ролью, которую башкирское население играло в военной и мобилизационной деятельности Российского государства. Об этой роли Н.Н.Великая пишет: «Башкиры уже с XVI в. принимали участие в походах и войнах, которые вела Россия. Еще в 1557-58 гг. в Ливонской войне в составе русских войск были башкирские отряды. В те же годы велась война с Крымским ханством, в которой отмечено участие башкир. В начале XVII в. башкиры участвовали в войне против польско-шведских интервентов. Башкиры входили в состав войск нижегородского воеводы А.С.Алябьева, которые в начале декабря 1608 г. нанесли поражение отряду «тушинцев», засевших в с.Ворсме. Известно также, что в 1611-1612 гг. башкиры были в составе 2-го Земского ополчения под руководством К.Минина и князя Д.М.Пожарского и участвовали в освобождении Москвы от польских войск. Башкирские отряды входили в состав русских войск во время Азовских походов Петра I в 1698-1699 гг. и Северной войны 1701-1721 гг. 4 конных полка башкир в составе армии генерал-фельдмаршала П.А.Румянцева-Задунайского участвовали в Семилетней войне 1756-1763 гг., а позднее против Барской конференции в Польше в 1772-1773 гг.»

С течением времени башкирское население только активнее вовлекается в систему военной службы Империи и ее административно-хозяйственную, управленческую деятельность. Правительственные органы прямо наделяли эту этническую группу признаками казачества. В своем указе от 16 марта 1754 г. Правительствующий Сенат определил: «башкиры без платежа ясака единственно служивыми будут, так как и казаки». Создание Башкиро-Мещерянского войска способствовало поднятию военных задач, стоявших перед этнической группой, на принципиально новый качественный уровень.

В среде башкирского войска, как и на Дону, происходило формирование особого слоя людей, - казачьей знати, элиты войска. Появился целый ряд славных воинских династий. Это – Абубакировы, Акчулпановы, Ишбулатовы, Ишмурзины, Кадаргуловы, Каиповы, Курбангалиевы, Узбековы, Узенбаевы и др.

Особенное значение башкирского казачества для государства и государственных интересов России проявилось в эпоху Наполеоновских войн. 25 июля 1812 г., получив Высочайший указ императора о созыве народного ополчения от 6 июня, оренбургский военный губернатор, князь Г.С.Волконский обратился к башкирским и мещерякским казакам со специальным предписанием, в котором говорилось следующее: «Кантонный начальник предлагаю по получении сего объявить немедленно по ведомству вашего кантона всем и каждому, о нашествии неприятельских сил в пределы нашего Отечества, и чтоб во все местах где есть мечети

объявлена были копии онаго манифеста магометанского закона ахунам и другим духовным лицам, дабы не оставили они соединено с прихожанами всемогущего господу богу принести теплыя моления о низпослания святой благодати его на преодоление вазставшего врага, и на поражение неприятельских противу России сил его; а потом чиновникам и башкирцам всем без изъятия служащим и не служащим кои только могут действовать оружием, подтвердить, чтобы тот час приготовились они на оборону своего Отечества и собственных жилищ, созымев неусыпное попечение чтоб у каждого в готовности находилась на стойле одна лошадь... В случае нужды действовать нашей противу неприятеля, чтобы у каждого была исправна пика..., копьа, сагайдаки со стрелами и у кого есть ружья и пистолеты равномерно были бы исправныя, и словом, чтобы ни малой них в оружии неисправностей не находилось, и кой час получено будет повеление куда следовать, тагда отнюдь никаких остановок последовать не могло.»[12] Волконский был убежден в преданности вверенного ему казачьего войска, он писал: «Я остаюсь в полном уверении, что всякий из подкамандующих ваших начальник и всякой их подчиненный, имея искренния чувства и любовь к своему Отечеству подщится со всем усердием и ревностью на отражение и преодоление врага с многочисленными силами жертвовать собою, кто лично если в силах, а кто пособиями своими друг другу на содержание и исправление оружия и прочаго нужного к ваенному приготовленные и успехе ж онаго приготовления рапортовать мне каждую неделю...»[12]

До 1812 г. башкирские казаки и их войско в отличии от других войск не имели своей форменной одежды. Башкирам и мещерякам разрешалось носить мундир, установленный для казачьих войск. На одном из смотров в мае 1812 г.[4, с.7] царские администраторы обратили на это внимание и дали распоряжение срочно исправить ситуацию. В поручении к генерал-майору Н.В.Иловойскому сказано: «...образцом для обмундирования... донскую казачью форму» взять.[8, с.55-57; 6, с.123, 143] Однако, по словам источников: «Большая часть личного состава башкирских и мещерякских полков продолжало носить свою национальную одежду, которая состояла из кафтана и штанов из плотной ткани, а в торжественных или официальных случаях поверх кафтана надевали шелковые или бархатные халаты. Теплой одеждой служили суконные чекмени, шубы, тулупы... Головным убором служила не фуражка, а высокая конусовидная шапка, летом – войлочная с разрезами, а в остальное время года меховая из овчины, из шкуры волка, рыси, покрытая красным или синим сукном; их край окаймляла узкая выпушка или полоска более дорогого меха, а также малахаи – с высокой тульей, крыльями и хвостом полностью прикрывавшими плечи и затылок. Их выкраивали из войлока, сукна, подбивали мехом.

Использовались также небольшие колпаки из войлока с разрезанными полями. Состоятельные башкиры носили «шапку кантонного начальника» - головной убор с очень высокой тульей и якоревидными отворотами, из бархата или цветного сукна, украшенный галуном. Офицеры отличались наличием серебряного темляка, шапка и чекмень обшивались серебряным галуном, конская сбруя и седло также украшались элементами серебра, пика имела зеленый флюгер.»

Башкиро-Мещеряньское войско прекратило свое служение Российской империи в 1865 г. Источники пишут: «После ликвидации войска казаки были распределены между Оренбургским и Уральским казачьими войсками. До 1865 года в состав Уральского войска уже входил Башкирский отдел (9-ый башкирский кантон). Отдельный Башкирский конный полк просуществовал несколько дольше, вплоть до 1882 г.».[2, с.2]

Специфика войска и его заслуги перед государством не были забыты. Его практику пытались взять на вооружение противоборствующие стороны в период Гражданской войны (1918-1920 гг.).[2, с.2] Есть упоминания, что в 1918-1919 гг. несколько башкирских частей сражались на стороне Белого Движения. Но, есть и свидетельства об участии ряда частей на стороне большевиков в 1919-1920 гг. Особенно легендарной стала кавбригада Мусы Муртазина.[7]

Еще одним примером войска, построенного на сугубо этническом признаке и с кантонной системой управления, может служить Ставропольское калмыцкое войско (1737-1842 гг.). Войско было создано усилиями этнической калмыцкой семейной четы Петра и Анны Тайшиных. Войско получило с течением времени довольно разветвленную бюрократическую систему государственного управления, что говорит о его государственных функциях и значении на территории России. В военном плане войско было разделено на 8 рот под начальством владельцев, - зайсангов. В состав рот входило все взрослое мужское население войска, годное носить оружие и выполнять воинские обязанности. Царский указ 1745-го г. утверждал постоянный штат войска, который имел, - владельца, он же – войсковой атаман, войскового полковника, войскового судью, войскового писаря, надзирателя, он же – управляющий улусами, войскового есаула, войскового квартирмистра и войскового хорунжего. Войско имело и свой отдельный войсковой суд, получивший впоследствии наименование войсковой канцелярии. Судебные обязанности исполняли пять постоянных членов суда под руководством генерального старшины. После супругов Тайшиных, в 1779 г. войсковым атаманом был Ф.И.Болоткоев, в 1803 г. подпоручик К.К.Баглюнов. Оба этих начальника проводили активную войсковую политику именно в плане интеграции войска в систему государственного устройства России. Первый подал прошение на имя Екате-

рины II об уравнении войска в правах с Донским, а второй – прошение на имя уже императора Александра I с просьбой об уравнении в правах с другими иррегулярными казачьими войсками.

Литература

1. Башкиро-Мещерякское войско // БСЭ. 3-е изд., Т.3. М., 1970. – С.59.
2. Казаки-мусульмане // Казакия-инфо. <http://forum.kazakia.info/viewtopic.php?p=4602> [Электронный сетевой ресурс]
3. Казачьи войска. Часть 3. <http://www.hrono.ru/heraldicum/flagi/Cosacco2.html> [Электронный сетевой ресурс]. – 4с.
4. Калинин С.Е. Башкиро-Мещерякское войско в эпоху Наполеоновских войн. 1806-1814 гг. Москва, 2013. Депонированная рукопись. http://www.cossackdom.com/articles/k/kalinin_bachkir.html [Электронный сетевой ресурс].
5. Кулумбаева А.Г. введение кантонной системы управления и ее эволюция // Доклад. Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой. Стерлитамак. 2008.
6. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962.
7. Муртазин М. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. Уфа: Инсан, 2007
8. Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т.ХХ. СПб., 1912.
9. Полное собрание Законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. СПб., 1830. Т.ХХV. №18477.
10. Савченко М.С. Организационно-правовые основы деятельности казачества юга России: середина XVI – начало XX вв.: Автореф. дис. д-ра юр. наук (12.00.01). Краснодар, 2007. – 474с.
11. Столетие Военного министерства. 1808-1902. Т.ХI. Ч.1. СПб., 1902.
12. Центральный Государственный Архив РБ. Ф. И-2. Оп.1. Д.410. Л.11-12.

Мартыненко С.Е.

*аспирант 3 года обучения кафедры теории и истории
международных отношений факультета гуманитарных и
социальных Российского университета дружбы народов (Москва),*

Спорт как фактор дипломатического диалога

Спорт – это не только победы и поражения, большие деньги и слава, но и политическая сила. Международная история знает немало примеров, когда спортивная дипломатия становилась настоящим помощником в руках искусных политиков.

Спортивная дипломатия представляет собой важнейшую форму народной (общественной) дипломатии. Спортивные состязания международного уровня должны быть направлены на достижение лучшего взаимопонимания, показывать цельность устремлений народов разных стран и континентов к мирному сосуществованию. Степень подготовки спортсменов, их стремление к победе, умение не только гордо стоять на пьедестале почета, но и стойко принимать свое поражение – все это вклад в формирование образа страны.

Одной из наиболее действенных форм межгосударственного общения на неправительственном уровне являются Олимпийские игры. Олимпийское движение также представляет собой важнейшую форму народной (общественной) дипломатии. Во время проведения Олимпийских игр должны прекращаться все войны и конфликты. Как грубейшее нарушение общепринятых правил, игнорирование правил народной (общественной) дипломатии стало развязывание Грузией военных действий против Южной Осетии в канун Пекинской Олимпиады в 2008 году. От того как этот факт был освещен в средствах массовой информации зависела степень использования важнейшего метода народной (общественной) дипломатии – метода информационного воздействия [1].

Однако нам представляется необходимым отметить, что ряд исследователей разделяют понятия «спортивная дипломатия» и «олимпийская дипломатия». Понятие «спортивная дипломатия» представляется более широким, включающим в себя все многообразие форм сотрудничества мировой спортивной общественности (от спортивных институтов и национальных команд до болельщиков и их клубов). В свою очередь, олимпийская дипломатия имеет более узкую направленность на организацию взаимоотношений в уже рамках Международного Олимпийского движения. При этом основной платформой гармонизации интересов олимпийского гражданского общества на международном уровне служит Международный

олимпийский комитет (МОК), являющийся органом многосторонней дипломатии [2].

В рамках данного исследования мы используем термин «спортивная дипломатия» наряду с понятием «олимпийская дипломатия», учитывая как реалии современной российской и западной моделей дипломатического общения, так и исторически сложившуюся практику.

Нам приходится констатировать, что лозунг «Спорт вне политики» остается просто лозунгом. Спорт сегодня – арена политической борьбы [3]. Первые лица России и США неотъемлемо ассоциируют себя с конкретными видами спорта или спортивными командами: Борис Ельцин сделал популярным теннис, Джордж Буш-младший увлекается бейсболом, Дмитрий Медведев – болельщик профессионального футбольного клуба «Зенит», Барак Обама играет в баскетбол, Владимир Путин занимается дзюдо.

Рассмотрим примеры, уже ставшие историческими. Политические лидеры, изображая из себя поклонников спорта, а кто-то и реально выступая в роли болельщиков, успешно реализуют так называемую дипломатию саммитов. Встречи В. Путина и Дж. Буша на Олимпийских играх 2008 г. в Пекине, по всей видимости, позволили предотвратить более экстремальный сценарий развития событий, связанный с реакцией российских властей на действия Грузии. В 2008-2009 гг. президенты Армении и Турции встречались на футбольных матчах в Ереване и Анкаре (отношения между Арменией и Турцией находятся в очень непростой стадии развития – Турция категорически отрицает наличие исторического факта геноцида армян). Встречи и переговоры президентов во время футбольных матчей получили название «футбольной дипломатии» [4].

В 2011 г. на стадионе в индийском Мохали во время матча по крикету состоялась неформальная встреча двух «непримиримых» премьер-министров Индии и Пакистана – Манмохана Сингха и Сайеда Юсуфа Раза Гилани. На следующий день мировая пресса писала, что матч посмотрели примерно один миллиард зрителей, – блестящая PR-кампания для двух стран, переживших в прошлом три военных столкновения. Исследователи-международники ввели даже термин «крикетная дипломатия» [5].

Время от времени предпринимаются попытки политизировать соревнования. Так, президенты Польши и Украины на чемпионате Европы по футболу в 2012 г., особо отметили, что контакты обеих стран, в том числе и в области спорта, могут быть весьма плодотворными. Однако незадолго до начала Евро-2012 как минимум семь европейских президентов — Австрии, Чехии, Германии, Италии,

Словении, Эстонии и Хорватии — отказались приехать на саммит стран Центральной Европы, который должен был состояться в Ялте с участием украинского президента Виктора Януковича. Некоторые из них прямо заявили, что причина их отказа от саммита — ситуация вокруг Юлии Тимошенко.

Накануне летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г. ряд политиков Великобритании, узнав, что на открытии игр российскую делегацию возглавит премьер-министр Д. А. Медведев, обвинили В. В. Путина в предвзятом отношении к Великобритании. «...Я поэтому и спрашиваю, потому что звучат озабоченности, что Вы придерживаетесь негативной точки зрения относительно Великобритании. У Вас хорошие отношения с Лондоном?» — спросил главный редактор The Times Джеймс Хардинг. Путин назвал это «полной чушью» [6] и заявил о твердом намерении присутствовать на соревнованиях по дзюдо.

Спорт, безусловно, — значимый и знаковый фактор дипломатических контактов. Перед лондонской Олимпиадой председатель Парламентской Ассамблеи ОБСЕ Р. Мильори призвал руководителей государств, парламентариев и других официальных лиц максимально использовать спортивную дипломатию для содействия переговорам [7].

Придавая огромное значение важности спортивной дипломатии, некоторые страны учредили должность атташе при Международном Олимпийском Комитете. Например, к обязанностям французского атташе относятся поддержание контактов национального Олимпийского комитета с МОК, а также получение и обработка надлежащей информации. Атташе отвечает за официальные визиты и приемы спортивных делегаций, создает условия для бесперебойной работы представителей СМИ. В круг его обязанностей также входят подготовка культурной программы для участников игр, распространение информационно-познавательных материалов о стране, где будут проходить игры, в том числе и агитационного характера.

Планомерная и постоянная работа со спортсменами и их болельщиками, направленная на утверждение терпимости, понимания и взаимного уважения — немаловажная задача спортивной дипломатии. Всплески национализма нередко встречаются в ходе проведения международных спортивных соревнований. Востребованность превентивной дипломатии подтверждают такие факты, как оскорбления и драки на почве национальной и расовой ненависти в ходе футбольных матчей. Чемпионат Европы по футболу в 2012 году получил скандальную известность тем, что за несколько часов до открытия чемпионата в Польше российские болельщики были жестоко избиты. Около 50 хулиганов ворвались в бар в центре города Лодзь, где отдыхали российские фанаты. Ворвавшись в

бар в масках, они начали избивать посетителей. Судя по всему, нападение было спланировано заранее. Среди нападавших была слышна украинская и польская речь [8]. Этот инцидент активно освещался в СМИ России и ряда стран Европы, а вот со стороны американских новостных каналов интереса к этой проблеме не наблюдалось.

Информационное освещение спортивных соревнований в международном масштабе условно делят на два периода: до Летних Олимпийских игр в Барселоне (1992 г.) и после них. Отношение к Олимпийским Играм, и в США, и в СССР без сомнения носило ярко выраженную политическую окраску. Журналистика периода «холодной войны» выполняла пропагандистскую функцию, в спорте приведшая к дабл-бойкоту: Олимпиады в Москве (1980) и, соответственно, в Лос-Анджелесе (1984).

Бойкот привлекает внимание к ситуации, складывающейся в ряде проблемных стран, где нарушаются права человека и не соблюдаются принципы международного права.

Олимпиады и «большая политика» были и остаются тесно взаимосвязанными. Олимпийские игры, призванные символизировать братство всех народов мира и честную спортивную борьбу, становились жертвами политиканства, шовинизма и пропаганды еще с 1908 года.

Сповышением статуса Олимпийских игр как элемента международного диалога они оказались ареной соперничества не только самих спортсменов и национальных сборных. Государства активно используют Олимпийские игры в качестве рычага давления на политику той или иной страны. Например, в период обострения отношений между Индией и Пакистаном спортивные команды были вынуждены встречаться на нейтральной территории или же вовсе прекращать встречи, как это произошло в 2009 г. после теракта в Мумбаи (Бомбее). На церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. вследствие принятия Пхеньяном ядерной программы команды КНДР и Южной Кореи отказались от договоренности выставить на пекинской Олимпиаде единую команду с равным числом атлетов от каждой страны и прошли отдельными колоннами.

Некоторые страны прибегают к бойкоту игр. Как уже было упомянуто, в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан 65 стран, в том числе США, ФРГ, Канада, Япония, Турция, Румыния и Китай, демонстративно бойкотировали московскую Олимпиаду 1980 г. На церемониях открытия и закрытия игр многие команды, приехавшие на соревнования, были вынуждены отказаться от национальной символики и выступали под флагом МОК. За три дня до открытия Олимпиады в Москве спортсмены 29 стран собрались в Филадельфии на «Олимпийские

игры бойкота». В 1984 г. СССР и другие члены Варшавского договора ответили симметричным бойкотом летних Олимпийских игр в Лос-Анджелесе и организовали собственные соревнования «Дружба–84» [7].

В 2012 г. Европейский парламент принял резолюцию с призывом не проводить чемпионат мира по хоккею в Белоруссии. Несмотря на это, Конгресс Международной федерации хоккея на заседании в Хельсинки 18 мая утвердил Минск местом проведения чемпионата мира в 2014 г. и 78-й чемпионат мира по хоккею в Минске все же состоялся.

Противники бойкота полагают, что спорт и политику нельзя перемешивать, бойкот неэффективен и только вредит международному сотрудничеству и духу конструктивного диалога. Подвергать идеологическому воздействию спортивные состязания, как они обоснованно подчеркивают, недопустимо, поскольку это не позволит спортсменам сойтись с достойными соперниками, добиться долгожданной медали, получить признание на мировом уровне.

Сторонники бойкота, в том числе и среди членов МОК, убеждают, что бойкот направлен на привлечение внимания к ситуации, которая складывается в странах, где нарушаются права человека и не соблюдаются принципы международного права. Сторонники бойкота предлагают вспомнить, что после Второй мировой войны МОК был вынужден принести извинения за свои действия в 1930-е годы, давшие «зеленый свет» проведению Олимпиады в фашистской Германии. Полемика между противниками и сторонниками бойкотов международных спортивных состязаний вряд ли когда-нибудь закончится.

Спортивная индустрия – это еще и огромная отрасль экономики. За последние десятилетия спорт стал мощным источником дохода. Емкость мирового рынка спортивных товаров по различным экспертным оценкам составляет до 200 млрд. долларов США. Ежегодный прирост на мировом рынке составляет 15–17%. По данным исследования Всемирной федерации спортивных товаров, объём мирового рынка спортивных товаров в 2015 г. достигнет рубежа почти в 240 млрд. долларов США [9].

Трансфертный рынок перевода игроков из одной команды в другую транснационален. Игроков сейчас покупают, продают, арендуют и обменивают. Европейские футбольные клубы ежегодно тратят на трансферты до 2 млрд. долларов, а франшизы профессионального спорта фигурируют в списках фондовых бирж. Бренды спонсоров размещаются на одежде атлетов, а СМИ платят огромные деньги за право транслировать соревнования [7]. Явление массовости определило, что в современном мире все корпорации, в деятельность которых включен медиабизнес,

связаны со спортивной индустрией – элементом индустрии развлечений.

При организации Олимпийских игр в условиях террористических угроз расходы на безопасность исчисляются миллиардами. В 2001г. на войну в Ираке США потратили около 50 млрд. долларов, в то время как бюджет Олимпиады в Сочи 2014 – более 50 миллиардов долларов по сравнению с запланированным изначально бюджетом в 12 миллиардов долларов [10], причем, значительная часть этой суммы было израсходовано на обеспечение безопасности. Расходы России на ЧМ по футболу в 2018 г. намного превысят затраты ЮАР в 2010 г. (3,5 млрд. евро), но сопоставимы с расходами Бразилии в 2014 г. (около \$ 20 млрд.) [11]. Можно предположить, что расходы на безопасность угрожают превысить затраты на само спортивное мероприятие.

Потребность в высококвалифицированных специалистах в области спортивной дипломатии, международного спортивного менеджмента и маркетинга неуклонно растет. Самые известные учебные заведения подобного профиля действуют в США. В Европе в сфере подготовки специалистов спортивного менеджмента и маркетинга лидируют Великобритания и Швейцария.

В 2009 г. в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между Международным Олимпийским Комитетом, Оргкомитетом «Сочи-2014» и Олимпийским Комитетом России, а также распоряжением правительства РФ приступила к работе автономная некоммерческая организация «Российский Международный Олимпийский Университет». Число учебных заведений, готовящих бакалавров и магистров в области спортивной дипломатии, постоянно растет [7].

Подводя итог проведенного исследования, смеем утверждать, что спортивная дипломатия, как одна из наиболее действенных форм межгосударственного общения, является высокоэффективным инструментом «мягкого воздействия». Как и любая дипломатия, она являет собой искусство ведения переговоров, налаживания и поддержания межгосударственных, международных, межнациональных, межрелигиозных, межгрупповых, межличностных отношений, контактов и связей как внутри страны, так и вовне.

Международному спорту сегодня нужны менеджеры, маркетологи, и специалисты в области PR и GR, владеющих знаниями в области спортивного бизнеса, политики и дипломатии.

Примечания

1. По мнению доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Международных отношений Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) А.А. Сагамоняна, народная дипломатия, общественная дипломатия, гражданская дипломатия,

публичная дипломатия – понятия тождественные, все зависит от того, кто, где и когда ввел тот или иной термин [1].

Литература

1. Мартыненко Е.В., Матвиенко В.В. Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. - №1, 2012, С.57-61.
2. Евдокимов Е. Олимпийская дипломатия» Китая. // Международные процессы – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru//seventeenth//007.htm#note1>.
3. Robert McChesney. Rich Media, Poor Democracy. Board of Trustees. 1999. 425 pages. P – 31.
4. В Бурсе состоялись армяно-турецкие переговоры – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.armenialiberty.org/content/article/1851953.html>.
5. «Крикетная дипломатия» в пакистано-индийских отношениях // Институт ближнего Востока – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=12459>.
6. Путин: либо я, либо Медведев обязательно будем на Олимпиаде в Лондоне – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/13017772/>.
7. Цит. по: Зонова Т. Язык спорта универсален, как язык музыки – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru//inner//?id_4=642#top.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://argentina.forumy.eu/t1461-topic>.
9. Объем и динамика мирового рынка спортивных товаров – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asport.su/articles0108.shtml>.
10. Бюджет Олимпиады в Сочи 2014 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2014.info/news/byudzheth-olimpiady-v-sochi>.
11. В какую цену обойдется России чемпионат мира по футболу – 2018 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/library/news/9192241/chm2018_schet_otkryt#ixzz35RZU0kni.

Общественно-политическая стабильность в Азербайджане в контексте религиозной безопасности

Несмотря на существование религиозных верований и нравственных ценностей, в современном периоде они выступают понятиями спекуляций и манипуляций. Эти спекуляции, в основном, отмечаются в политической плоскости, потому что различные политические силы во многих случаях используют религию как средство в своих корпоративных интересах. Особенно в этом смысле, наряду с использованием в платформах каких-либо политических партий или организаций религиозных вопросов – свободы вероисповедания, состояние религиозной ситуации и т.д., отмечается деятельность конкретных представителей религиозно-идеологических течений в политической плоскости (7).

В особенности это видно в случаях поддержки со стороны отдельных государств и органов их разведки деятелей отдельных религиозно-идеологических течений в различных странах и их представительства на политической арене отмеченных стран. Конечно, в этом контексте ведется определенная пропагандистская деятельность, и в этом смысле объектами такой деятельности в первую очередь выбираются выступающие самыми динамичными слоями молодежь, служащие различных стратегических предприятий и государственных структур, безработные и лица, не занимающиеся в настоящее время полезным трудом. Здесь за основу берется специфика религиозно-идеологического течения. Например, представители религиозно-идеологического течения, известного как ваххабизм, в большинстве случаев обращаются к безработным, лицам с радикальными религиозными взглядами на жизнь, ведут свою «борьбу» нецивилизованными средствами. Но вот представители нурсизма, течения, возглавляемого обосновавшимся в штате Пенсильвания (США) Фетуллахом Гюленом, в большинстве случаев представлены в государственных структурах, на стратегических предприятиях, в сфере образования. В особенности созданная ими сеть образовательных учреждений играет в пропагандистской работе роль своеобразного локомотива.

В свете перечисленного и Азербайджан не является исключением. Несмотря на проведение фундаментальных мероприятий в направлении обеспечения религиозной безопасности, являющейся составной частью национальной безопасности, представители отдельных религиозно-

идеологических течений все еще осуществляют деятельность на различных уровнях.

События, произошедшие в последнее время в контексте обращения внимания граждан Азербайджана к различным течениям ислама, превратились в проблему активного обсуждения и споров. Сначала в повестку дня вошли участие представителей, причисляющих себя к ваххабизму (представители этого течения называют себя салафиты), в джихаде в Сирии, присоединение их к террористам-наемникам и их гибель в боях. И если пресса и общественность отнеслись к этому вопросу довольно поверхностно, на самом деле имеется достаточно серьезных моментов, требующих особого внимания:

во-первых, это свидетельствует о том, что стратеги ваххабизма, который своим происхождением обязан английской разведке, сформировали в отдельных странах микро- и макро-религиозные базы, в том числе носящие транснациональный характер, и эти базы могут быть в любую минуту приведены в активное состояние. То есть, существует определенный потенциал, который может превратиться в трансфер из одной страны в другую. И поэтому национальные государства, ведущие борьбу с религиозными сектами, в направлении обеспечения религиозной безопасности обязательно должны принимать во внимание этот фактор. Потому что этот потенциал способен создать хаос на религиозной почве (8). В то же время эта опасность не подпитывается только из источников внутренних факторов, возможность трансфера этой опасности из других стран достаточно высок;

во-вторых, учет таких фактовнеобходим, по меньшей мере, для снижения до минимума опасности и устранения недоработок и пустот внутри самого общества. И если даже люди, пришедшие в ваххабизм, это, в основном, лица с радикальным мировоззрением, в то же время это люди, не имеющие нормальной трудовой деятельности, страдающие от безработицы и социальных противоречий. Значит, здесь нужно обратить внимание на два момента. Первое – деятельность внутри общества по социальному и религиозному просвещению должна быть более интенсивной и более эффективной. Ущерб от таких социальных девиаций на религиозной почве в первую очередь может быть устранен путем соответствующей просветительской деятельности. С другой стороны для решения социальных проблем людейнеобходимо, чтобы они сами были обеспечены определенной заботой в достаточной степени. Основной стратегический фактор в этом – внимание, которое уделяет государство этому вопросу. Подобные социальные девиации в Азербайджане продолжают наблюдаться, несмотря на проведение определенных социальных реформ и предпринимаемые меры по улучшению благосостояния граждан. Как результат, этим вопросам нужно уделять больше внимания и предпринимать параллельные меры.

Азербайджанская общественность имеет несколько искаженное понятие о ваххабитах, то есть, в обществе распространены очень разнящиеся сведения о том, что выражает собой, чему служит и какую миссию несет это движение. Определенные общие сведения известны лишь исследователям. Прежде всего, собиравшиеся и действовавшие в «Лезгинской мечети» ваххабиты в дальнейшем приняли решение о строительстве более вместительной мечети за счет собственных средств. Наконец, в 1996 году была построена новая мечеть, известная под названием «Абу-Бакр» и отличающаяся от других наших мечетей своей архитектурной планировкой. Если в «Лезгинской мечети» верующие сталкивались с трудностями при молитве, то в мечети «Абу-Бакр» эти трудности были устранены. В 2008 году мечеть «Абу-Бакр» в результате террористического акта была взорвана. С того времени и по сей день мечеть «Абу-Бакр» закрыта (1, 89).

Так где же находятся корни ваххабитского течения? Необходимо отметить, что в настоящее время колыбелью ваххабизма могут считаться Королевство Саудовской Аравии и Государство Кувейт. Представляющие эти страны гуманитарные организации и фонды, наряду с гуманитарной деятельностью организуют религиозную просветительскую деятельность, проводят конкурсы по истории и праву ислама, толкованию шариата, а молодым победителям таких конкурсов устанавливают денежную премию. Ваххабиты также занимаются массовым распространением религиозной литературы и в стране пребывания стараются изменить в свою пользу сложившиеся религиозные убеждения. Цель – расширение ареала распространения ваххабизма.

Основы ваххабизма как секты заложил живший в XVIII веке сын арабского шейха Абдул Ваххаба шейх Мухаммад ибн Абдул Ваххаб. Его мысли еще при его жизни были отвергнуты членами его семьи – отцом, братом, земляками и всеми учеными-суннитами. Даже родной брат Мухаммада ибн Абдул Ваххаба шейх Сулейман первым выступил перед учеными-богословами со своим произведением «Сверкающие удары молний в ответ на ваххабизм» и показал в нем ваххабизм как секту, противоречащую всем правовым школам в суннитском исламе – ханифизму, ханбализму, маликизму и шафиизму (1, 90). Длительное время остававшийся лицом к лицу с предпринятыми против него мерами Мухаммад ибн Абдул Ваххаб впоследствии был взят под покровительство одним из предков нынешних королей Саудовской Аравии Мухаммадом ибн Саудом. Его покровительство, наряду с распространением ваххабизма, стало причиной могущества собственного эмирата. Примерно с этих времен начали применяться радикальные законы идеологии ваххабизма. Ваххабиты обвиняли остальных мусульман в том, что они сбились с истинного пути, и считали дозволенным и благоприобретенным пролитие их крови и отъем

их имущества. Согласно ваххабитам, мусульмане посещением святых мест, мусульманских святых, могилы пророка Мухаммада входят в компаньоны с Аллахом (şirk), считают неправильным чтение сур из Корана для умерших, сбор милостыни, жертвоприношение животных, а также утверждение мусульманами о мимолетном появлении Аллаха в Судный день в человеческом образе. И естественно, что эти и другие претензии ваххабитов были решительно отвергнуты большинством великих исламских ученых-богословов - путем приведения точных научных доказательств, было разъяснено, что ваххабизм является сектой, вносящий вражду и злобу среди мусульман.

СабирИскендерли в своей книге «Нетрадиционные религии и секты в Азербайджане» пишет, что в 1999 году органами безопасности Азербайджана за ряд совершенных тяжелых преступлений были арестованы 14 членов близкой к ваххабитам организации «Джейшуллах» («Армия Аллаха»). По решению суда они были арестованы и осуждены за убийство председателя Объединения экстрасенсов Азербайджана ЭтибараЭркина и его двух сыновей, ограбление офиса банка ЕБРР и подрыв Бакинской штаб-квартиры религиозной общины «Сознание Кришны»(1, 91).

СабирИскендерли затронул еще один интересный момент, связанный с появившимися спекуляциями относительно мест моления и богослужения ваххабитов. «... Отличаясь от других мечетей, «Джума-мечеть» была открыта для ваххабитов все 24 часа в сутки. Мечеть была и местом моления, и местом встреч ваххабитов. Встречи с ваххабитами, прибывшими из Чечни, Дагестана, Узбекистана и других республик происходили именно в этой мечети. Среди собравшихся в мечети распространялись бюллетени агентства «Чечен-пресс»...» (1, 96).

Несомненно, такие случаи требуют еще более эффективного проведения борьбы с упомянутой сектой. Потому что на бытовом уровне растет число представителей секты ваххабитов, расширяется масштаб структур, попадающих под их влияние. Для сведения нужно отметить, что число верующих, принадлежащих этому течению, только за последние 5 лет возросло на 100% и достигло цифры в 70 тысяч человек. В целом, объем финансов, собираемых ежегодно для салафитов, достигает суммы в 5 миллионов долларов США. В эту сумму входят помощь, направляемая из-за рубежа, финансовые вливания в бизнес-структуры, прибыль, получаемая от управляемых ваххабитами бизнес-операций, средства, собираемые с самих ваххабитов в форме закята. Все эти средства направляются на пропаганду, издательские средства, зарплату «вербовщиков», в ряде случаев на установление особых отношений с ответственными лицами и др.

И еще нужно отметить, что последователи салафизма разделены на 3-4 группы. Большинство составляют умеренные салафиты. К радикальным

ветвям относятся группы, известные как хаваридж, такферисты и джихадисты (3).

В последнее время в нашей стране одним из вопросов, ставшим предметом серьезных обсуждений и споров, явился вопрос наличия или отсутствия прямых связей религиозного течения нурсизм с представителями общественно-политического сектора Азербайджана (4). Конечно, несистемное обсуждение этого вопроса стало причиной, превращающей его в объект спекуляций и манипуляций. Потому что в большинстве случаев наблюдается наличие искаженной или неопределенной информации о том, каким течением является нурсизм и в чем заключается его идеологическая миссия, или же распространяемая информация носит неточный характер.

Как известно, нурсизм является исламским идеологическим течением, возглавляемым Фетуллахом Гюленом, поселившимся в штате Пенсильвания (США). В Турции, где нурсизм особенно широко распространен, сторонники этого течения составляют большинство в государственных учреждениях и предприятиях – в образовательной сфере и правоохранительной системе, в том числе и госучреждениях стратегического управления. В распространении идеологии нурсизма используются услуги образовательной сети. Это религиозное течение связано с именем Саида Курди (Нурси), родившегося в селении Нурс рядом с городом Битлис (Турция). В настоящее время нурсизм, широко распространенный в странах Центральной Азии – Кыргызстане, Казахстане, а также в Татарстане (РФ) и Турции, – выйдя за рамки религиозного контекста, принял характер политического движения.

Согласно распространяемым непроверенным данным последователи этого течения представлены в различных областях и в Азербайджане. Конечно, независимо от уровня точности, такие предположения способствуют рождению сигнала “SOS”. Потому что представительство в важных государственных структурах может быть причиной появления в будущем определенных общественно-политических инициатив, что во всех случаях должно быть охарактеризовано как разрушительные акты, направленные против стабильности в государстве.

Но тогда как же должны регулироваться в нашей стране взаимоотношения «религия – государство» и на какой основе будут своевременно приняты меры, направленные против таких негативных случаев?

Во-первых, Азербайджан является светским государством с современной системой управления. Общественно-политические и культурные отношения, а также отношения в других областях регулируются Конституцией страны и существующим законодательством. Один из факторов, составляющих прочность основы государственных механизмов в Азербайджане, и является регулирование отношений «религия – государство» в соответствии с национальными интересами. В первую очередь нужно отметить,

несмотря на то, что абсолютное большинство в нашей стране составляют мусульмане, по Конституции религия отделена от государства. В Иункте VII статьи Конституции указано, что Азербайджанское государство – демократическая, правовая, светская, унитарная республика (7).

Сегодня Азербайджан включается в ряд стран, в которых охраняются религиозно—нравственные ценности и где для граждан в конституционном порядке созданы благоприятные условия для использования своей свободы совести, веры и убеждений. В этом плане государство своей очевидной заботой и вниманием к каждому лицу, являющемуся его гражданином, предпринимает фундаментальные меры в вопросах обеспечения религиозной свободы, свободы совести и убеждений. К примеру, вопросы принятия соответствующих законов об обеспечении свободы совести и убеждений, создания широких условий для пользования людьми своими свободами, непротиворечащими общественной безопасности и нравственности, а также национальным интересам, все больше находят место в ряду основных предпринимаемых мер (5).

Как мы уже отметили, Азербайджанское государство в рамках принятия законов, имеющих фундаментальное значение, на самом высоком уровне обеспечивает свободу вероисповедания граждан (6). К примеру, в этом вопросе позиция государства и соответствующих структур состоит в том, что каждый гражданин может пользоваться своими правами и свободами, в том числе и свободой вероисповедания, при условии, что это не противоречит общественной безопасности и особенно национальным интересам. В Законе Азербайджанской Республики «О свободе вероисповедания» отмечается, что в Азербайджанской Республике религия и религиозные структуры отделены от государства (2).

Во многих случаях религиозная принадлежность (принадлежность к различным течениям ислама) переносится на политическую позицию и в период политической деятельности за основу берутся не национальные интересы, а именно требования этих религиозно-идеологических течений. Такие случаи наблюдаются во многих странах, в том числе и Азербайджан не является исключением. К каким негативным моментам открывается путь в таком случае и в чем заключается результаты этого?

В первую очередь (во многих случаях) на поверхность выходят события и факты, как противоречащие национальным интересам, так и сформировавшиеся в обществе, но не согласующиеся с нравственными ценностями. Встречаются даже попытки проникновения в структуры госуправления, что совершенно недопустимо. С другой стороны, такая позиция во всех случаях подпитывается философией хаоса. Таким образом, апелляция к религиозно-идеологическим течениям ради различных корпоративных интересов обещает негативные результаты.

На примере некоторых стран видно, что активное влияние представителей каких-либо религиозно- идеологических течений на госуправление всегда заканчиваются негативными процессами. Произошедшие в соседних странах события показали, к чему привели выступления лиц, представленных в госуправлении, с позиций исполнения директив религиозного течения, к которому они принадлежали, при полном игнорировании национальных интересов. Здесь нужно отметить два момента: первый – те государственные мужи, используя нужные ресурсы, не смогли предпринять адекватные меры, и результат сопровождался наблюдением таких негативных моментов. А второй- это то, что политики, принадлежавшие к известному религиозно-идеологическому течению, столкнулись с «эффектом бумеранга».

Конечно, Азербайджанское государство создало все условия для пользования свободой вероисповедания каждому лицу в рамках его религиозной принадлежности. Но здесь основным является тонкий момент: все лица, представленные в госуправлении, во всех случаях однозначным образом должны действовать на основе национальных интересов. С этого момента принадлежность к какому-либо религиозно-идеологическому течению не должно иметь никакого значения.

В Конституции Азербайджанской Республики нашли свое отражение правовые основы, считающие недопустимыми спекуляции в религиозной плоскости. В пунктах I и II статьи XVIII Конституции утверждается, что в Азербайджане религия отделена от государства, все религиозные верования равны перед законом, распространение и пропаганда религиозных течений, унижающих достоинство человека и противоречащих принципам человеколюбия и гуманизма, запрещены. Согласно I и II пунктов статьи XLVIII Основного Закона, каждый обладает правом свободно определить свое отношение к религии, самостоятельно или совместно с другими исповедовать какую-либо религию или не исповедовать никакую религию, выражать и распространять свои убеждения, связанные с отношением к религии (7).

Как результат, можно сказать, что в Азербайджане, как и в некоторых странах, существуют и проводят свою деятельность различные секты – традиционные и нетрадиционные, принадлежащие к исламу и не принадлежащие к исламу(3, 42). В этом вопросе самым важным моментом является то, чтобы деятельность упоминаемых сект и течений, противоречащая местному законодательству, национальным интересам и безопасности, развившимся в обществе ценностям, была пресечена, были определены основы совершенных механизмов борьбы с ними. Для этого в полном смысле должны быть обеспечены несколько условий:

- формирование усовершенствованных идеологических и практических механизмов борьбы с вышеприведенными случаями на государственных

предприятиях стратегического назначения, должна быть обеспечена плодотворная работа правоохранительных органов;

- для устранения социальной девиации и негативных случаев в обществе необходимо усиление работы по религиозному просвещению, должна быть обеспечена координация структур, ответственных за эту работу;

- существующие в социуме соответствующие институты должны активно привлекаться к работе по религиозному просвещению.

Как видно, для обеспечения стабильности и безопасности в вопросах религиозной деятельности, а также усиления основрелигиозной безопасности необходимо проведение в жизнь достаточного количества мероприятий. Главное заключается в том, что это должно проводиться в жизнь координации деятельности центральных исполнительских органов и общественных институтов.

Список использованной литературы:

1. Cabirİskenderli, Azerbaycandaqeyri-enenevidinlerveteriqetler, Bakı: 2008
2. DiniEtiqadHaqqındaAzerbaycanRespublikasınınQanunu, Bakı: 1992
3. HidayetOrucov, Azerbaycandadin: enqedimdövrdenbugünedek, Bakı: 2012
4. <http://modern.az/articles/53394/1/>
5. <http://www.azertag.gov.az/node/1188944>
6. <http://www.scwra.gov.az/pages/126/>
7. http://yeniazerbaycan.com/Axtarish_e15079_az.html
8. Walts Kenneth N. "International Structure, National Force and Balance of World Power". James N.Rosenau ed. International Politics and Foreign Policy, a reader in research and theory.TheFreePress, NewYork: 1999

АННОТАЦИИ

Рябова Е.Л., Бормотова Т.М.,

Адаптационные проблемы межнациональной миграции (на примере Российской Федерации).

В статье отражены существующие адаптационные проблемы в миграционно-межнациональном вопросе Российской Федерации, которые рассматриваются в ракурсах напряженности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, проблемных вопросов по адаптации иностранных граждан в российское этнокультурное и религиозное пространство, профилактики напряженности в отношениях между мигрантами и коренными народами России, развитию тенденций, усиливающих межэтническую напряженность, препятствующую формированию стратегий поликультурности, определяющих перспективы развития России, а также обозначена необходимость применения экстренных мер, которые могли бы привести к улучшению демографической ситуации, к возрождению культуры и национальных традиций народов, к стабилизации положения и развитию толерантности как основы взаимоотношений людей.

Галяпина В.Н.

Сохранение этнокультурных норм в контексте адаптации вынужденных мигрантов.

В данном исследовании мы выявляли значение этнокультурных норм в социокультурной и психологической адаптации вынужденных мигрантов. Выборка включала вынужденных мигрантов - южных осетин, покинувших свою родину в ходе осетино-грузинского конфликта и проживающих на территории Российской Федерации (N=400).

Результаты исследования показали, что установки вынужденных мигрантов на сохранение этнокультурных норм, соблюдение этих норм в семье, наличие большого количества друзей своей этнической группы и частые контакты с ними детерминированы выраженностью и позитивностью этнической и этно-региональной идентичностями. Ориентация на сохранение этнокультурных норм в целом способствует повышению удовлетворенности жизнью и собой, а также снижению трудностей в социокультурной адаптации. Стратегия вынужденных мигрантов на сохранение этнокультурных норм является одним из защитных механизмов, который создает смысл, определенность и в целом способствует успешной психологической и социокультурной адаптации.

Ключевые слова: вынужденные мигранты, этнокультурные нормы, психологическая и социокультурная адаптация

Preservation of ethno-cultural norms in the context of adaptation of forced migrants abstract. In this study, we discovered the value of ethno-cultural norms in the socio-cultural and psychological adaptation of forced migrants. The sample consisted of forced migrants - South Ossetians, who fled their homeland during the Ossetian-Georgian conflict and now living in the Russian Federation (N = 400). The results showed that the attitude of forced migrants to preserve ethnic and cultural norms, compliance with these standards in the family, large number of co-ethnic friends and frequent contacts with them are determined by the severity of positive ethnic and ethno-regional identities. Orientation to preserve ethnic and cultural norms generally contributes to satisfaction with life and self and reduce the difficulties in socio-cultural adaptation. The strategy of forced migrants to preserve ethno-cultural norms is one of the protective mechanisms that creates meaning, certainty and generally contributes to a successful psychological and socio-cultural adaptation.

Key words: forced migrants, ethno-cultural norms, psychological and sociocultural adaptation.

Галаганова С.Г.

Русский национализм и имперское сознание.

Антиномия этнической и гражданской форм национализма анализируется в непосредственной связи с идеями либерализма и социализма, «русского национального государства» и многонациональной российской империи. Рассматривая русский этнический национализм как буржуазно-либеральную технологию разрушения полиэтнических социально-государственных общностей, автор делает вывод о необходимости его преодоления в имперской форме национального самосознания.

Ключевые слова: Русский национализм, этнический национализм, гражданский национализм, империя, имперское сознание.

Russian nationalism and supranational mentality Ethnic and civic types of Russian nationalism are comprehended and discussed as fundamentally interlocked with liberal and socialist ideas. Both are identified with two contrast forms of mass mentality and societal organization, described as ethnical (tribal) and empire (supranational).

KEY WORDS Russian nationalism, ethnic nationalism, civic nationalism, empire, empire (supranational) mentality.

Пономарева Е.Г., Ананченкова П.И.,
Левашова М.А., Кузнецов М.Ю.

**Гендерное неравенство в социально-трудовой сфере
(опыт социологического исследования федерации
независимых профсоюзов России).**

В статье анализируются проблемы гендерного неравенства, выявляются существующие формы половой дискриминации, проявляющиеся в сфере труда, производства, карьерного роста и др. Результаты исследований ученых и профсоюзных специалистов показывают, что, несмотря на демократические перемены в нашей стране, проблема равенства полов в социально-трудовой сфере до сих пор полностью не решена.

Ключевые понятия: гендер, гендерное неравенство, социально-трудовая сфера, Федерация независимых профсоюзов России.

Ивакин Г.А.

Стратегия и тактика черносотенных союзов и организаций на выборах в III государственную думу.

В статье рассматривается предвыборная стратегия и тактика черносотенных союзов и организаций в ходе избирательной кампании в III Государственную думу. На основе архивных документов анализируются предвыборные идеологические установки, характер и способы предвыборной агитации. Особое внимание уделено попыткам консолидации правоконсервативных политических сил накануне выборов. Обоснованы выводы, согласно которым разделенность черносотенных организаций привела к упущению возможности их полномасштабного представительства в стенах Государственной Думы.

Ключевые слова: черносотенство, русский консерватизм, дореволюционная Государственная Дума, Союз Русского Народа, Русское Собрание, Союз Русских Людей.

Abstract. The article discusses campaign strategy and tactics of the Black Hundred unions and organizations during the election campaign in the III State Duma. On the basis of archival documents analyzed ideological campaign setting, nature and methods of campaigning. Particular attention is given to attempts to consolidate right-wing conservative political forces on the eve of elections. Substantiated findings that separation reactionary organizations led to missed opportunities to ensure their full representation in the State Duma.

Keywords: Black Hundreds, Russian conservatism, pre-revolutionary State Duma, the Union of Russian People, Russian Assembly, the Russian Union of People.

Ткаченко Е.Н.

Профессиональная культура специалиста: определение, структура, факторы формирования

В статье рассмотрены некоторые подходы к определению понятия «профессиональная культура». Выделены основные элементы профессиональной культуры и их прикладное значение, а также факторы, способствующие эффективному формированию норм и элементов профессиональной культуры специалиста.

Тюкин О. А.

**Институционализация социального обслуживания
пожилых людей на дому.**

В статье изложены результаты теоретического исследования институционализации социального обслуживания пожилых людей на дому. Указаны основные причины необходимости обслуживания людей пожилого возраста при организации социальной работы с данной категорией граждан. Определена специфика направлений деятельности для увеличения спектра предоставляемых услуг и повышения качества их предоставления.

Ключевые слова: институционализация, социализация, помощь, потребности, пожилые люди, социальное обслуживание, домашние условия

The institutionalization of social services for the elderly at home

the article presents the results of theoretical study of the institutionalization of social services for the elderly at home. Provides the main reasons for the maintenance of older persons in the organization of social work with this category of citizens. Identified specific activities to increase the range of services and improve the quality of their provision.

Keywords: institutionalization, socialization, the assistance needs, the elderly, social services, household conditions.

Пищик В.И.

Кросс-культурные особенности конспиративистской ментальности.

В статье представлен анализ зарубежных и российских исследований по проблеме конспиративистской теории (теории заговора). Предложены три объяснительные схемы конспиративистской теории: социокультурная, личностная и ситуативная. На примере эмпирического исследования приверженности теориям заговора двух национальных и поколенческих групп кумыков и русских демонстрируется взаимосвязь культурных, личностных и

ситуативных факторов, влияющих на принятие веры в заговор. Результаты сопоставлены с зарубежными исследованиями. Показано отрицательное влияние теории заговора на рациональные выборы людей в обществе.

theory of a conspiracy, conspiracy mentality, personal characteristics, cultural model, a belief in conspiracies, generation

The article presents the analysis of the foreign and Russian studies on the problem of conspiracy theory. The proposed three explanatory schemes conspiracy theory: socio-cultural, personal and situational. For example, empirical studies of adherence to conspiracy theories two national and generational groups of Kumyks and Russian shows the relationship cultural, personal and situational factors affecting the adoption of belief in a conspiracy. Results are compared with foreign research. Shows the negative impact of conspiracy theories on rational choices that people in society.

Грязнова В.Н.

**Инновационный подход к регулированию
отношений в системе здравоохранения.**

анализируются некоторые социально-профессиональные проблемы российского здравоохранения, связанные с инновационным характером его развития.

Ключевые слова: инновации в российском здравоохранении, конкурентные стратегии развития здравоохранения, качество кадровое обеспечение здравоохранения, профессионализм персонала лечебно-профилактических учреждений.

Innovations of Russian health sector, competitive strategy of health care development, quality staffing of health, professional staff of medical institutions.

Examines some socio-professional problems of the Russian health care associated with the innovative nature of its development.

Терновая Л.О.

**Город для студентов vs студенческий городок:
взаимовлияние места и качества обучения.**

В статье сравниваются условия жизни студентов в крупных городах и университетских кампусах, объединяющих учащихся разных вузов. Подчеркивается, что соединение этих двух моделей лучшим образом влияет как на обучение, так и на социализацию студенческой молодежи.

Ключевые слова: студенчество, университет, кампус, урбанизация.

City vs student campus: mutual influence of location and the quality of education

Abstract: This article compares the living conditions of students in large cities and college campuses, uniting students from different universities. Emphasizes that the combination of these two models would impact on both learning and the socialization of students.

Keywords: student, university, campus, urbanization.

Кондрашкин В.А.

**Должностной рост государственных гражданских служащих как форма
их социальной мобильности**

В данной статье рассмотрены проблемы социальной мобильности на государственной гражданской службе и влияние на этот процесс карьерных устремлений служащих. Автором на основе анализа проведенных ранее кафедрой государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации исследований, а также собственных исследований проведенных в федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации предпринята попытка доказать влияние факторов взаимодействия различных категорий государственных служащих на формирование карьерных устремлений работников государственного аппарата по средствам должностного роста.

Кокорева М.Е.

**Социокультурные аспекты реабилитации
инвалидов в России.**

Аннотация: в статье раскрыто понятие «инвалид», рассмотрены и проанализированы аспекты реабилитации и адаптации индивидов, перенесших инсульт.

Ключевые слова: инсульт, реабилитация, адаптация, инвалидность

Sociocultural aspects of rehabilitation of disabled people in Russia. Kokoreva M. E.

Abstract: in article the concept «disabled person» is opened, aspects of rehabilitation and adaptation of the individuals who have had a stroke are considered and analysed.

Keywords: stroke, rehabilitation, adaptation, physical inability

**Социально-политический мониторинг восприятия
и профилактики**

экстремизма органами молодёжной политики (на примере республики башкортостан).

Велики роль и влияние экстремизма на современный социально-политический процесс: разнообразные проявления данного явления нарушают стабильность общественно-политической жизни и вызывают угрозу безопасности граждан в стране и во всем мире. В данной статье исследуются институциональные особенности восприятия экстремистской деятельности органами молодёжной политики в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: экстремизм, политические технологии, противодействие, опрос, молодёжь, идеология, мотивация, рекомендации, семья, образование.

Maxim Anatolyevich BELYAEV

Social and political monitoring of perception and prevention of extremism by bodies of youth policy (on the example of the republic of bashkortostan)

the role and influence of extremism on the modern social and political process is great: various manifestations of this phenomenon break stability of political life and cause menace to the safety of citizens in the country and around the world. Institutional features of perception of extremist activity by the bodies of youth policy in the Republic of Bashkortostan are investigated in this article.

Key words: extremism, political technologies, counteraction, opinion poll, youth, ideology, motivation, recommendations, family, education.

Аминов И.Р.

**Место и роль России в этнополитическом
конflikте Украины.**

Этнополитические конфликты представляют собой противоборство или противостояние двух или более субъектов политики, причинами которых служит несовместимость этнических, национальных, культурно-цивилизационных кодов и интересов, обусловленных деятельностью действующей политической власти и элитарными предпочтениями. Гражданская война в восточной Украине, как разновидность этнополитического конфликта, уносит колоссальные человеческие потери, разрушает инфраструктуру в государстве, провоцирует социально-политическую и экономическую нестабильность в обществе. И вызывает множество вопросов к действующей политической власти на Украине.

Данные аспекты побуждают мировое сообщество реагировать на этнополитические противостояния на Украине и предпринимать рациональные меры для обеспечения общенациональной безопасности и сохранения мира в государстве.

Ключевые слова: политология, политическая регионалистика, этнополитика, национальные отношения, федерализм, этнополитический конфликт, Украина, Российская Федерация, украинский кризис, политический кризис, национальная безопасность.

Осипенко Н.И.

**Совершенствование механизма обеспечения
востребованности кадрового потенциала региона.**

Статья посвящена актуальным проблемам, связанным с совершенствованием механизма обеспечения востребованности кадрового потенциала, которые рассмотрены на примере Московской области. Обоснована необходимость разработки региональной кадровой политики, выступающей необходимым условием обеспечения востребованности кадрового потенциала региона. Раскрыто содержание механизма обеспечения востребованности кадрового потенциала региона. Рассмотрены основные направления регулирования кадровых процессов и отношений, обеспечивающих востребованность кадрового потенциала региона.

Ключевые слова: кадровый потенциал региона, востребованность кадрового потенциала региона, региональная кадровая политика, механизм обеспечения востребованности кадрового потенциала региона.

Abstract: the Article is devoted to topical problems related to improvement of the mechanism of ensuring the relevance of personnel potential, which is considered by the example of the Moscow region. The necessity of the development of regional personnel policy, serving a necessary condition for ensuring the relevance of personnel potential of the region. Contents of mechanism to ensure the relevance of personnel potential of the region. The basic directions of regulation of HR processes and relationships that ensure the relevance of personnel potential of the region.

Keywords: personnel potential of the region, the demand for personnel potential of the region, the regional human resources policy, a mechanism for ensuring the relevance of personnel potential of the region.

Противоречия в терминологической системе теории текста

Анализ теоретического и практического материала показал, что противоречия в терминологической системе теории текста являются ее фундаментальными характеристиками. В ней [терминосистеме] наблюдаются стабильность в синхронии и изменчивость в диахронии. В системе наблюдаются структурная упорядоченность терминов-единиц и неопределенность их выбора, синтагматическая однозначность составных терминов-единиц и парадигматическая многозначность компонентов, входящих в составную терминологическую систему.

Ключевые слова: текст, термин, лингвистика текста, терминосистема лингвистики текста, синтагматическая однозначность составных единиц и парадигматическая многозначность их компонентов.

Analysis of theoretical and practical material showed that the differences in the terminology system theory of the text are its fundamental characteristics. It [there are] the stability and changes in synchrony and diachronically. Also observed in the system of structural ordering of terms and uncertainty of their choice, a unique composite syntagmatic and paradigmatic terms ambiguity of the components in the composite terminology system.

Keywords: the term text linguistics, text linguistics terminology, syntagmatic unambiguous component units and paradigmatic ambiguity components.

Маклашова Е.Г., Осипова О.В.

**Место и роль этнической идентичности у молодежи
(на примере арктических территорий Якутии) 1.**

Статья посвящена вопросам этничности и проблеме формирования этнической идентичности в современной России. Объектом исследования является молодежь, проживающая в периферийных арктических регионах Якутии. Устанавливаются особенности восприятия молодежью своей национальной (этнической) принадлежности, готовность к этнической сплоченности, а также факторы этничности. Авторы выявляют приемлемые для молодежи формы участия в процессе отстаивания своих интересов. Работа основана на количественном методе социологического исследования.

Ключевые слова: этническая идентичность, молодежь, этносоциальные процессы, арктические районы Якутии.

The article deals with problems of ethnicity and ethnic identity in contemporary Russia. The object of this study is young people, who live in peripheral arctic regions of Yakutia. The aim is to determine the characteristics of the ethnic identity of youth in specific political, cultural and geographical conditions. There are perceptions of the young people to their ethnic identity and ethnic cohesion. The authors determine acceptable forms of participation for young people in the process of defending their interests. The work is based on quantitative research method.

Keywords: ethnic identity, youth, ethnosocial processes, arctic regions of Yakutia.

Славина Л.Р., Маклакова Е.М., Мустафина Л.Р.

**Обзор состояния двуязычного образования в западноевропейских и северо-американских странах
(Из истории билингвального образования)**

В данной статье рассматриваются билингвальное образование в историческом контексте. Приводятся примеры становления и популяризации двуязычного образования из североамериканского и европейского опыта.

Ключевые слова: глобализация, многонациональность, билингвальное образование, домашний язык, двуязычие.

Review of the state of bilingual education in the western European and North American countries (history of bilingual education) This article discusses bilingual education in historical context. Examples of formation and promotion of bilingual education from North American and European experience.

Key words: globalization, multinational, bilingual education, domestic language, bilingualism.

Калинина О.В.

**Роль природных образов в романе А. Макина
«Реквием по Востоку».**

В статье анализируется роль описаний природы в романе А. Макина «Реквием по Востоку», рассматривается предшествующая традиция французской литературы о России, обосновывается оригинальность созданных писателем природных образов.

Ключевые слова: Андрей Макин, «Реквием по Востоку», французская литература, русская природа, снега, степи, стереотип, история.

1. Статья выполнена в рамках исследования по Гранту Президента Российской Федерации МК-3393.2013.6 «Арктика молодая: идентичность, жизненные стратегии молодежи Северной Якутии»

Nature Imagery in "Requiem for a Lost Empire" by Andrei Makine

The article analyses nature imagery in "Requiem for a Lost Empire" by Andrei Makine, and looks into traditional portrayal of Russia in French Literature. It continues with proving the novelty of nature imagery by Makine.

Keywords: Andrei Makine, "Requiem for a Lost Empire", French literature, russian nature, snow, steppes, stereotype, history.

Еременко К.С.

Модели национальной идентичности в общественном дискурсе Канады: от прошлого к настоящему

В статье рассматриваются исторические этапы, которые прошла в своем развитии канадская национальная модель – от имперской британской идентичности до «нового национализма» и, наконец, мультикультурализма. Автор отмечает, что на современном этапе мультикультурализм нередко подвергается критике различными представителями канадского общества и теряет свои позиции в роли отличительной черты канадской нации.

Ключевые слова: Канада, национальная идентичность, дискурс, новый национализм, мультикультурализм

Models of national identity in the public discourse of Canada: historical overview and current trends

Abstract: This article discusses the historical stages through which the Canadian national model has evolved – from identification with British imperialism, to a "New Nationalism", and finally to multiculturalism. The author notes that today multiculturalism is often criticized by various members of Canadian society and is losing its position as a key feature of Canadian identity.

Key words: Canada, national identity, discourse, New Nationalism, multiculturalism

Ерохин И.Ю.

К вопросу типологии казачьих войск: этнические казаки войска с кантонной системой управления.

Понять суть формирования государственного управления казачеством принципиально невозможно без понимания сути специфики развития отдельных казачьих войск и казачьих регионов. Данная статья есть попытка взглянуть на историю казачества через призму специфики ее регионального аспекта.

Ключевые слова и фразы: казаки, Россия, история, территории, государство, развитие, этнос, народ, культура, особенности.

Concerning types of cossack troops: troops from ethnic and cantons control system

Understand the formation of government Cossacks fundamentally impossible without the understanding of the development of individual Cossack troops and some Cossack territories. The article is an attempt to look at the history of the Cossacks in the light of the characteristics of the Cossack regions.

Keywords: Cossacks, Russia, history, territory, state, development, ethnicity, nation, culture, features.

Мартыненко С.Е.

Спорт как фактор дипломатического диалога.

В данной статье анализируется спортивная дипломатия как одна из действенных форм межгосударственного общения, представлены ее цели и задачи; рассмотрены исторические примеры встреч лидеров государств в рамках проведения международных спортивных состязаний, а также спортивная индустрия как отрасль экономики.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, Олимпийские игры, бойкот, спортивная индустрия, спорт и политика. Annotation: Sports diplomacy as one of the most effective forms of interstate communication, its goals and objectives are analyzed in this paper; historical examples of leaders' meetings in the framework of international sports competitions and the sports industry as an economic sector are also considered.

Keywords: sports diplomacy, the Olympic Games, boycott, sports industry, sport and politics.

Галандаров Нурлан

Общественно-политическая стабильность в Азербайджане в контексте религиозной безопасности

В статье было уделено внимание вопросам религиозной безопасности и отношений религии-государства в условиях глобализации. В контексте безопасности была проанализирована деятельность различных традиционных и нетрадиционных религиозных сект, принадлежащих и не принадлежащих к Исламской религии. В статье также были изучены такие вопросы как, религиозная ситуация, обстановка в сфере безопасности, регулирование деятельности религиозных общин на основе законов. Тема была рассмотрена в контексте глобализации на фоне реалий XXI века.

Ключевые слова: религиозные секты, политической стабильности, религиозная безопасность в Азербайджане

In this article deals with problems of religious security and religion-state relations in the context of the globalising. Activities of the different religious sects which are belong to traditional and non-traditional of Islamic religion is analysed in the context of security. In the article deals with religious situation in Azerbaijan, security condition, regulation of the activities of the religious communities on the basis of laws and from problems. Problems are investigated in the context of the globalising in the background of realities of the XXI century

Keywords: religious sects, political stability, religious security in Azerbaijan

АВТОРЫ

1. **Рябова Е.Л.** доктор политических наук, профессор, главный редактор Издательского центра «Этносоциум» E-mail: etnosocium@mail.ru
2. **Бормотова Т.М.** Федеральная миграционная служба Министерства Внутренних Дел России, кандидат социологических наук. E-mail: tbormotova.68@mail.ru
3. **Галяпина В.Н.** Старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований ФГАОУВПО НИУ «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент. E-mail: vikagalyapina@mail.ru
4. **Галаганова С.Г.** Кандидат философских наук, доцент кафедры «Политология» МГТУ имени Н. Э. Баумана. E-mail: 23_polecat@mail.ru
5. **Пономарева Е.Г.** профессор АТиСО, кандидат экономических наук. E-mail: ananchenkova@inbox.ru
6. **Ананченкова П.И.** профессор АТиСО, кандидат экономических наук. E-mail: ananchenkova@inbox.ru
7. **Левашова М.А.** старший преподаватель АТиСО. E-mail: ananchenkova@inbox.ru
8. **Кузнецов М.Ю.** старший преподаватель АТиСО. E-mail: ananchenkova@yandex.ru
9. **Ивакин Г.А.** доцент кафедры истории российской государственности Факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: Ivakin@rane.ru
10. **Ткаченко Е.Н.** кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
11. **Тюкин О. А.** Аспирант кафедры социологии Московского гуманитарного университета. E-mail: Le_go@mail.ru
12. **Пищик В.И.** Институт управления, бизнеса и права, профессор кафедры психологии и управления персоналом, доктор психологических наук. E-mail: vladaph@yandex.ru
13. **Грязнова В. Н.** кандидат социологических наук, доцент кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: verarags@mail.ru
14. **Петрухина Н.Б.** кандидат медицинских наук, магистр кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: verarags@mail.ru
15. **Кондрашкин В.А.** советник отдела государственной службы и кадров центрального аппарата Департамента государственной службы и кадров Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Аспирант кафедры государственной службы и кадровой политики института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: izdanie-k@list.ru

16. **Кокорева М.Е.** аспирантка 2 курса кафедры социологии. Центр патологии речи и нейрореабилитации, специалист социальной работы. E-mail: emoshnyaga@gmail.com
17. **Терновая Л.О.** Доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет). E-mail: 89166272569@mail.ru
18. **Беляев М.А.** аспирант РАНХиГС при Президенте РФ, директор Агентства при-мирительных технологий Центра ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе Башкирского института социальных технологий. E-mail: vvgrb@mail.ru
19. **Аминов И.Р.** кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Башкирского государственного университета. E-mail: aminov76@mail.ru
20. **Осипенко Н.И.** Аспирант ФГБОУ ВПО РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Россия, 119606, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84, стр. 2). E-mail: osipenko.nk@yandex.ru
21. **Дидигова И.Б.** Ингушский государственный университет 386102, Республика Ингушетия, г. Магас, ул.Х.-Б. Муталиева,6 E-mail: ing_gu@mail.ru
22. **Маклашова Е.Г.** Научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат политических наук. E-mail: maklashova@mail.ru
23. **Славина Л.Р.** к.ф.н., Набережночелнинский филиал КФУ, доцент кафедры иностранных языков. E-mail: LILISR@rambler.ru
24. **Маклакова Е.М.** к.ф.н., Набережночелнинский филиал КФУ, доцент кафедры иностранных языков
25. **Мустафина Л.Р.** Набережночелнинский филиал КФУ, старший преподаватель кафедры иностранных языков
26. **Калинина О.В.** Аспирантка Кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета. E-mail: o.v.kalinina1605@gmail.com
27. **Еременко К.С.** Ассистент кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета. E-mail: eremenko.ks@dvfu.ru
28. **Ерохин И.Ю.** Кройдон Колледж, Лондон, Великобритания, старший научный сотрудник E-mail: eiu21@ya.ru
29. **Мартыненко С.Е.** аспирант 3 года обучения кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: priem_od@mail.ru
30. **Галандаров Нурлан** докторант НИИ по правам человека НАНА. E-mail: ibrahimova-gulzar@rambler.ru

ПРОДОЛЖАЕМ
КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ
ПО ТЕМЕ:
**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 708 3000
Справки по тел. +7 (495) 708 3000

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Объем материалов не должен превышать для аспирантов и соискателей — 6 (шесть) страниц машинописного текста, для докторантов и докторов наук — до 10 (десяти) страниц машинописного текста, шрифт 14, интервал — 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.
3. Сноски помещаются постранично, нумерация сносок должна быть сквозная, высота шрифта 8 пунктов; межстрочный интервал — одинарный.
4. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.
5. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (как по электронной почте, так и непосредственно на носителе) и распечатанной рукописи в 2-х экземплярах.
6. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.
7. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ;
- Высший Арбитражный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.knigadom.com

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Н. Э. Архипова
Корректор Ф.Э. Вайс
Дизайн и верстка Н. Э. Архипова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л.23,75